

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»)

На правах рукописи

Младенов Василий Иванович

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ГОСУДАРСТВЕННО-
КОНФЕССИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.11 *Социальная философия*
(*философские науки*)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Жуков Артем Вадимович

Чита – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	14
1.1. Характеристика зарубежных научных исследований, посвященных анализу государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям	14
1.2. Направления исследований государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям в российской науке.....	35
Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОДХОДА К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С КОНФЕССИЯМИ В РОССИИ.....	63
2.1. Государственный подход к государственно-конфессиональным отношениям в дореволюционной России.....	63
2.2. Особенности государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям в постсоветский период	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	116
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	121

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена значительно возросшим уровнем социальной активности религиозных объединений, происходящим в последние десятилетия в Российской Федерации. В условиях глобализации и обусловленных ею процессов трансформации духовных ценностей и национальных идентичностей российское государство сталкивается с необходимостью решать проблемы взаимодействия религии и общества. Современные религиозные объединения, получая возможность значительного влияния на общество, вступают в тесные отношения с политикой и экономикой и реализуют в своей деятельности ряд нерелигиозных функций. Вместе с ростом социального влияния религии происходит увеличение степени рисков с ее стороны, поэтому государство должно придерживаться определенного подхода в своих отношениях с конфессиями. Однако проблему представляет то, что постоянно изменяющиеся условия социального развития оказывают существенное влияние на содержание государственного подхода к сфере государственно-конфессиональных отношений.

В России сфера государственно-конфессиональных отношений подвергается изменениям, реагируя на объективно проходящие трансформации государственной политики в отношении религии. В частности, в период становления государственности взаимодействие между государством и церковью определялось идеалом Православной Руси. Долгое время влияние на процессы государственно-конфессионального взаимодействия оказывали идеи православной соборности. В XX в. государственно-конфессиональные отношения зависели от меняющейся политической конъюнктуры, включая полное отделение религиозной сферы от государственной, затем временный союз во имя противостояния внешней агрессии и последующее противостояние в условиях возврата государства к политике атеизма. Конец 80-х гг. XX в. ознаменовался обращением государства к религиозным ценностям, связанным с Православием,

укрепившим свое положение в связи с процессами «перестройки». Однако в нач. 90-х гг. в условиях постсоветской России произошла резкая активизация зарубежных и российских религиозных движений, что поставило вопрос о необходимости заново определять содержание государственного подхода к взаимодействию с разнообразными конфессиями. Вот уже около тридцати лет ведутся попытки определить сущность и параметры государственно-конфессиональных отношений, однако до сих пор Концепция государственно-конфессиональных отношений не была принята на уровне правительства.

Современная проблематика государственно-конфессиональных отношений требует формирования государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям, так как данный вопрос относится к фундаментальным проблемам развития российского общества, определяющего, в каком направлении ему развиваться и какой социальный багаж для этого использовать. Проведение социально-философского анализа, предполагающего выделение существенных закономерностей государственно-конфессионального взаимодействия, способно представить обоснование решений, связанных с определением содержания взаимодействия государства и религиозных объединений на территории современной Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы. Государственно-конфессиональное взаимодействие неоднократно выступало в качестве предмета исследований. В частности, вопросы, связанные с трансформацией сферы государственно-конфессиональных отношений, подробно освещались в исторических, правовых, философских исследованиях. В западной философии обсуждение проблематики государственно-конфессиональных отношений велось в период Средневековья в рамках богословской концепции (Августин, А. Робер, Дж. Реале, Д. Антисери). В период Нового времени распространились секулярные концепции, обосновывающие принципы жизнедеятельности автономных от церкви государств (Н. Макиавелли,

Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант). Развитие идей секуляризма проводилось в концепциях, основанных на «принципе национальности» (И. Блюнчли, П. Манчини, Г. Еллинек, К. Клаузевиц, Г. Гегель). Вклад в развитие идей о взаимодействии государства, общества и религии в русле секуляризма сделан в марксизме (К. Маркс, Г. и Дж. Ленски, П. Штомпка, Т. Б. Боттомор) и социологии религий (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Э. Трельч). С середины XX в. на осмысление проблем государственно-конфессиональных отношений оказывала влияние концепция политического противостояния (Г. Моргентау, Х.Л. Макиндер, К. Хаусхофер) и концепция «информационной войны» (Т. Рон, Г. М. Маклюэн, Р. Д. Лифтон, Дж. Пост, Ф. Конвей, Дж. Сиглман). Представители социологии считали, что социальная стратегия религиозных объединений характерна для любых социальных групп (Т. Парсонс, У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, Р. Белла, Дж. Мелтон, Дж. Ричардсон, Б. Бейнбридж, Р. Нибур, Б. Р. Уилсон, П. Тиллих, Э. Баркер, П. Вилкинсон, В. Хоффман, В. С. Дурхам, А. Д. Херцке, С. Форрест).

В отечественных исследованиях государственно-конфессиональных отношений традиционно доминирует влияние трудов, выстроенных на принципах «охранительной концепции» (Н. М. Карамзин, А. Х. Бенкендорф, М.М. Сперанский, С. С. Уваров, А. Д. Градовский, И. С. Бердников, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров). Концепцию гармоничного развития отношений между церковью и государством отстаивали Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин. Концепция либерализации разрабатывалась в трудах П. Б. Струве, Б. Н. Чичерина, П. А. Прокашева, С. В. Троицкого, Н. К. Арсеньева, С. П. Мельгунова, В. Я. Уланова, С. Котляревского. В Советском Союзе осмысление государственно-конфессиональных отношений проходило в рамках «охранительной» концепции (В. И. Ленин, В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, Е. М. Ярославский, Н. М. Никольский, Н. Ф. Платонов, Е. Ф. Грекулов,

М. А. Рейснер, А. И. Клибанов, С. А. Токарев, Н. С. Гордиенко, Л. Н. Митрохин, Д. Угринович). Однако в период 1980-1990-х гг. государственно-конфессиональное взаимодействие вновь испытало влияние либерализма (М. Ф. Флоринский, Б. Боровой, Н. П. Красников, Е. В. Фоминых, С. Н. Савельев, П. Н. Зырянов, А. Н. Красников, А. Г. Семашко, М. И. Одинцов, М. А. Волхонский, А. Ю. Бахтурина, В. С. Дякина, Р. М. Мухаметшина). Идеи либерализма повлияли на содержание трудов исследователей государственно-конфессиональных отношений юридического направления (В. Г. Баев, С. А. Бурьянов, С. А. Мозговой, А. А. Дорская, А. Х. Кирсанов, И. А. Куницын, И. А. Саидов, О. С. Шутова, М. О. Шахов). Либеральный подход отражён в трудах таких религиоведов, как П. Н. Костылев, Н. А. Митрохин, Н. С. Гордиенко, С. И. Иваненко, А. В. Логинов, Е. С. Элбакян, А. В. Третьякова, А. Л. Беглов, М. А. Бабкин. Во многом близок либеральному направлению системный подход, получивший обоснование в трудах И. Я. Кантерова, Р. Подопригоры, Е. Мирошниковой, О. К. Шиманской, В. А. Федоровой, Д. Ш. Цырендоржиевой, уделяющих внимание необходимости сохранения прав и свобод верующих. Мнение о том, что государственно-конфессиональные отношения должны быть направлены на сохранение традиционных духовных ценностей, выражается представителями «охранительного подхода» (Д. Ю. Арапов, Е. И. Воробьева, Е. Л. Забарчук, Н. В. Кривельская, А. Кураев, Т. С. Оленич, Р. А. Силантьев, О. С. Ульянова, О. С. Шутова, А. Л. Дворкин, А. В. Щипков, А. И. Хвыля-Олинтер). При этом указанные исследования в основном касались вопросов исторического, юридического, религиоведческого характера и не давали комплексного анализа трансформации государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям, необходимость которого становится очевидной в последние годы. В связи с этим назрела необходимость проведения социально-философского анализа государственного подхода по отношению к взаимодействию с конфессиональной сферой.

Объект исследования – государственно-конфессиональные отношения.

Предмет исследования – трансформации государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям в России в течение XX–XXI вв.

Цель исследования – выявить закономерности складывания политики российского государства в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Для достижения указанной цели поставлены **задачи**:

1) дать характеристику зарубежных научных исследований, посвященных анализу государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям;

2) выявить направления исследований государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям в отечественных научных исследованиях;

3) раскрыть особенности государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям в России и Советском Союзе;

4) проанализировать специфику современного подхода российского государства к регулированию государственно-конфессиональных отношений.

Теоретическая основа диссертационного исследования задана:

– теорией социальной эволюции религии (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, П. Тиллих, Б. Р. Уилсон, И. Я. Кантеров, С. И. Иваненко);

– теорией религиозного конфликта (Р. Дарендорф, К. Маркс, Н. Луман);

– теорией комплексного религиоведения (И. Н. Яблоков, А. П. Забияко, М. Шахнович, Р. Н. Лункин);

– теорией государственно-конфессиональных отношений (М. И. Одинцов, А. Ю. Григоренко, М. О. Шахов, М. Н. Фомина).

Методологической основой исследования являются:

– исторический подход, показывающий динамику формирования

государственно-конфессиональных отношений (Д. Ф. Штраус, Ф. Энгельс, Е. М. Штаерман);

– системный подход, раскрывающий структуру и закономерности развития социальных систем и ценностей общества (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман);

– комплексный религиоведческий подход, используемый при анализе современного государственно-конфессионального взаимодействия (И. Н. Яблоков, П. В. Чельшев, В. С. Полосин);

– сравнительный религиоведческий подход, позволяющий сопоставить западную и отечественную теоретическую базу в контексте исследования, либеральные и консервативные позиции анализа государственно-конфессиональных отношений (М. Мюллер, Б. Н. Ерасов, А. С. Колесников, С. Л. Бурмистров).

В работе использованы общенаучные методы, такие как метод структурно-функционального анализа, сравнение, концептуализация, проблематизация, моделирование, анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному.

Эмпирическая база исследования сформирована рядом нормативно-правовых актов, направленных на регулирование государственно-конфессиональных отношений. Наиболее значимыми явились такие документы, как Конституция Российской Федерации, Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», Уголовный кодекс Российской Федерации, а также законы субъектов Российской Федерации и акты государственных органов и органов местного самоуправления. Анализу подверглись такие документы, как «Социальная концепция РПЦ», «Социальная концепция российского иудаизма», «Социальная программа российских мусульман», «Социальная позиция протестантских церквей России». В работе проводился анализ содержания проекта «Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации», выполненного кафедрой религиоведения РАГС при Президенте РФ в 2001 г.,

и «Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации» (разработан региональной общественной организацией «Институт государственно-конфессиональных отношений и права» и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве).

Научная новизна.

1. Представлено, что в зарубежных научных исследованиях анализ подхода государства к взаимодействию с религиозными объединениями проводится под влиянием идей социального либерализма и правовой стабильности.

2. Выявлено, что в российских исследованиях государственно-конфессиональных отношений выделяется либеральное направление, утверждающее необходимость защиты прав на свободу религиозного выбора, и консервативное направление, стремящееся к сохранению религиозных традиций общества.

3. Раскрыто, что российское государство традиционно стремится к взаимодействию с религиозными объединениями, ориентируясь на ценности консервативного, «охранительного» подхода.

4. Обосновано, что специфика современного подхода российского государства к регулированию государственно-конфессиональных отношений заключается в сохранении противостояния либерального и «охранительного» подходов, один из которых защищает идеалы «свободы совести» человека, другой – «институциональные права верующих».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Особенностью западных научных исследований по проблемам государственно-конфессионального взаимодействия является господство теоретических положений, согласно которым государство определяет отношение к религиозным объединениям, исходя из норм либерализма и законодательства, предполагающего наличие ответственности за реальные последствия социальных практик. Разработка либеральных идей

инициирована секулярной теорией в период Нового времени, утверждающей, что задача системы государственно-конфессиональных отношений – защита прав свободы совести каждой личности. Обоснование либерального подхода завершено в теории социального либерализма, где сформулировано положение о том, что государство взаимодействует с религиозными объединениями только как с социальными группами, подчиняющимися нормам законодательства, что обусловило отсутствие необходимости выделения государственно-конфессионального взаимодействия из сферы государственно-социального взаимодействия.

2. Особенностью отечественных исследований государственно-конфессиональных отношений является пристальное внимание к проблемам сохранения национальной культуры и традиций духовности. В частности, специфика подхода дореволюционных отечественных исследований к государственно-церковным отношениям заключалась в обосновании необходимости сохранения православия как социообразующей религии. В связи с проведением реформы государственно-конфессиональных отношений в нач. XX в. среди отечественных авторов стало ощутимым влияние идей либерализма, основанного на убеждении, что власть должна быть ограничена законодательством, отстаивающим свободу совести. Однако в советский период влияние либерализма снизилось в связи активизацией борьбы с религией, поэтому советские исследования доказывали необходимость «охранительного» подхода в отношениях государства с конфессиями. В постсоветский период в связи с изменением отношения государства к религии вновь проявилось влияние либерализма, в противоречие с которым вошли идеи «охранительного» подхода, сохраняющего устойчивые позиции в сфере исследований государственно-конфессиональных отношений.

3. В истории государственно-конфессиональных отношений в России выделяется три этапа, отличающихся по принципу доминирования политики цезарепапизма, секуляризма и либерализма. На первом этапе государство и

религия составляли единую структуру религиозно-политического руководства, олицетворением которой стала идеология Третьего Рима. На втором этапе процесс секуляризации общества привел к проведению реформ XVIII–XIX вв., нацеленных на формирование светских отношений государства с церковью. В этот период секуляризм столкнулся с противостоянием консервативного «охранительного» подхода, влияние которого приводило к контрреформам, нацеленным на принятие протекционистских мер по отношению к православию и ограничительных мер по отношению к иным религиям. В XX в. в связи с проведением реформ Николаем II начинается либеральный этап, связанный с влиянием идей о свободе религиозного выбора и отделении сферы религии от государства, которые продолжали оказывать воздействие на государственный подход к взаимодействию с религиозными объединениями в советский период.

4. В Российской Федерации отсутствует концепция государственно-конфессиональных отношений, одной из причин чего является сохранение противостояния либерального и «охранительного» подходов, первый из которых защищает идеалы «свободы совести» человека, второй – «институциональные права верующих». Устойчивое сохранение влияния либерализма объясняется тем, что российское государство принимает вызовы, связанные с распространением разнообразных конфессий, учитывая необходимость сохранения принципов свободы совести и вероисповедания. Основой данного подхода к государственно-конфессиональным отношениям являются нормы Конституции и законодательства, в рамках которых Российская Федерация не связывает себя ни с одной из конфессий, сохраняя светский характер, утверждающий принцип свободы совести и веротерпимости.

Научно-теоретическая значимость исследования заключается в дополнении теории социальной эволюции религии идеей о ситуативной смене государственных подходов к государственно-конфессиональному взаимодействию, которое испытывает влияние противопоставленных друг

другу подходов – либерального и «охранительного». Диссертационное исследование обогащает теорию комплексного религиоведения идеями, согласно которой наличие противоречий между влиянием либерализма и консерватизма в конфессиональной политике российского государства возможно преодолеть за счет реализации принципа осознанного коллаборационизма. Осознанный коллаборационизм является стратегией религиозных объединений, которые, основываясь на постулате о необходимости сохранения принципа веротерпимости, принимают идеи, связанные с осознанием значимости сохранения и развития государства, национальной культуры, этнической и религиозной идентичности общества, в котором они осуществляют свою социальную деятельность.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в проведении политики, направленной на профилактику взаимодействия между религиозными объединениями, светскими институтами и государством, так как помогают дать взвешенную оценку религиозному влиянию на государство и социальные группы. В образовательной практике результаты исследования могут применяться при преподавании курсов «Философия», «Социальная философия», «Социальная антропология», «Философия религии», «Социология религии».

Апробация результатов исследования проведена во время обсуждения теоретических выводов и положений диссертационной работы, которые представлялись на международных научно-практических конференциях: «Современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе» (Москва, 2022); «Третьи международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова» (Иркутск, 2022); «Влияние религиозного фактора на стабильное развитие и безопасность евразийских регионов: история и современность» (Нижний Новгород, 2021); «Наука и образование в условиях цифровой экономики: мировой опыт и национальные приоритеты» (Пенза,

2020); «Информационное обеспечение научно-технического прогресса: анализ проблем и поиск решений» (Уфа, 2020); «Актуальные вопросы современной науки и образования» (Москва, 2020); «Наука и техника. Мировые исследования» (Саратов, 2020); «Образование, воспитание, педагогика: традиции, опыт, инновации» (Пенза, 2020). Итоги диссертационного исследования обсуждались на научно-методических семинарах и заседании кафедры философии ЗабГУ. Материалы диссертационного исследования отражены в 19 авторских публикациях, в том числе в одной статье в журнале, зарегистрированном в научной базе Web of Science, и пяти статьях, напечатанных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Общий объем – 6,9 п.л. (120 с.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих четыре параграфа, заключения и библиографического списка, включающего 269 источников.

Глава 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Характеристика зарубежных научных исследований, посвященных анализу государственного подхода

к государственно-конфессиональным отношениям

Обсуждение проблем государственно-конфессиональных отношений в философии практически всегда связано с исследованиями сущности государства¹. В средневековой Европе, согласно описаниям А. Робера², Д. Реале и Д. Антисери, господствовал подход, обосновывающий доминирующую роль религии в жизнедеятельности государств. Это объяснялось представлением о церкви как ведущей социальной силе, влияние которой преобладало в политической, экономической и социальной сферах, в связи с чем подчиняло себе государство³. В период Нового времени представления о роли религии изменились, уступив место секулярным подходам к обоснованию взаимодействия государства и общества. Исследования этого периода трактовали государственно-конфессиональные отношения как показатель независимости автономных от церкви государств, ведущую роль в которых играли политика, экономика, нравственность. В данном ключе описания идеального государства вели Н. Макиавелли⁴, Т. Гоббс⁵, Д. Локк⁶, Ж.-Ж. Руссо⁷, И. Кант⁸, которые обосновывали права национальных государств на политическую, экономическую и духовную власть на подчинённых им территориях. Согласно этому подходу одной из базовых ценностей государства представлялось сохранение национальной

¹Кобринская И. Я. Общая безопасность и безопасные сообщества // Вестник Евразии. – 1998. – № 1. – С. 4.

²Robert d'A. *Initiation biblique: introduction à l'étude des Saintes Écritures.* – Paris: Société de Saint Jean L'Évangéliste, Desclée & cie, 1939. – 992 p.

³Реале Д., Антисери Д. *Западная философия от истоков до наших дней.* – СПб.: Петрополис, 1994. – Т. 2. – С. 9.

⁴Макиавелли Н. *Государь.* – М.: Планета, 1990. – 79 с.

⁵Гоббс Т. *Сочинения.* – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 133.

⁶Локк Д. *Два трактата о правлении // Сочинения.* – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 135.

⁷Rousseau J.-J. *Lettres sur la vertu, l'individu et la société // Annales de la société Jean-Jacques Rousseau.* – Genève: Droz, publié par Jean Starobinski & Charles Wirz, 1997. – Pp. 313–328.

⁸См.: Мотрошилова Н. В. *Концепция «вечного мира» и союза государств И. Канта: актуальное значение // Иммануил Кант: наследие и проект.* – М., 2007. – С. 406–427.

религиозной культуры, которая, в свою очередь, являлась опорой государства. В частности, значительное место занимала проблема отношений государства и религии в философии Г. Гегеля, который доказывал, что государство представляет самодостаточную форму духа, не нуждающуюся в оправдании Церкви. Поэтому оно заинтересовано в развитии взаимодействия не с Церковью, а с религиозной общиной, результатом чего является формирование системы со-развития на условиях взаимного обеспечения условий жизнедеятельности власти и граждан¹.

К. Маркс раскрыл тему взаимодействия религии и государства, опираясь на концепцию «религиозного конфликта». Религия понималась им как «превратное мировоззрение», объясняющее «бездушные порядки» социального мира и представляющее социальный инструмент, позволяющий одним классам управлять другими классами². Вслед за ним такие представители марксизма, как Г. и Дж. Ленски³, П. Штомпка⁴, Т. Б. Боттомор⁵, оценивали взаимодействие государства и религии как предполагающее, что религия имеет природу, производную от развития экономики и политики. Сходные идеи о роли религии в структуре общества развивались в социологических исследованиях. Э. Дюркгейм утверждал, что религия – явление, уступившее первенство политике и экономике, но не ушедшее из социальной жизни, а занявшее место индивидуальных ценностей, поэтому используемое социальными субъектами, в первую очередь государством, в целях интеграции⁶.

Концепция, в рамках которой религия рассматривалась как социальный институт, отделенный от государства, развивалась М. Вебером. Анализируя взаимодействие между обществом и религией, М. Вебер указывал на то, что

¹Гегель Г. В. Ф. Философия религии. – М.: Мысль. 1975. – Т. 1. – С. 5–31.

²Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.

³Lenski G., Lenski J. Human societies: an introduction to macrosociology. – New York: Mc Graw Hill College, 1974. – P. 39.

⁴Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – С. 12.

⁵Bottomore Th. B. Classes in modern society. – New York: Pantheon books, 1966. – Pp. 10–27.

⁶Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – М.: Дело, 2018. – С. 10–16.

трансформации в религиозной сфере влияют на другие социальные сферы, в первую очередь, на экономику¹. Рассматривая взаимодействие религии и государства, М. Вебер указал на то, что религия имеет социальные формы, которые по-разному влияют на развитие общественных групп. В частности, в разработанной М. Вебером и Э. Трельчем типологии упоминались такие формы, как церковь, секта, мистические группы. Особенностью неинституционализированных форм религии согласно этой схеме признавался харизматический способ управления, рутинизация которого вела к формированию социально приемлемых форм социального поведения².

В середине XX в. на осмысление проблем государственно-конфессионального взаимодействия стало оказывать влияние распространение глобализации, сопровождаемое усилением идеологического противостояния между Востоком и Западом, в которое, по мнению С. Хантингтона, оказалась втянутой большая часть населения планеты. Причиной противостояния исследователь считал различное восприятие картины мира у представителей европейских и восточных стран, в частности, у мусульман, которые стали пониматься как олицетворение конфликтности³. Это повлияло на то, что ряд авторов восприняли точку зрения, согласно которой религии, имеющие происхождение на Востоке, стали считаться источником угрозы для стран Запада. Идеологическая загруженность таких религий и нескрываемые связи с верующими, находящимися в ином цивилизационном поле, были факторами, влияющими на их восприятие в качестве угрозы социальным порядкам, что раскрывалось в публикациях П. Лазерсфельда⁴ и К. Хофланда⁵, продолжавших рассмотрение религии через призму концепции «религиозного конфликта». Эти авторы вели критику религиозного инакомыслия, подчиненную задачам, что поставило

¹Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 44–307.

²Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994. – 720 с.

³Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 25–26.

⁴Lazarsfeld P. F., Katz E. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. – Abingdon: Routledge, 2017. – 401 p.

⁵Hovland C. I., Lumsdaine A.A., Sheffield F. D. Experiments on Mass Communication. – Princeton: PU Press, 2017. – 356 p.

политическое противостояние. В итоге актуализировалась проблема противостояния государств и негосударственных религий как на глобальном уровне, так и на уровне конкретного социума. В частности, в концепции «информационной войны» Т. Рона «идея противостояния негосударственным формам религии получила обоснование, заключающееся в том, что религиозные учения являются набором информации, которая представляет оружие, используемое информированным противником»¹, что послужило началом формирования концепций, посвященных технологиям «информационной войны», которую религии ведут против государств.

Г. М. Маклюэн утверждал, что в настоящее время на мировой политической арене с помощью средств массовой коммуникации проходит «партизанская война информации», влияющая на государственную идеологию и управляющая общественным сознанием². В частности, инструмент «информационной войны» – нетрадиционные религии восточного происхождения, ставшие олицетворением идеологической политики государств, противостоящих демократиям западной мира. Указывалось, что в основе мировоззрения этих религий находится разделение мира на сферы «истинных» и «неистинных», «своих» и «чужих» ценностей, что служило источником для социальной стратегии, отвергающей социальные нормы, право и мораль, принятые в западном обществе. Р. Д. Лифтон³, Дж. Пост⁴, Ф. Конвей и Дж. Сиглман⁵ доказывали, что их адепты совершают психическое насилие над неофитами, предлагали различные методы, которые государство должно было реализовать для защиты «традиционных ценностей» общества.

Определенное значение имела конкурентная борьба между конфессиями, которые использовали описанные ранее характеристики как

¹Rona T. P. *Weapon Systems and Information War*. – Seattle: Boeing Aerospace Co., WA. 1976. – 50 p.

²Mc Luhan E. *The Genesis of Laws of Media // The Antigonish Review*. – 1988. – No. 74. – Vol. 5. – P. 201.

³Лифтон Р. *Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма*. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 576 с.

⁴Post J. *Notes on Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior // Terrorism: An International Journal*. – 1984. – No. 7. – Pp. 241–256.

⁵Conway F., Siegelman S. *Holy terror*. – New York: Doubleday, 1982. – 402 p.

аргументы, указывающие на наличие реальных и скрытых, мистических угроз со стороны религиозных оппонентов. Влияние на содержание данного дискурса оказали установки конфессиональных авторов, таких как У. Мартин¹, Дж. Макдауэлл и Д. Стюарт², К. Боа и Л. Полл³, в публикациях которых отстаивались ценности протестантизма, априори понимаемого в качестве фундамента духовной безопасности национальных государств. Оценивая проникновение «восточных религиозных культов» на конфессиональное поле западных стран, протестантские авторы указывали на негативные последствия этого процесса, которые, по их мнению, заключались в нанесении духовного ущерба обществу. Однако в условиях секуляризованного мира проблема государственно-конфессиональных отношений не могла решаться в рамках предлагаемой политическими и конфессиональными авторами концепции, разделяющей общество на «своих» и «чужих». С защитой своих позиций выступили «Свидетели Иеговы», «Саентология», «Общество сознания Кришны», «Церковь Объединения», а также представители ислама, которые проводили научные конференции и вступали в общественные диспуты, доказывая право на самостоятельное исповедание любого религиозного вероучения в условиях современной социальной действительности⁴. Указывая на относительный характер требований европейского истеблишмента, мусульманский исследователь Х. Абдель-Самад писал о том, что западные государства не имеют права навязывать мусульманам правила социального поведения. Он доказывал, что идеи равенства и свободы, принимаемые в странах Европы и Америки, привели к тому, что западный мир оказался испорченным грехом и развратом, поэтому эти правила не могут быть принимаемы исламскими сообществами. Напротив, как указывал исследователь, взаимодействие с

¹Мартин У. Царство культов. – СПб.: Логос, 1992. – 352 с.

²Макдауэлл Дж., Стюарт Д. Обманщики: во что верят приверженцы культов. Как они заманивают последователей. – М.: Протестант, 1993. – 224 с.

³Боа К., Пол Л. Лабиринты веры. Путь к истине. Евангельский взгляд на новые религиозные образования, колдовство, магию и оккультизм. – М.: Крон-Пресс: Библейская миссия СЕО, 1992. – 310 с.

⁴Мун Сен Мен. Божественный Принцип. – М.: АСДОМХ. 1998. – С. 7.

немусульманскими обществами и государствами для мусульман должно быть регулируемо нормами вероучения ислама, которое предписывает терпимо относиться к людям иных культур¹. Этой точки зрения придерживался премьер-министр Малайзии Н. Разак, который, защищая идеалы ислама, указывал на угрозу для него со стороны гуманизма, либерализма и атеизма².

С другой стороны, критика подхода государственно-конфессиональных отношений, основанная на принципе «своих» и «чужих», разрабатывалась в творчестве философов постмодернистского направления, таких как Ю. Хабермас³, З. Бауман⁴, Ж. Деррида⁵, Ж. Бодрийяр⁶, Ж. Делез⁷, С. Жижек⁸, М. Фуко⁹, Д. Агамбен¹⁰, которые рассматривали проблемы общественного развития в контексте анализа влияния на культуру со стороны новейших информационных технологий. На основании результатов проведенного данными авторами анализа сделан вывод, что жизнедеятельность современного общества зависит от условий, диктуемых технизацией и виртуализацией, угрожающих основам культуры и даже самой религии, а не от самой религии. Попытку определить формат отношений между религией и обществом в новых условиях предприняли Ю. Хабермас¹¹ и З. Бауман¹², которые связывали данный процесс с проблемой незащищенности общества от деградации, причиной чего считали влияние средств массовой

¹Named A-S. Moderate Muslimbrüder? WieNaiv! – Текст: электронный // Die Presse. – URL: <https://www.diepresse.com/1425790/abdel-samadmoderate-muslimbruder-wie-naiv> (дата обращения: 03.09.2021).

² Freedom of Thought: A Global Report on the Rights, Legal Status, and Discrimination Against Humanists, Atheists, and the Non-religious was created by the IHEU. – Текст: электронный // European Humanist Federation, 2014. – URL: https://www.uvh.nl/uvh.nl/up/ZcdbhmuJcD_FOT17_Key_Countries_edition.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

³Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd.1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. –Frankfurt: Suhrkamp, 1995. – S. 205-261.

⁴Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 77.

⁵Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм // Космополит. – 2004. – № 2. – С. 125–140.

⁶Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 42.

⁷Делез Ж., Ф. Гваттари. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.

⁸Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010. – С. 36.

⁹Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1977–1978 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.

¹⁰Agamben G. Absolute Immanence // Introduction to the Philosophy of Gilles Deleuze / Jean Khalifa (ed.). – New York; London: Continuum, 2004. – Pp. 151–169.

¹¹Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd.1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – Frankfurt: Suhrkamp, 1995. – S. 205–261.

¹²Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 77.

информатизации и цифровизации, заменивших собой религиозные авторитеты. Религия с позиции, обоснованной в трудах Р. Барта¹, Р. Генона², стала пониматься как утративший первоначальную сущность конструкт массового сознания, который используется государством в своих целях. С этим мнением был согласен Ж. Деррида, считавший, что современное европейское общество вместо религии имеет дело с мировоззренческими конструктами, причиной формирования которых является догматизация действительности. В частности, под догматизацией, как полагал Ж. Деррида, понималось господство традиционных религиозных ценностей, главной из которых стало «христианское понятие о Боге»³.

Таким образом, постмодернисты выступали с обоснованием конструктивистского подхода, оценивающего государственно-конфессиональные отношения как процесс, контролируемый информационными технологами, конструирующими религии для управления массовым сознанием. По мнению Ж. Бодрийера, на практике это достигалось за счет государственной политики, организующей систему целенаправленного воздействия средств массовой информации и контроль над социальными сетями⁴. Схожий анализ использования религии в целях государства проводил Ж. Делез, считавший, что Бог конструируется из внерелигиозных причин и используется социальными субъектами, к нему отношения не имеющими⁵.

М. Фуко объясняет сущность процесса использования религии в целях управления, трактует Бога как языковую форму социального взаимодействия. По его мнению, человек использует Бога только как инструмент выхода за рамки наличного опыта, реальный выход из которого невозможен. Поскольку Бога в земном мире нет, М. Фуко обосновывает задачу сделать этот

¹Барт Р. Риторика образа. – М.: Прогресс, 1989. – С. 79.

²Генон Р. Кризис современного мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 45.

³Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм // Космополис. – 2004. – № 2. – С. 125–140.

⁴Бодрийер Ж., Ясперс К. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 42.

⁵Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.

лишенный Бога мир надежным и безопасным убежищем для человека¹. Постмодернистские идеи М. Фуко в настоящее время продолжает развивать Д. Агамбен, критикующий европейское христианство и утверждающий невозможность, невыразимость и ненужность Абсолюта в постполитическом мире, где идут процессы «захвата» властью, так называемой «голой жизни». Современный мир, как пишет философ, обращается к практике контроля над телом, исключая все собственно человеческое, вместо чего предлагается практика управления посредством перманентного формирования видимости Другого².

Под «Другим» Д. Агамбен, а также С. Жижек подразумевают различные религиозные образы, эффективно воздействующие на массовое сознание, носителями которого являются люди, выступающие в роли пассивной жертвы, претерпевающие насилие, обусловленное кризисом власти и государства. С точки зрения С. Жижека, религия является одним из видов информационного воздействия, благодаря которому современный мир, который объективно становится более безопасным, представляется для массового сознания источником растущего количества угроз. Объясняя, что для эффективного управления массами необходимо целенаправленно формировать образы «чужих», С. Жижек раскрывает значение ряда таких понятий, как «религиозные радикалы», «фанатики», «фундаменталисты», используемые властями как инструмент вызывания страха для управления обществом³.

Конструктивистская концепция сущности отношений между государством и религией, раскрытая в работах Р. Албро⁴, Т. Адорно⁵,

¹Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1977–1978 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – С. 169.

²Агамбен Д. Средства без цели. – М.: Гилея, 2015. – 148 с.

³Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010. – С. 36.

⁴Albro R. Risk Assesment in Encounters between Culture and Security. – URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-andsecurity> (дата обращения: 23.11.2021). – Текст: электронный.

⁵Adorno T. W. The Culture Industry. – London; New York: Taylor and Francis. 2005. – 210 p.

М. Хоркхаймера¹, определяла направленность исследований на проблемы государственно-конфессиональных отношений как на процесс сохранения устоев государства и общества, подвергавшихся информационному воздействию со стороны субъектов глобализации и потому нуждавшихся в защите информационными методами. Постмодернистские исследования рассматривают актуальную проблематику взаимодействия религий как социальных систем с государством. В частности, Г. Серенсен², У. Липпман³, Дж. Александер⁴ акцентируют внимание на том, что в одних случаях религия как социальная система несмотря на внешнее воздействие способна сохранять жизнеспособность и устойчивость, в других – напротив, подчиняется доминирующему внешнему воздействию, осуществляемому государством за счет средств идеологии, образования, науки, техники. Данные положения полностью совпадают с положениями концепции Дж. Ная, который доказал, что государства целенаправленно конструируют и распространяют системы ценностей, включая религиозные, которые направляются на привлечение широких масс населения⁵.

В целом постмодерн разрабатывает критику концепции «информационной войны», проводимой против государства и общества со стороны конкретных религий, придерживается «конструктивистской» концепции государственно-конфессиональных отношений, отличием которой является стремление защитить интересы и ценности всех сторон этого процесса, понимаемого как объективный фактор социального развития религии и общества в условиях развития глобализирующейся культуры. Сущность государственно-конфессиональных отношений при этом

¹Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1980. – S. 274–275.

²Серенсен Э. Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – С. 25.

³Lippmann W. The Basic Problem of Democracy. – URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1919/11/the-basic-problem-of-democracy/569095> (дата обращения: 22.12.2021). – Текст: электронный.

⁴Alexander J. Future War. Non Lethal weapons in 21st century warfare. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 114 p.

⁵Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs Group, 2004. – P. 7.

связывается с проблемами сохранения автономности у запутавшегося в виртуальной реальности социальных сетей и медиа общества и человека, защита которых является обязанностью государства. Постмодернисты считают, что религиозные ценности, принимаемые современными людьми, сконструированы средствами массовой информации, которые используются для управления населением со стороны политиков и финансовых корпораций. Государственно-конфессиональные отношения в условиях медиареальности сводятся к тому, что религия с точки зрения государства не является подлинной традицией, а признается «трансрелигией», или «квазирелигией», выполняющей, как полагает П. Тиллих¹, роль имитации реальности, используемой различными социальными группами в своих целях. Схожие идеи развивал Б. Р. Уилсон², показавший, как в период постмодерна, основанного на сетевом взаимодействии, религиозность трансформировалась в «ресекулярное» явление, истоком которого является не вера, а стремление к обретению ощущения сакрализованности.

Критически к концепции «информационной войны» относилась западная социология, которая оценивала ее как попытку распространения подхода, противопоставляющего «свои» религии «чужим», и проводила свои исследования, основываясь на методологии системных исследований, позволяющих учитывать широкий комплекс факторов государственно-конфессионального взаимодействия. Т. Парсонс представил модель развития общества, в которой уделял внимание факторам, способствующим поддержанию устойчивости социальных систем, реагирующих на внешние воздействия, но сохраняющих равновесие³. Представители «системного подхода», такие как У. Бек⁴, Н. Луман⁵, Э. Гидденс⁶, Дж. Гаррет¹, Р. Белла²,

¹Tillich P. J. Christianity and the Encounter of the World Religions. – New York: Columbia University Press, 1963. – P. 9.

²Wilson B. R. Aspects of Secularization in the West // Japanese Journal of Religious Studies. –1976. – No. 3/4. – December. – Pp. 268–269.

³Парсонс Т. Социальная система. – М.: Академический проект, 2018. – С. 258.

⁴Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 96.

⁵Luhmann N. Organisation und Entscheidung. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000. – 232 s.

⁶Giddens A., Diamond P. The New Egalitarianism. – Cambridge: Polity Press, 2005. – 224 p.

при описании проблем общественного развития акцентировали внимание на факторах конструктивного взаимодействия между государством, обществом и религией, включавших в себя целостность, устойчивость указанных институтов, представляющих единую социальную систему.

Большое внимание проблематике, обусловленной актуализацией мега-рисков, уделял У. Бек, считавший, что их причиной стало вхождение локальных обществ в глобализирующийся мир, а также поддержание системы противостояния им³. Р. Белла представил разработанную им концепцию социального взаимодействия, устойчивость которого обеспечивалась за счет усложнения организации общественных систем. Современную конфессиональную сферу исследователь определял как чрезвычайное многообразие различных религий, взаимодействие которых создает «гражданскую религию», включающую наиболее значимые символы и ритуалы, позволяющие объединиться всем социальным группам в единое целое. Это объединение, по его мнению, создавало единый фундамент, опираясь на который, государство, общество и религиозные группы могут находить основания для взаимодействия, ориентируясь на секулярный способ взаимодействия со святынями⁴.

Ведущими акторами в социальном пространстве в контексте этой концепции предстают те социальные институты, которые оказывают существенное воздействие на формирование ценностей и типы деятельности социальных групп и их лидеров⁵. В частности, такими социальными институтами считаются религиозные объединения, которые обладают инструментами социальной мобилизации и оказывают влияние на системообразующие ценности и усилия, направленные на их обеспечение, а также на оценку этих усилий. Таким образом, данный подход основан на

¹ Garrett G. Global markets and national politics // Intern. organization. – 1998. – Vol. 22, no. 2. – Pp. 205–226.

² Белла Р. Н. Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 265.

³ Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 96.

⁴ Белла Р. Н. Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 265.

⁵ Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 55.

признании религиозных объединений в качестве социальных групп, при этом параметры взаимодействия с ними государствами и общества могут носить только социальный характер. В рамках данного подхода представители социологии религии, например Дж. Мелтон¹ и Дж. Ричардсон², полагали, что используемая нетрадиционными религиями социальная стратегия поведения и технологии убеждения не должны быть связаны с особенностями их вероучения. Они являются характерными для любых социальных групп, имеющих свою идеологию. Сходную позицию занимали авторы так называемой теории рационального выбора, такие как Л. Ианнаконе³, который представил нетрадиционные религии в роли продавцов религиозных услуг, предлагающих свой товар на рынке духовности, которым стало современное религиозное пространство западного мира. Такой подход принципиально изменил отношение исследователей к проблемам взаимодействия государства, общества и современных религиозных объединений, развитие которых понималось исходя из положений трансформированной классификации М. Вебера⁴ и Э. Трельча⁵, где «церковь» больше не противопоставлялась «секте», а понималась как один этапов социальной адаптации религиозного объединения, характеризующейся устоявшейся системой взаимоотношений с государством и окружающим обществом.

Впоследствии веберовскую идею о социальной адаптации религии развили Р. Старк и У. Бейнбридж⁶, у которых церковь описана как стадия развития религиозной организации, отличающаяся характеристиками организационной структуры, терпимым отношением к государству и обществу, социально приемлемым уровнем требований к неофитам. Секта в

¹Melton J. G. The counter-cult monitoring movement in historical perspective' in Challenging Religion // Essays in Honour of Eileen Barker, James A. Beckford and James T. Richardson, eds. – London: Routledge, 2003. – Pp. 102–113.

²Richardson J. Cult Brainwashing Cases and Freedom of Religion // Journal of Church and Stat. – 1991. – Vol. 33. – Pp. 12–52.

³Iannaccone L. R. A Formal Model of Church and Sect // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – Supplement. – S. 241–268.

⁴Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 44–307.

⁵Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994. – 720 с.

⁶Stark R., Bainbridge W. S. A Theory of Religion. –New York: Peter Lang, 1987. – P. 202.

представленной этими исследователями классификации представляет собой начальную стадию развития, через которую прошло большинство религий, обладающих статусом церкви. Существенно расширили данную классификацию Р. Нибур¹ и Г. Беккер², которые включили в нее промежуточные понятия «культы» и «деноминации», что стало показателем того, что уровень взаимодействия религии и общества определяется не ее сущностью, а степенью социальной адаптации к требованиям государства, предполагающим ряд ступеней от социального отторжения на уровне культа и секты до признания и организации широких форм взаимодействия на уровне деноминации.

Еще одним новшеством, которое существенно дополнило схему Вебера – Трельча, расширяя ее описательный потенциал и избавляя от априорных оценок, стало применение в трудах Б. Уилсона³, Э. Хоффера⁴, Э. Баркер⁵ термина «новые религиозные движения». Его смысловая нагрузка заключалась в указании на социальную сущность религиозных объединений, которые в процессе социальных изменений и адаптации трансформируют формы социальной организации, начиная от практически неструктурированных и завершая жестко формализованными. По мнению Б. Р. Уилсона, термином «новые религиозные движения» необходимо обозначать религиозные образования, объединенные такими характеристиками, как «доступность спасения», открытость широкой публике, эмоциональность воздействия, терапевтические процедуры, харизматическое лидерство⁶. Э. Хоффер указывал на то, что новые религиозные движения характеризуются как социальные группы, которые

¹ Niebuhr R. H. The Social Sources of Denominationalism. – New York; London: A Meridian book, 1975. – 304 p.

² Becker H. Sociologie als Wissenschaft vom Sozialen Handeln. – Würzburg: Holzner Verlag, 1959. – 402 s.

³ Wilson B. The social dimensions of sectarianism: sects and new religious movements in contemporary society. – Oxford, 1990. – P. 210.

⁴ Хоффер Э. Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения. – М., 2004. – С. 137.

⁵ Barker E. The Making of a Moonie. – New York: Blackwell Publishers, 1984. – P. 87.

⁶ Wilson B. The social dimensions of sectarianism: sects and new religious movements in contemporary society. – Oxford, 1990. – P. 210.

структурированы по принципу разделения на лидеров, адептов и неофитов, решающее значение для которых имеет их энтузиазм¹.

Согласно определению А. Баркер², каждое религиозное движение в мире прошло стадию происхождения и начала социального развития, в течение которой оно представляло первое поколение верующих, управляемых лидером-харизматиком, призывавшим их к разрыву с прошлым и противопоставлявшим своих приверженцев окружающему миру, что сопровождалось преследованиями, сказывалось на их негативном социальном восприятии и дискриминации на уровне государственной политики. Одной из причин социального неприятия и преследований А. Баркер называет особенности восприятия массовым сознанием любого нового вероучения и ритуалов, кажущихся людям нелепыми, странными и даже опасными. Согласно разрабатываемой современной социологией религии концепции «социальной адаптации» новые религиозные движения никогда не остаются неизменными, а трансформируются, приспособиваясь к требованиям первоначально отвергаемого ими государства и общества. При этом у них есть и иная альтернатива, это их исчезновение, становящееся итогом политики социального неприятия и религиозного конфликта. Как полагает А. Баркер, по прошествии срока жизни первого поколения новые религиозные движения либо уходят в прошлое, как Аум Синрикэ, Храм Давида, Небесные врата и т.д., либо становятся в ряд социально приемлемых групп. Значимым здесь представляется то, что каждое движение уникальным образом переживает период социальной адаптации, так как имеются исключения, такие как «Свидетели Иеговы», мормоны, саентологи, сохраняющие прозелитический пыл приверженцев на протяжении многих десятилетий.

Полагаем, методология повлияла на исследования наиболее проблемных примеров государственно-конфессионального взаимодействия,

¹Хоффер Э. Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения. – М., 2004. – С. 137.
²Barker E. The Making of a Moonie. – New York: Blackwell Publishers, 1984. – P. 87.

таких как действия организаций религиозных экстремистов, которые стали пониматься исходя из ценностей убеждений каждого из участников социального процесса. В частности, П. Вилкинсон, который сводит экстремизм к социальной деятельности, направленной на изменение существующих государственных и социальных устоев со стороны организаций, использующих насилие против мирного населения, не считает религии ответственными за эти противоправные действия¹. Необходимость разделения между религией и экстремизмом отмечается в выступлениях О. Шили, который сравнивает понятия «ислам» и «исламизм». По его мнению, исламизм, представляющий собой активную форму протеста, заключающую в программе политических действий против современной либеральной концепции прав человека, не имеет ничего общего с религией мусульман, пассивно относящейся к социальным порядкам западного общества². Исламизм, то есть исламский экстремизм, как доказывает З. Сейдини³, – инструмент в руках политических сил, использующих религиозные лозунги с целью реализации своих планов в период, когда идут активные процессы интеграции мусульман в западное общество.

Таким образом, в рамках западного научного дискурса о государственно-конфессиональных отношениях религиозные объединения принято считать социальными группами, взаимодействие с которыми определяется не их вероучением, а социальной практикой. При этом если вне зависимости от содержания вероучения социальная практика таких организаций носит характер проведения социальной деятельности, заключающейся в стремлении вести террористический дискурс в отношениях с окружающим обществом, то они считаются экстремистскими, тогда государство предпринимает против них репрессивные меры. В данном

¹Wilkinson P. *Terrorism and the liberal state*. – London; Basingstoke: Macmillan press, 1977. – P. 54.

²Шили О. Победить терроризм можно, выиграв борьбу за умы и души людей. – URL: <https://www.dw.com/ru/отго-шили-победить-терроризм-можно-выиграв-борьбу-за-умы-и-души-людей/a-1038909> (дата обращения: 04.02.2022). – Текст: электронный.

³Sejdini Z. *Wir sind keine Götter // Tiroler Zeitung*. – 2015. – № 66. – März. – S. 7.

случае характеристикой экстремистской деятельности считается применение жесткого насилия, имеющего политические задачи¹.

Таким образом, представители теории мирового сообщества и концепции структурного реализма обосновали идею неизбежности интенсификации разнообразного взаимодействия с участием различных государств и религиозных объединений. Проблема взаимодействия конфессиональной сферы, общества и власти в этих условиях анализируется такими исследователями, как Дж. Казанова², Ю. Хабермас³, В. Хоффман⁴, В. С. Дурхам⁵, Т. Берг⁶, А. Т. Куру⁷, А. Д. Херцке⁸, которые изучают данные, свидетельствующие о возможности слияния религии и государства в клерикальных странах, а также о нейтральных и негативных отношениях между этими институтами.

В частности, Дж. Казанова⁹ и Ю. Хабермас¹⁰ свидетельствуют о глобальном процессе возрождения религии, расширении сфер влияния и прав религиозных организаций, которым государство передает часть полномочий. При этом важно, что государство, делясь своими возможностями с общественными группами, оставляет за собой функцию надзора за уровнем общественных отношений между общественными институтами, объединениями и гражданами, в рамках которой гарантирует общественную безопасность, защиту традиционных для общества интересов и ценностей.

¹Маллисон В. Международный терроризм и всемирная безопасность. – М.: Вагриус, 1986. – С. 45.

²Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 320 p.

³Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

⁴Hoffman V. J. *Religion and Politics in the Arab Spring and Its Aftermath // Making the New Middle East: Politics, Culture, and Human Rights*. – Syracuse: Syracuse University Press, 2019. – P. 47–70.

⁵Durham W. C. *Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections*. – URL: <http://www.iclrs.org/content/blurb/files/Religious%20Freedom%20in%20a%20Worldwide%20Setting.pdf> (дата обращения: 04.10.2021). – Текст: электронный.

⁶Berg T. *Faith, and the First Amendment: The Guarantee of Religious Liberty*. The Heritage Foundation: *First Principles*. 15. – URL: <https://www.heritage.org/the-constitution/report/faith-freedom-and-the-first-amendment-the-guarantee-religious-liberty> (дата обращения: 12.11.2021). – Текст: электронный.

⁷Kuru A. T. *Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey*. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 313 p.

⁸Hertzke A. D. *Religious Freedom in America: Constitutional Roots and Contemporary*. – Challenges. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 2015. – 288 p.

⁹Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. – Chicago: University of Chicago Press, – 1994. – 320 p.

¹⁰Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

В. С. Дурхам¹, Т. Берг² указывают на возможность осуществления политики государственного нейтралитета по отношению к значительному количеству религиозных объединений, обладающих равными правами в условиях религиозной плюрализации. В публикациях А. Т. Куру³, А. Д. Херцке⁴ отмечаются случаи негативной идентификации религиозных объединений в государствах, преследующих верующих за убеждения и запрещающих отдельные религии. Причиной преследования религий со стороны государства эти авторы называют политические мотивы, связанные со стремлением властей заручиться поддержкой традиционных конфессий, пользующихся авторитетом в обществе, но чувствующих угрозу со стороны конкурентов на рынке духовности. В результате в проблематике религиозных угроз данные авторы раскрывают такой аспект, как необходимость защиты прав верующих меньшинств со стороны дискриминационной политики государств. Аспектом исследований становится постулат о необходимости защиты конституционных гарантий свободы совести и свободы вероисповедания, реализация которых неодинакова в различных странах, где власти существенно ограничивают деятельность религиозных объединений, считающихся угрозами государственной безопасности.

Представленный подход к анализу государственно-конфессиональных отношений, отражающий секуляристские тенденции развития общества, основывается на концептуальной идее о том, что система взаимодействия государства и религии включает в себя две подсистемы, одна из которых регулирует разрешение проблемных вопросов между государством и конфессиями как социальными группами, другая – связана с разрешением

¹Durham W. C. Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections. – URL: <http://www.iclrs.org/content/blurb/files/Religious%20Freedom%20in%20a%20Worldwide%20Setting.pdf> (дата обращения: 04.10.2021). – Текст: электронный.

²Berg T. Faith, and the First Amendment: The Guarantee of Religious Liberty. The Heritage Foundation: First Principles. 15. – URL: <https://www.heritage.org/the-constitution/report/faith-freedom-and-the-first-amendment-the-guarantee-religious-liberty> (дата обращения: 12.11.2021). – Текст: электронный.

³Kuru A. T. Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 313 p.

⁴Hertzke A. D. Religious Freedom in America: Constitutional Roots and Contemporary Challenges. – Oklahoma: University of Oklahoma Press, 2015. – 288 p.

проблем информационного обеспечения указанного взаимодействия¹. Первый уровень представляет социальную структуру, элементы которой сформированы в процессе социального, то есть нерелигиозного взаимодействия между личностью, социумом, государством и социальными группами, включая религиозные объединения. Второй уровень – субъективные представления, распространенные в обществе в отношении той или иной религиозной организации, которые могут восприниматься либо как социально приемлемые, либо как не соответствующие традициям общества. Важно учитывать, что указанные характеристики не являются тождественными друг другу по причине того, что в рамках первой приводятся оценки, связанные с необходимостью анализа реального хода государственно-конфессиональных отношений, в рамках второй идет работа с осознанием в обществе последствий этого взаимодействия. Исследования государственно-конфессионального взаимодействия на Западе в конце XX – нач. XXI в. стали направляться на сложную социальную структуру, в которой выделялись уровни личности, локальной группы, государства, каждый из которых, как указывал С. Форрест², отличался не только характеристиками, но и обладал интересами, представляющими такую же ценность, как и объективно существующие материальные блага.

Таким образом, в рамках западного дискурса о государственно-конфессиональных отношениях произошло разделение таких понятий, как «религиозное вероучение» и «религиозная деятельность». При этом содержание и направленность вероучения не являются фактором, влияющим на качество и уровень государственно-конфессиональных отношений. Этим фактором признается только характер и содержание нерелигиозной, то есть социальной деятельности религиозных объединений. Конструктивное

¹Cotter J. M. Cultural Security Dilemmas and Ethnic Conflict in Georgia. – Текст: электронный // Conflict study Journal at the University of new Brunswick. – 1999. – Vol. 19, no. 1. – URL: https://www.erudit.org/en/journals/jcs/1999-v19-n1-jcs_19_1/jcs19_01art05.pdf (дата обращения: 20.11.2021)

²Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. – Текст: электронный // Proceedings of the Third Northern Research Forum. – URL: https://www.rha.is/static/files/NRF/OpenAssemblies/Yellowknife2004/3rd-nrf_plenary-4_forrest_ur_paper.pdf (дата обращения: 23.11.2021).

взаимодействие с государством доступно для религиозных объединений, ведущих социально приемлемую в обществе деятельность. В то же время преследованию подвергаются организации, признаваемые экстремистскими. Сущность религиозного экстремизма определяется как проведение отдельными религиозными объединениями социальной деятельности, заключающейся в стремлении вести террористический дискурс в отношениях с окружающим обществом. Характеристикой экстремистской деятельности считается применение жесткого насилия, имеющего политические задачи. В рамках этого понимания «религиозный экстремизм» приравнивается к «социальному экстремизму», а «религиозные угрозы» оцениваются как ярлык, который принято использовать в процессе борьбы с конфессиональными оппонентами.

В целом исследования государственно-конфессионального взаимодействия на Западе в конце XX в. - начале XXI в. велись в рамках либерального подхода и направлялись на сложную социальную структуру, в которой выделялись уровни личности, локальной группы, государства, каждый из которых отличался не только своими характеристиками, но и обладал своими интересами и ценностями, нуждающимися в защите. Основной проблемой стала разработка теории, направленной на критику дискриминации религиозных объединений, взаимодействие с которыми в демократическом обществе, как доказывает либерализм, определяется не их вероучением, а социальной практикой, подчиненной нормам законодательства. Данная теория уравнивает религиозные объединения с другими социальными группами, что обуславливает отсутствие необходимости выработки государством особого подхода по отношению к государственно-конфессиональному взаимодействию, на Западе не отличимого от всех иных видов государственно-социального взаимодействия.

Выводы:

1. В западной философии обсуждение государственно-

конфессиональных отношений представлялось сменяющимися подходами, отражающими сущность взаимодействия религии и власти. В период Средневековья в этой сфере господствовал религиозный подход, обосновывающий подчиненное положение государства по отношению к Церкви (Августин, А. Робер, Д. Реале, Д. Антисери). В период Нового времени, отмеченного процессами секуляризации, получил распространение подход, обосновывающий принципы жизнедеятельности автономных от церкви государств (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж. Ж. Руссо, И. Кант). Дальнейшее развитие секуляризма привело к разработке подхода, основанного на «принципе национальности», представленного в государственных стратегиях, направленных на защиту национальных ценностей, в том числе подчиненной государству национальной религии (И. Блюнчли, П. Манчини, Г. Еллинек, К. Клаузевиц, Г. Гегель). Значительное влияние на развитие идей о взаимодействии государства, общества и религии в русле секуляризма оказал марксизм, обративший внимание на то, что взаимодействие государства и религии является аспектом управления обществом и экономикой (К. Маркс, Г. и Дж. Ленски, П. Штомпка, Т. Б. Боттомор). В дальнейшем в социально-философских исследованиях общества религия представлялась как социальное явление, уступившее первенство политике и экономике, а также используемое государством в целях интеграции (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Э. Трельч).

2. С середины XX в. на осмысление проблем государственно-конфессиональных отношений стало оказывать влияние усиление политического противостояния (Г. Моргентау, Х. Л. Макиндер, К. Хаусхофер). Идея необходимости защиты государств от враждебных религий получила обоснование в концепции «информационной войны» (Т. Рон, Г. М. Маклюэн), утверждающей, что религиозные учения являются набором ценностной информации, которая представляет оружие, используемое информированным противником (Р. Д. Лифтон, Дж. Пост, Ф. Конвей и Дж. Сиглман, У. Мартин, Дж. Макдауэлл, Д. Стюарт, К. Боа,

Л. Полл). Однако представители нетрадиционных религий заявили о своих правах исповедания любых религиозных вероучений и указали на угрозу этим правам со стороны западных государств, провозглашавших принцип свободы вероисповеданий (Дж. Биерманс, Х. Абдель-Самад, Н. Разак). Эти авторы указывали на необходимость защиты свободы религиозного выбора, что соответствовало идеям таких направлений, как постмодерн и конструктивизм (Ю. Хабермас, З. Бауман, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, С. Жижек, М. Фуко, Д. Агамбен, П. Тиллих, Б. Р. Уилсон). Социология конца XX в. проводила исследования, основываясь на методологии системного подхода, позволяющей учитывать широкий комплекс факторов государственно-конфессионального взаимодействия (Т. Парсонс, У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, Дж. Гаррет, Р. Белла). В этой связи большое внимание уделялось проблематике, обусловленной актуализацией мега-рисков, причиной которых стало вхождение локальных обществ в глобализирующийся мир.

3. В современных исследованиях в рамках системного подхода представители социологии религии (Дж. Мелтон, Дж. Ричардсон Л. Р. Старк, У. Бейнбридж, Р. Нибур и Г. Беккер, Э. Хоффера, Б. Р. Уилсон, Э. Баркер, П. Вилкинсон, О. Шили, З. Сейдини) полагали, что используемая религиозными объединениями социальная стратегия поведения и технологии характерна для любых социальных групп. Таким образом, в западном научном дискурсе о государственно-конфессиональных отношениях религиозные объединения принято считать социальными группами, взаимодействие с которыми определяется со стороны государства и общества не их вероучением, а социальной практикой. Либеральный подход основывается на идее о том, что общество представляет сложную социальную структуру, в которой выделялись уровни личности, локальной группы, государства, каждый из которых отличался не только своими характеристиками, но и обладал своими интересами и ценностями, нуждающимися в защите. Согласно данному подходу содержание

государственно-конфессиональное взаимодействие определяется не вероучением, а социальной практикой, подчиненной нормам законодательства (Дж. Казанова, В. Хоффман, В. С. Дурхам, Т. Берг, А.Т. Куру, А. Д. Херцке С. Форрест). Данная теория уравнивает религиозные объединения с другими социальными группами, что обуславливает отсутствие необходимости выработки государством особого подхода по отношению к государственно-конфессиональному взаимодействию, на Западе не отличимого от всех иных видов государственно-социального взаимодействия.

1.2. Направления исследований государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям в российской науке

Государственный подход к государственно-конфессиональному взаимодействию является значимым аспектом социальной политики государства, поэтому полноценное осмысление его невозможно вне круга вопросов, связанных с системным анализом этого процесса, подробно освященного в отечественных исторических, правовых, философских исследованиях. Обобщение результатов этих исследований позволяет по-новому взглянуть на процесс становления государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям, где выделяются дореволюционный, советский и постсоветский этапы. Начало первого можно отнести к XIX в., когда среди русских мыслителей стало проявляться стремление осмыслить вопросы взаимодействия государства и религии. Один из первых подходов, который посвящался вопросам взаимодействия государства, религии общества, был разработан в трудах Н. М. Карамзина¹, А. Х. Бенкендорфа², М. М. Сперанского³, С. С. Уварова⁴, представивших

¹Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: РОССПЭН, 1991. – 125 с.

²Бенкендорф А. Х. Воспоминания. – М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020. – Т. 1. – 501 с.

³Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). – М.: Русская мысль, 1905. – 359 с.

⁴Уваров С. С. Православие. Самодержавие. Народность. – М.: Э, 2016. – 489 с.

консервативное политико-правовое учение о тесном союзе между «православием, самодержавием, народностью». Обоснованный ими «охранительный подход» предполагал необходимость сохранения единства между всеми уровнями государства, религии и общества. Он надолго определил характер освещения государственно-конфессиональных отношений в российской науке об обществе. Теоретический идеал, предполагавший необходимость сохранения указанного «триединства» в качестве модели государственного устройства, осмысливался в трудах таких авторов, как А. Д. Градовский¹, И. С. Бердников², Н. Я. Данилевский³, К. Н. Леонтьев⁴. В частности, А. Д. Градовский писал о том, что основанием российского государства является духовность русского народа, исповедующего народное православие⁵. Аналогичные мысли высказывал И. С. Бердников⁶, который, разрабатывая идеи о «православном государстве», его основой считал союз между светской властью и православием. Н. Я. Данилевский⁷ и К. Н. Леонтьев⁸ также отстаивали идею о том, что основанием России является союз государства и православия. Ведущую роль в этом взаимодействии, по мнению К. Н. Леонтьева, играет государство. Он писал об идеале государственной жизни, представляемом как «истинно-консервативный византизм», характеризуемый как синтез монархического правления, православия и общинного устройства⁹.

В это время представления о значении религиозного реформирования находились под влиянием идей, отражавших концепцию, согласно которой

¹Градовский А. Д. История местного управления в России. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 1. – С. 117.

²Бердников И. С. Церковь и Империя. История Православной симфонии отношений. – М.: ФИВ, 2012. – С. 124.

³Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 816 с.

⁴Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 34.

⁵Градовский А. Д. История местного управления в России. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 1. – С. 117.

⁶Бердников И. С. Церковь и Империя. История Православной симфонии отношений. – М.: ФИВ, 2012. – С. 124.

⁷Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 816 с.

⁸Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 34.

⁹Там же.

необходимой была защита православия. Такие идеи характеризовали творчество А. С. Хомякова¹, Н. И. Веселовского², Е. Е. Голубинского³. В частности, А. С. Хомяков полагал, что православие нуждается в защите от влияния католицизма, ориентированного на смешивание духовных и мирских ценностей, совмещение религиозной и государственной власти, приводящего к кризису христианства⁴. Н. И. Веселовский доказывал, что православие должно быть защищено от язычества, представляющего собой смешение народных обрядов и поверий⁵. По мнению Е. Е. Голубинского, необходимо защищать православие от обрядоверия, которое вело к возникновению старообрядчества и сектантства⁶. В то же время ряд историков, например П. М. Знаменский, обоснованно полагали, что фактором церковной реформы является необходимость разрешения материальных проблем, отражающих тяжелое положение духовенства, нуждающегося в обеспечении причтов⁷.

В начале XX в. в связи с изменением политической обстановки подход государства к регуляции государственно-конфессиональных отношений изменился. «Охранительный подход», освещающий ценности православного государства, сменился подходом, в котором проблемы государственно-конфессионального взаимодействия трактовались с учетом широкой исторической перспективы рядом религиозных философов, таких как Н. А. Бердяев⁸, С. Л. Франк⁹, С. Н. Булгаков¹⁰, Ф. М. Достоевский¹¹,

¹Хомяков А. С. Сочинения богословские. – СПб.: Наука, 1995. – С. 131.

²Веселовский Н. И. Труды по истории Золотой Орды. – Казань: Фэн: АН РТ, 2010. – 192 с.

³Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. Общие вопросы // Богословский Вестник. – 1892. – № 1. – С. 45–75.

⁴Хомяков А. С. Сочинения богословские. – СПб.: Наука, 1995. – С. 131.

⁵Веселовский Н. И. Труды по истории Золотой Орды. – Казань: Фэн: АН РТ, 2010. – 192 с.

⁶Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. Общие вопросы // Богословский Вестник. – 1892. – № 1. – С. 45–75.

⁷Знаменский П. М. Учебное руководство по истории русской церкви. – СПб.: Синодальная типография, 1904. – 482 с.

⁸Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. – М.: Канон+, 1999. – С. 57.

⁹Франк С. Л. Личная жизнь и социальное строительство. Христианство на безбожном фронте. – Париж: YMCA Press, 1920–1930-е гг. – 28 с.

¹⁰Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – С. 160.

¹¹Достоевский Ф. М. Бесы. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 656 с.

В. С. Соловьев¹, Л. П. Карсавин². Они полагали, что для русского народа как самостоятельного носителя религиозного сознания очень важно гармоничное развитие в рамках отношений с церковью и государством. В частности, многие признавали излишнюю государственную опеку над церковью опасной и стремились защитить церковь от влияния государства. Так, Л. П. Карсавин развивал концепцию, основанную на признании того, что государственно-конфессиональные отношения должны исходить из принятия независимости церкви, интересы которой в то же время должны охраняться государственной властью³. С. Л. Франк⁴ и С. Н. Булгаков⁵ отстаивали необходимость такого формата взаимодействия между церковью и государством, в котором церковь ставилась во главе политических и социальных процессов и движений, выступающих за реализацию христианских ценностей проводила программу принудительного совершенствования жизни во имя христианской правды. Особую позицию в этом вопросе занимал Н. А. Бердяев, ставивший во главу угла свободу, к ограничению которой стремились с одной стороны церковные власти, полагающие, что защищают истину, однако ставящие свои убеждения выше интересов других людей; с другой – государство также претендовало на ограничение свободы не только верующих, но и церкви, что, по мнению Н. А. Бердяева было свидетельством заблуждения и самообольщения власть предержащих, которые вместо исполнения своих обязанностей начинали обличать ереси и преследовать еретиков⁶.

Либеральная концепция Н. А. Бердяева была поддержана мыслителями, ориентированными на обоснование прав человека, одним из которых признавалось право на свободу вероисповедания. В частности, большой вклад в развитие концепции взаимоотношений церкви и

¹Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, К. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. – М.: Республика Культурная революция, 2007. – С. 382.

²Карсавин Л. П. Католичество. – Петроград: ОГНИ, 1918. – 134 с.

³Там же.

⁴Франк С. Л. Личная жизнь и социальное строительство. Христианство на безбожном фронте. – Париж: YMCA Press, 1920–1930-е гг. – 28 с.

⁵Булгаков С. Н., прот. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

⁶Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. – М.: Канон+, 1999. – С. 57.

государства внес В. О. Ключевский¹, считавший закономерным следствием проводимой властями церковной политики кризис РПЦ, которая пыталась скрыть существующие трудности и бороться со свободой совести вместо того, чтобы заниматься внутренним реформированием². П. Б. Струве также критиковал союз церкви, народа и государства как проявление теократии, угрожающей личной свободе. По его мнению, религиозная свобода должна быть реализована посредством отделения церкви от государства, а также обеспечения прав каждой личности на свободу религиозного выбора³. Аналогичные идеи, представляющие либеральный взгляд на проблемы государственно-конфессионального взаимодействия, развивал Б. Н. Чичерин, смыслом подхода которого было понятие о необходимости обеспечения государством общегражданских, политических и социальных прав и свобод. Затрагивая проблемы вероисповедной политики, Б. Н. Чичерин, заявлял о праве каждого человека исповедовать ту веру, которая соответствует его чувствам и совести⁴. Исследователь доказывал, что никто не может быть принужден к исповеданию и наказуем за личностные религиозные предпочтения и смену религии. В то же время, согласно его мнению, все верующие должны обладать равными правами граждан российского государства и одинаково нести ответственность за свои поступки. Отражая социальные трансформации российской действительности нач. XX в., Б. Н. Чичерин выступил с обоснованием принципа свободы совести и необходимости защиты прав каждой личности в рамках ее взаимодействия с обществом и государством⁵. Проблемы, связанные с воздействием либерализации, которые в нач. XX в. оказывали влияние на концепцию государственно-церковных отношений, отражены в публикациях

¹Ключевский В. Боярская дума Древней Руси. – М.: Ладомир, 1994. – 570 с.

²Там же.

³Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. – СПб.: Изд-во Д. Жуковского, 1911. – 620 с.

⁴Чичерин Б. Н. *Общее государственное право*. – М.: Зерцало, 2006. – С. 280.

⁵Там же. – С. 294.

П. А. Прокашева¹ и С. В. Троицкого², которые обращали внимание на трансформации религиозной жизни России, происходившие в нач. XX в. под воздействием норм либерализма, влиявших на православие и католицизм. Именно они стали допускать умеренную эволюцию своих догматов и вводили изменения, указывающие на демократизацию этих структур. Эволюционную картину трансформации конфессиональной жизни этого периода представил И. Холопов³, являющийся сторонником идеи о том, что религии должны развиваться посредством реформ, последовательно раскрывая суть религиозного предания, поддерживать религиозную традицию в условиях меняющегося мира. Влияние модернизации на взаимоотношения церкви и государства, церковное управление и государственную политику в отношении принципов свободы совести отражено в трудах А. А. Папкова⁴, В. К. Пинкевича⁵, В. А. Федорова⁶, И. Г. Айвазова⁷, Н. К. Арсеньева⁸, которые уделяли внимание необходимости возрождения приходской жизни, наделения прихода правами юридического лица, восстановления связи священнослужителей со своей паствой⁹.

Вопросам свободы совести и церковного реформирования уделяли внимание многие другие исследователи. В частности, С. П. Мельгунов¹⁰, В. Я. Уланов¹¹, Н. А. Котляревский¹² раскрывали тему церковных реформ с либеральных позиций, доказывая необходимость уравнивания Православной

¹Прокашев П. А. Религиозный кризис на Западе Европы. – Томск: Паровая тип. Орловой, 1911. – С. 19.

²Троицкий С. В., проф. Единство Церкви. – М.: ФИВ, 2016. – 728 с.

³Холопов И. Идеология церковной реформы. – Киев: Христианская мысль, 1916. – С. 8.

⁴Папков А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя: С проектом приходского управления. – СПб.: Типо-лит. В. В. Комарова, 1903. – 72 с.

⁵Пинкевич В. К. П. А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века. – Текст: электронный // Национальные интересы. – 2004. – № 4. – URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/698cdbec/d055ee76/f0a6600a/> (дата обращения: 12.02.2022).

⁶Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917): монография. – М.: Рус. панорама, 2003. – 479 с.

⁷Айвазов И. Г. Христовщина. – СПб.: Тип. П. Я. Синченко, 1915. – Т. 1. – 648 с.

⁸Арсеньев Н. К. Православная Церковь и Западное Христианство. – Варшава: Синодальная типография, 1929. – 108 с.

⁹Церковная реформа и Государственная Дума // Русские ведомости. – 1908. – № 140. – 18 июня. – С. 1–2.

¹⁰Мельгунов С. П. Наши монастыри: К вопросу о секуляризации монастырских земель». – М.; Петроград: Т-во Задруга, 1917. – 16 с.

¹¹Уланов В. Я. Всем, кто против войны. – М., 1917. – 24 с.

¹²Котляревский Н. А. Холмы Родины. – Берлин: Обелиск, 1923. – 253 с.

Церкви с другими вероисповеданиями¹, которые, как полагали авторы, должны были получить право не только свободно исповедовать, но и свободно проповедовать свою религию. Характерной чертой предлагаемого ими анализа становления либеральных ценностей стало требование полной автономности церковной жизни. В частности, Л. А. Тихомиров считал, что она должна быть защищена от излишней опеки государства, поэтому необходимо переосмыслить характер государственно-церковных отношений синодальной системы и вернуть к жизни «древнерусское патриаршество»².

В целом в дореволюционный период исследований государственно-церковных отношений наблюдается существенное разнообразие мнений, которые объединяет стремление авторов концептуально обосновать необходимость церковных преобразований. В указанное время многие авторы находились под влиянием идей, отражавших представления о неразрывной связи государственной власти и православия в системе российского управления. Большинство из них считали необходимой организацию покровительства и обеспечения церкви и ее служащих со стороны государства, а также ее защиту, с одной стороны, от влияния зарубежных религий, с другой – от языческих и сектантских вероисповеданий. Однако завершение этого периода связано с распространением либеральных взглядов как среди светских авторов, так и среди представителей церкви, доказывавших, что претензии на ограничение свободы религиозного выбора – свидетельство заблуждения и самообольщения власть предержащих и лидеров церкви, приводившего к одержимости обличением ересей и преследованием еретиков³.

В отличие от многообразия мнений, характеризующих дореволюционный этап, исследования советского периода, посвященные вопросам реформирования религиозной жизни в России, как правило, давали

¹Котляревский С. Конституционное государство // Русские ведомости. – 1908. – № 89. – 17 апр. – С. 1–2.

²Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М.: Аликс, 1998. – 672 с.

³Осокин И. Е. Дореволюционная и советская наука о церковном реформировании // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. – С. 219–225.

отрицательную оценку любым проявлениям религиозного вероисповедания. Преимущественное число теоретических изысканий по данной проблеме приходилось на труды В. И. Ленина, отражавшие точку зрения, в которой основу государства представляла коммунистическая идеология советского народа, базировавшаяся на принципах атеизма¹. На положениях ленинского атеизма основывались описания религии, которые можно найти у Н. К. Крупской², В. Д. Бонч-Бруевича³, А. В. Луначарского⁴, Д. В. Пospelовского⁵, В. Рожицына⁶, И. И. Скворцова-Степанова⁷, Е. М. Ярославского⁸, отвергнувших постулат о союзе государства и церкви, доказывающих необходимость преодоления религии как социального феномена, понимаемого как фактор угрозы стабильности. Обосновывая необходимость укрепления классовой солидарности, они разрабатывали методологию борьбы с религией, которая предусматривала необходимость отделения государства от церкви, а церкви – от образования.

Советские авторы 20-х гг. XX в. утверждали, что реформационные процессы стали показателем ее кризиса и распада, которые правительство и церковь пытались безуспешно преодолеть политическими средствами. В частности, В. Рожицын писал о влиянии реформ на дискредитацию церкви в глазах верующих⁹. По мнению Б. В. Титлинова¹⁰, реформаторы пытались примирить церковь с социальной революцией, так как священство было солидарно с лозунгами свободы, равенства и братства. В этот период исследования церковных реформ посвящены поиску и объяснению причин

¹Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 17. – С. 418.

²Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. – М.: Партиздат, 1932. – 288 с.

³Бонч-Бруевич В. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. – СПб.: Тип. Вольфа, 1908. – 314 с.

⁴Луначарский А. В. Беседы по марксистскому мирозерцанию. – Л.: Academia, 1924. – 85 с.

⁵Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

⁶Рожицын В. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – С. 7.

⁷Скворцов-Степанов И. И. О живой церкви. – М., 1922. – С. 39.

⁸Ярославский Е. Борьба за преодоление религии // Против религии и церкви. Центральный Совет Союза воинствующих безбожников. – М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1935. – Т. 4. – 420 с.

⁹Рожицын В. С. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 29 с.

¹⁰Титлинов Б. В. Церковь во время революции. – Петроград: Былое, 1924. – С. 101.

возникшего в начале XX в. церковного раскола, приведшего к появлению обновленчества, ставшего на сторону советской власти.

Так, И. Демидов¹ обращал внимание на традиции тесного сотрудничества церкви и государства, выработанные в дореволюционный период и продолженные в советское время. Н. Д. Тальберг² анализировал процессы трансформации и приспособления «тихоновской» церкви к условиям советского государства. Н. С. Тимашев³ указывал на продолжение сотрудничества церкви и советского государства. Таким образом, с образованием советского государства возродился «охранительный подход», регулирующий отношения между государством и конфессиями. Согласно этому подходу государство брало на себя контроль за духовной жизнью народа, сплоченного квазирелигиозной сверхидеей, не допускающей возможности реализации права свободы вероисповедания.

В 30-е гг. XX в. исследования государственно-церковных отношений в Советском Союзе претерпели существенные трансформации, обусловленные завершением складывания командно-административной системы управления страной, утверждения культа личности И. В. Сталина и коммунизма в качестве официальной идеологии этого государства. В данный период проблемы развития религии оценивались только в контексте теории, утверждающей закономерность непрерывного обострения классовой борьбы⁴. Эта теория исходила из априорного тезиса о реакционной сущности религии и контрреволюционных действиях церкви, которые она прикрывала проведением реформ, используемых властями для обмана и дальнейшего закабаления трудящихся. Любое действие Православной Церкви в трудах Н. М. Никольского⁵, Н. Ф. Платонова¹, Е. Ф. Грекулова²,

¹Демидов И. Русская православная церковь в беженской рассеянии // Свободная Россия. – 1924. – № 5. – С. 66.

²Тальберг Н. Д. Церковный раскол. – Париж: Изд-во Светлейшего Князя М. К. Горчакова, 1927. – С. 35.

³Тимашев Н. С. Церковь и советское государство // Путь. – 1928. – № 10. – С. 85.

⁴Осокин И. Е. Дореволюционная и советская наука о церковном реформировании // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. – С. 222.

⁵Никольский Н. М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.

М. А. Рейснера³ понималось как помощь реакционным действиям царского правительства. Н. Н. Никольский, в частности, указывал на наличие объективных причин утраты авторитета православной церковью в синодальный период, которые были сформированы в результате кризиса монархической власти. Саму церковь он рассматривал как элемент системы управления государством, будучи «принудительной организацией для реакционного самодержавия»⁴. М. А. Рейснер⁵ с марксистских позиций разоблачал политику церковных реформ. В публикациях Е. Ф. Грекулова доказывалось, что церковь наносила вред народному просвещению, в связи с чем царское правительство использовало ее как инструмент предотвращения распространения знаний среди народа⁶. Н. Ф. Платонов приходил к выводу о том, что церковь не отделяла себя от самодержавного государства, спасение которого считала своей задачей. Однако решение этой задачи в самом православии понималось по-разному среди черносотенцев, консервативных традиционалистов и либералов-обновленцев⁷.

После Второй мировой войны в советской науке произошел постепенный отказ от апелляций к коммунистической идеологии в пользу формирования таких основ советской исторической и религиоведческой науки, которые претендовали на объективность и академизм. Тем не менее, религия, в частности православие, продолжали восприниматься только как реакционная сила, препятствовавшая развитию революционного процесса⁸. В 50-60-х гг. XX в. дальнейшее развитие получил «охранительный подход», сводивший государственно-конфессиональные отношения к мерам культурной и духовной изоляции, направленным на сдерживание угроз

¹Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – М.; Л., 1960. – Т. 4. – С. 103–209.

²Грекулов Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. – М.: Атеист, 1930. – 153 с.

³Рейснер М. А. Государство и верующая личность. – М. ЛИБРОКОМ, 2011. – 432 с.

⁴Никольский Н. М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.

⁵Рейснер М. А. Государство и верующая личность. – М. ЛИБРОКОМ, 2011. – 432 с.

⁶Грекулов Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. – М.: Атеист, 1930. – 153 с.

⁷ Платонов Н. Ф. Православная Церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – М.; Л., 1960. – Т. IV. – С. 103-209.

⁸Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки / отв. ред. Н. А. Смирнов. – М.: Наука, 1967. – 336 с.

существованию советского государства¹. Деятельность церкви оценивалась такими авторами, как Г. М. Платонов², Н. С. Гордиенко³, П. К. Курочкин⁴ сугубо негативно, считалось, что этот институт защищает самодержавие, следовательно, выступает против народа. Н. С. Гордиенко развивал тезис о том, что в условиях советского строя православие полностью подчинилось влиянию модернизации. Эта же идея доказывалась в публикациях П. К. Курочкина⁵, который анализировал трансформационные процессы Православной Церкви в пределах обновленческого движения, позитивно взаимодействующего с социалистическим государством. Трансформация социальной политики церкви как ведущая тенденция развития от «староцерковников» к «обновленцам» и прямому сотрудничеству с советскими властями представлена Р. Ю. Плаксиным⁶, А. Л. Шишкиным⁷, И. Л. Трифоновым⁸, сделавшими вывод об идентичности позиции руководства старой церкви и местоблюстителя Сергия (Старгородского), для которых главным стало сохранение церкви. В. М. Андреев на основании трактовок трудов П. А. Прокашевого⁹ и С. В. Троицкого¹⁰ доказывал религиозное реформирование в России в XX в., что представляло часть общего процесса трансформации мирового христианства, переосмыслившего общие принципы жизнедеятельности¹¹.

¹Павлова Н. С. Философско-социологические и исторические основания постановки проблемы безопасности в истории науки // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 7. – С. 87.

²Платонов Г. М. Православная церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России. 1900–1914 гг.: на материалах Саратовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саратов, 2003. – 19 с.

³Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. // Вопросы научного атеизма. – 1969. – Вып. 7. – С. 313–340.

⁴Курочкин П. К. Социальная позиция русского православия. – М.: Знание. 1969. – 48 с.

⁵Там же.

⁶Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. – М.: Наука, 1968. – 192 с.

⁷Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 368 с.

⁸Трифонов И. Я. Раскол в Русской Православной Церкви (1922–1925 гг.) // Вопросы истории. – 1972. – № 5. – С. 66.

⁹Прокошев П. А., проф. Дидаскалия, т.е. Кафолическое учение двенадцати апостолов и святых учеников нашего Спасителя. – Томск: Типо-литография Сибирского Товарищества Печатного Дела, 1913. – Т. 1. – 195 с.

¹⁰Троицкий С. В., проф. Единство Церкви. – М.: ФИВ, 2016. – 728 с.

¹¹Андреев В. М. Либерально-обновленческое движение в Русском православии начала XX века и его идеология: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.00. – Л., 1972. – 209 с.

Вплоть до 80-х гг. XX в. церковь в советских исследованиях упоминалась в связи с реакционной ролью, выполняемой ею в процессе развития российского и советского государства¹. В частности, в исследованиях государственно-церковных отношений, проводимых П. Н. Зыряновым² и В. В. Ключковым³, церковь характеризуется как противник революционного движения и защитник самодержавия. Ю. А. Розенбаум доказывал тезис об инструментальном использовании церкви российским государством, включившим в свой состав церковные институты⁴. Схожие идеи представлены В. В. Титовым, полагавшим, что православие использовало деструктивные методы удержания масс верующих под своим контролем, что являлось причиной появления различных форм религиозного сектантства⁵.

«Охранительный» подход также развивался в публикациях, посвященных теме западной нетрадиционной религиозности, авторами которых стали А. И. Клибанов⁶, Л. Н. Митрохин⁷, считавшие это явление проявлением перманентно развивающегося кризиса христианского мира. Д. Угринович⁸ и И. Р. Григулевич⁹ оценивали распространение нетрадиционных культов и религиозно-мистических сект как свидетельство загнивания общества капитализма. Е. Г. Балагушкин доказывал, что нетрадиционные религиозные объединения представляют угрозу для традиционных направлений, отвлекая от христианства часть верующих¹⁰.

¹Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Либерально-обновленческое движение в русском православии // Вопросы научного атеизма. – М., 1969. – Вып. 7. – С. 313–340.

²Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг.. – М.: Наука, 1984. – 226 с.

³Ключков В. В. Закон и религия (от государственной религии в России к свободе совести в СССР). – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.

⁴Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. – М.: Наука, 1985. – 176 с.

⁵Титов В. Е. Православие. – М.: Политиздат, 1967. – 336 с.

⁶Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. – С. 5.

⁷Митрохин Л. Н. Этот «странный мир Харе Кришна» // Наука и религия. – 1983. – № 1. – С. 52.

⁸Угринович Д. М. О специфике и структуре религиозного сознания // Вопросы научного атеизма. – 1966. – Вып. 1. – С. 36.

⁹Григулевич И. Р. Пророки новой истины. – М.: Политиздат, 1983. – С. 9.

¹⁰Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 110.

В целом в течение всего советского периода в области исследований государственно-церковных отношений господствовали установки, диктуемые коммунистической концепцией, критикующей деструктивную роль религии и государственного управления в Российской империи. Однако к финалу этого периода среди ученых появляются версии о том, что в среде духовенства формировалась оппозиция самодержавию, таким образом, они признавали, что церковь могла выступать в качестве самостоятельного от государства субъекта социального действия. В частности, в 1905 г. как попытку церкви обрести большее политическое влияние и таким образом укрепить материальное благополучие оценивал М. Ф. Флоринский¹. В период «перестройки» произошло изменение направленности и содержания исследований, посвященных государственно-конфессиональным отношениям в Советском Союзе, которому дал начало процесс либеральных преобразований основ советской государственности и идеологии. Такие авторы, как Б. Боровой² и Н. П. Красников³ наряду с традиционно используемыми концепциями развития религии анализировали события религиозной истории вне классового подхода. Объективный анализ трансформации конфессиональной сферы в России в XX в. попыталась дать Е. В. Фоминых, обратившись к концепции модернизации механизмов управления религиозными институтами⁴. Однако ее работа, как и публикация С. Н. Савельева⁵, который проводил критический анализ обновленчества, выступающего в качестве особого направления внецерковного реформаторства, характеризовалась наличием противоречивости между

¹Флоринский М. Ф. Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период третьей ионийской монархии // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия «История и языковедение». – 1980. – № 20. – С. 21–26.

²Боровой Б. Социальная проблематика в русском богословии // Журнал московской патриархии. – 1987. – № 9. – С. 20.

³Красников Н. П. Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. – Киев: Выща шк., 1988. – 177 с.

⁴Фоминых Е. В. Проекты церковных преобразований в России в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Л., 1987. – 161 с.

⁵Савельев С. Н. Идеологическое банкротство богоискательства в России в начале XX века. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 183 с.

содержанием исследований и марксистской методологией, требующей идеологизации.

Это же противоречие характеризует содержание коллективного исследования «Русское православие: вехи истории», где в контексте общего цензурного подхода и критики церковной социальной политики авторы обращали внимание на позитивный вклад, вносимый церковью в культуру России¹. Задачей, что ставили перед собой авторы сборника, среди которых выделялись П. Н. Зырянов и Н. С. Гордиенко, стало взвешенное и беспристрастное осмысление проблем взаимодействия светской и духовной власти в России. Тем не менее, исходная посылка, указывавшая на церковь, как инструмент государственного управления, встроенный в бюрократический аппарат и обладающий в связи с этим различными привилегиями и обязанностями, сохранялась. В частности, в ведущей статье П. Н. Зырянова², посвященной роли церкви в российской истории, доказывалось, что задачей, которую она ставила, было достижение «утопического единства» всех групп населения с государством посредством инструментов религиозной веры. Завершается этот период изданием в 1989 г. монографии Н. П. Красникова, который, разрабатывая методологию советского религиоведения, тем не менее, указывал на позитивную функцию, выполняемую Русской Православной Церковью, стремившейся к сплочению русского народа и государства в единое целое³. Таким образом, в течение перестроечного периода постепенно снижалось влияние марксистской методологии и атеизма на направленность и содержание исследований государственно-церковных отношений.

В начале 90-х гг. проявлялось влияние либерального подхода, обосновывающего необходимость перехода от узкого понимания

¹Русское православие: вехи истории / Я. Н. Шапов, А. М. Сахаров, А. А. Зимин [и др.]; науч. ред. А. И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.

²Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки / ред. Н. А. Смирнов. – Л.: Наука, 1967. – 335 с.

³Красников Н. П. Русское православие, государство и культура (исторический аспект). – М.: Знание, 1989. – С. 14.

государственно-конфессиональных отношений только как процесса, который нуждается в контроле со стороны государства, к представлению религиозной жизни как сферы, независимой от государства, руководствующегося в своей деятельности принципами невмешательства. Ведущим постулатом данного подхода стало утверждение (например, Н. Н. Рыбалкин¹, А. В. Возжеников²) о том, что российское государство стремится к обеспечению социального порядка, включающего конфессиональное многообразие и свободу религиозного выбора. С точки зрения системного подхода, разрабатываемого такими авторами, как А. А. Прохожев, государственно-конфессиональные отношения были включены в широкую систему социальной политики государства, ориентированную на учет влияния широкого круга факторов, куда вошли политическое и экономическое развитие, а также развитие культуры и духовности³.

Либеральные идеи оказали влияние на содержание юридических исследований, в которых такие авторы, как В. Г. Баев⁴, Н. В. Володина⁵, А. А. Дорская⁶, И. А. Куницын⁷, О. Н. Петюкова⁸, М. Ю. Шахов⁹, определяя правовой статус религиозных объединений в России, обращали внимание с одной стороны на необходимость защиты прав личности в отношении свободы религиозного выбора, зафиксированных в Конституции Российской Федерации, с другой – акцентировали внимание на том, что и от конфессий

¹Рабалкин Н. Н. Природа безопасности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – М., 2003. – С. 5.

²Возжеников А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М.: Модуль, 2000. – С. 78.

³Прохожев А. А. Новые концепции безопасности в связи с современными концепциями развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – № 1. – С. 8.

⁴Баев В. Г., Кирсанов И. А. Государственно-конфессиональные отношения в зеркале современной отечественной юридической литературы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 4. – С. 6–11.

⁵Володина Н. В. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. – М.: Новый индекс, 2009. – 476 с.

⁶Дорская А. А. Эволюция понятия «государственно-конфессиональные отношения» в контексте правового развития России // История государства и права. – 2012. – № 3. – С. 34–37.

⁷Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. – М.: Православное дело: Отчий дом, 2000. – 460 с.

⁸Петюкова О. Н. Понятие и содержание государственно-конфессиональных правоотношений // История государства и права. – 2011. – № 7. – С. 31–35.

⁹Шахов М. О. Проблемы правовой защиты традиционных ценностей // Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений: материалы II Межрегиональной научной конференции. – Владимир, 2019. – С. 35–45.

требовалось сохранение лояльности по отношению к государству и идее единства с российским населением. Часть практикующих юристов и психологов, таких как Ю. В. Сластилина¹, И. А. Тарасевич², Т. С. Оленич³, доказывают наличие серьезного вреда, наносимого людям, вступившим в ряды сект, в связи с тем, что подвергаются влиянию фобий, депрессий, что является угрозой стабильному существованию, воспроизводству и самобытному развитию конфессиональных традиций России. По их мнению, выраженному Е. Л. Забарчук⁴, основным объектом защиты в ходе обеспечения религиозной безопасности необходимо считать религиозную идентичность общества, которая подвергается угрозе со стороны иностранных религиозных объединений. Большое внимание здесь уделяется содержанию религиозной мотивации в действиях тех, кто ответственен за рознь, беспорядки, убийства или распространение наркотиков, совершившиеся в религиозной среде⁵.

Однако в последние годы исследования, выполненные под влиянием либерального взгляда, использующего методологию системного подхода, стали критиковаться со стороны авторов, представляющих так называемый аксиологический подход. Этот подход стал особенно актуальным в первые десятилетия XXI в., когда постсоветская Россия столкнулась с противостоянием со странами НАТО. При этом попытки российского государства отстаивать собственные представления о своем местоположении в мировой системе столкнулись с большим количеством внешних и внутренних проблем, включая экономический кризис и усиление

¹Сластилина Ю. В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Архангельск, 2006. – С. 75.

²Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. – Тюмень, 2015. – С. 37.

³Оленич Т. С. Философско-религиозные основы вероучения апокалипсических культов // Вестник Мариупольского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 7–11.

⁴Руденко А. М., Довлатян А. М. Религиозный экстремизм как фактор угрозы национальной и духовной безопасности российского общества // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 1262–1265.

⁵Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. – Тюмень, 2015. – С. 37.

идеологического противостояния¹. Как считает А. И. Поздняков, в этих условиях решающее значение приобрела оценка защищаемых ценностей, которые ассоциируются с российской традицией управления, экономики, культуры, духовности, религии². По мнению А. И. Куковского³ и Е. Н. Плужникова⁴, в настоящее время отечественные общественные устои, традиции, а также признаваемая большинством населения религия нуждаются в защите от религий, имеющих зарубежное происхождение. Таким образом, аксиологический подход фактически реанимирует охранительные идеи, которые применяются как обоснование для распространяющихся в обществе опасений в отношении религий, которые, не будучи связаны с российской традицией, выступили против «традиционной» религиозной культуры и церкви. Как отмечал А. Н. Красников, если в советские времена религиозное мировоззрение было противопоставлено нерелигиозному, то в настоящее время в качестве основной дихотомии современности стало пониматься противостояние «традиционных» и «нетрадиционных» религий, в котором в роли угрозы для общества выступают «нетрадиционные» религии⁵.

В постсоветский период «охранительный» подход является основанием для публикаций таких авторов, как А. Л. Дворкин⁶, А. В. Щипков⁷, Н. В. Кривельская⁸, Р. А. Силантьев⁹, В. А. Мартинович¹⁰, А. И. Хвыля-

¹Богданов А. Н. «Американская империя» и мировой порядок в XXI веке // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4. – С. 79.

²Поздняков А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 2. – С. 46.

³Куковский А. Н. Аксиологический подход к национальной безопасности в Российской Федерации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХИГС. – 2015. – № 2. – С. 35.

⁴Плужников Е. Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2010. – № 1. – С. 71.

⁵Красников А. Н. Методология западного религиозоведения второй половины XIX – XX века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – М., 2007. – С. 5.

⁶Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Н. Новгород: Христианская библиотека, 2012. – С. 8.

⁷Щипков А. В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. – СПб.: РХГИ, 1998. – С. 15.

⁸Кривельская Н. В. Секта: угроза и поиск защиты. – М.: Благовест, 1999. – С. 59.

⁹Силантьев Р. А. Современная география исламского сообщества России. – М.: РИСИ: ФИВ, 2016. – С. 17.

¹⁰Мартинович В. А. Введение в сектоведение. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – С. 9.

Олинтер¹ и др., которые публикуют материалы, свидетельствующие об активизации религиозного экстремизма, несущего угрозу «большой войны» с российским народом и его традиционными ценностями, защита которых является делом государства². При этом представители отечественного религиоведения подвергают критике эти утверждения, указывая на то, что в правовых документах отсутствует такое понятие, как «религиозная безопасность», а УК РФ не учитывает религиозные мотивы при определении степени уголовной ответственности, поэтому необходимо констатировать, что государство должно оценивать верующих в соответствии с содержанием их деятельности, а не в связи с их религиозными убеждениями³. Большую теоретическую проблему здесь, как отмечает А. Н. Поздняков⁴, представляет возможность определения сущности и степени ответственности за ведение религиозной деятельности, которая способна нанести только духовный ущерб, степень которого зависит от такой процедуры, как определение критериев вреда духовным, то есть абстрактным сущностям.

Поэтому различные аспекты научной критики концепции государственно-конфессиональных отношений, основанной на принципах антикультизма, присутствуют в публикациях таких религиоведов, как П. Н. Костылев⁵, Н. А. Митрохин⁶, И. Я. Кантеров⁷, Н. С. Гордиенко⁸, С. И. Иваненко⁹ и др. В частности, П. Н. Костылев¹ утверждает, что

¹Хвилья-Олинтер А. Опасные формы нетрадиционных религиозных движений // Северо-Кавказский регион. – 1998. – № 3. – С. 66.

²Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Н. Новгород: Христианская библиотека, 2012. – С. 10.

³Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. – 2008. – № 6. – С. 39.

⁴Поздняков А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 2. – С. 46.

⁵Костылев П. Н. Новый экспертный совет только усугубит нынешнюю неразбериху, сложившуюся в области государственно-конфессиональных отношений. – URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/groups/academy/Novyj-ekspertnyj-Sovet-tol-ko-usugubit-nyeshnyuyu-nerazberihu-slozhivshuyusya-v-oblasti-gosudarstvenno-konfessional-nyh-otnoshenij> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.

⁶Митрохин Н. А. Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: НЛЮ, 2004. – С. 109.

⁷Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России. – М.: ББИ, 2007. – С. 16–93.

⁸Гордиенко Н. С. Российские свидетели Иеговы: история и современность. – СПб., 2000. – С. 57.

⁹Иваненко С. И. Обыкновенный антикультизм. – СПб.: Древо жизни, 2012. – 104 с.

антикультизм связан не с наукой, а с конструируемой им самим ценностной реальностью, где нетрадиционные, то есть неправославные религии представляются деструктивными культурами. По мнению Н. А. Митрохина², отнесение ряда религиозных организаций к юридическим организациям унитарного типа абсурдно, так как регистрация является критерием признания их государством не в качестве сект или культов. Исследователь доказывает, что проблема кризиса православия состоит не в угрозе сект, а в процессах, которые проходят внутри церкви, переживающей период разногласий и внутрицерковной борьбы³.

Одним из авторов, который внес серьезный вклад в формирование представлений о государственно-конфессиональных отношениях в современный период, является Н. С. Гордиенко, который не только доказывает ограниченность «охранительной» стратегии государственных и общественных структур, но и представляет тезис о том, что она наносит моральный ущерб верующим и реальный ущерб государству, имидж которого как власти, преследующей религиозное инакомыслие, на мировой арене оказывается испорчен⁴. В современных условиях взглядов Н. С. Гордиенко придерживается исследователь С. И. Иваненко⁵, который анализирует процессы государственно-конфессионального взаимодействия, уделяя внимание проблеме защиты свобод и прав верующих, подвергающихся преследованиям со стороны антикультизма, рассматриваемого им как угроза свободе вероисповеданий в России⁶. На то, что государственно-конфессиональные отношения в России подчинены изменяющейся политической конъюнктуре, указывает И. Я. Кантеров,

¹Костылев П. Н. Новый экспертный совет только усугубит нынешнюю неразбериху, сложившуюся в области государственно-конфессиональных отношений. – URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/groups/academy/Novyj-ekspertnyj-Sovet-tol-ko-usugubit-nyнешnyuyu-nerazberihu-slozhivshuyusya-v-oblasti-gosudarstvenno-konfessional-nyh-otnoshenij> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.

²Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: НЛО, 2004. – С. 108.

³Там же. – С. 109.

⁴Гордиенко Н. С. Российские свидетели Иеговы: история и современность. – СПб., 2000. – С. 57.

⁵Иваненко С. И. Обыкновенный антикультизм. – СПб.: Древо жизни, 2012. – 104 с.

⁶Там же.

который пишет об отсутствии критериев религиозной деструктивности, что говорит об относительности положений, определяющих содержание политики по отношению к представителям различных конфессиональных групп¹. На то, что в рамках государственно-конфессиональных отношений могут быть использованы различные модели, указывают такие современные исследователи, как Р. Подопригора², Е. Мирошникова³, О. К. Шиманская⁴, которые выделяют три варианта отношений между государством и религиозной сферой: 1) полное слияние религии и государства; 2) радикальное отделение государственной и религиозной сфер; 3) модель, предполагающую взаимодействие государства со всеми участниками конфессионального пространства. Однако, как отмечают М. Н. Фомина и А. В. Гостюхин⁵, основанием для социального взаимодействия между российским государством и конфессиями на деле является законодательная база, отражающая государственные интересы и пытающаяся регулировать ход реального взаимодействия между различными формами власти.

Учитывая это противоречие, становится очевидным, что анализ подхода современного российского государства к сфере государственно-конфессиональных отношений необходимо проводить с учетом более широкой историко-культурной перспективы, что в начале XXI в. осуществляется в публикациях Ю. П. Зуева⁶, Р. А. Лопаткина⁷, А. В. Логинова⁸, Е. С. Элбакян¹, А. В. Третьякова², А. Л. Беглова³,

¹Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России. – М.: ББИ, 2007. – С. 16–93.

²Подопригора Р. А. Государство и религиозные организации: (Административно-правовые вопросы). – Алматы: Аркаим, 2002. – 323 с.

³Мирошникова Е. М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. – М., 2007. – С. 16–18.

⁴Шиманская О. К., Матина Е. Г. Социальное партнерство государства и религиозных организаций в современной России: методология, подходы, правовой аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 3–7.

⁵Фомина М. Н., Гостюхин А. В. Политическая система российского общества: взаимоотношение Русской Православной Церкви и государства на современном этапе. – Чита: ЧитГУ, 2007. – 152 с.

⁶Зуев Ю. П. Социальные концепции религиозных объединений России: первый опыт определения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 35–45.

⁷Лопаткин Р. А., Овсиенко Ф. Г. Вероисповедная политика Российского государства. – М.: РАГС, 2003. – С. 67.

⁸Логинов А. В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – 496 с.

О. С. Шутовой⁴, характеризовавших трансформации духовной атмосферы России и проводящих аналогии этого периода с событиями начала XX в. Эти события, то есть реформы власти, церкви и последующие революционные изменения и трансформации, представляются в качестве ключевых причин, повлиявших на развитие последующего кризиса и конфликта между светскими властями и религиями⁵. Исследующие проблему взаимодействия церкви и государства М. А. Бабкин⁶, А. Г. Семашко⁷ доказывали, что по отношению к революционным событиям церковь, несмотря на государственное наследие XIX в. в качестве элемента системы управления, пыталась занять независимую позицию и оставаться вне влияния как революционных, так и контрреволюционных сил⁸. Авторитетом среди современных исследователей пользуются публикации М. И. Одинцова⁹, который, исследуя эволюцию государственно-конфессиональных отношений в истории России, разрабатывает собственную модель смены форм государственной и церковной политики. Как доказывает М. И. Одинцов, на протяжении XIX–XX вв. представлены самодержавная, буржуазная и социалистическая формы конфессиональной политики государства. Они вели последовательно проправославную, плюралистичную и атеистическую политику в рамках церковного вопроса, формируя собственную конституционную и правовую базу, регулиующую отношения между

¹Элбакян Е. Государственно-церковные отношения в России начала XX века в оценках либеральной и церковной интеллигенции. – URL: http://www.religare.ru/2_5140.html (дата обращения: 20.12.2021). – Текст: электронный.

²Третьяков А. В. Политико-правовые отношения Российского государства и Русской Православной Церкви: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2004. – 25 с.

³Беглов А. Л. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и власти: история и современность. – Текст: электронный // Сибирская православная газета (История). – 2004. – № 6. – URL: <http://www.ihrus.ru/62004/hi1.shtml> (дата обращения: 03.12.2021).

⁴Шутова О. С. Некоторые аспекты государственно-церковных отношений в России в XX веке. – Текст: электронный // Бог. Человек. Мир: материалы ежегодной научной конференции. – СПб., 2001. – URL: <http://rchgi.spb.ru/Pr/bchm00/shutova.html> (дата обращения: 03.12.2021).

⁵Там же.

⁶Бабкин М. А. Святейший синод Российской Православной Церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. – 2005. – № 2. – С. 97–109.

⁷Семашко А. Г. Русская Православная Церковь в государственном механизме Российской империи XIX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2007. – 27 с.

⁸Бабкин М. А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). – М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России, 2007. – 532 с.

⁹Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. – М.: Знание, 1994. – С. 131.

церковью и государством¹. М. И. Одинцов полагает, что светские власти несли ответственность за проведение реформирования церкви, произошедшее в нач. XX в., которое привело к церковному расколу и образованию «советской» Православной Церкви.

Начиная с первого десятилетия XXI в., анализ государственно-церковных отношений в Российской империи стал дополняться исследованиями, посвященными проблемам взаимодействия государства и неправославных конфессий. Важным аспектом, отражающим особенности конфессиональной политики российского государства, на который обращают внимание современные исследователи, является отношение власти к представителям этноконфессиональных групп, в первую очередь, мусульман, католиков, иудеев, лютеран. Данные аспекты проявились в публикациях М. А. Волхонского², А. Ю. Бахтуриной³, В. С. Дякина⁴, Р. М. Мухаметшина⁵, А. К. Тихонова⁶, Н. С. Андреевой⁷, указавших на направленность конфессиональной политики в сторону формирования единой российской общности, в которой учитывались особенности крупнейших социальных и этнокультурных групп. При этом с одной стороны исследователи, такие как Е. И. Воробьева⁸, Д. Ю. Арапов⁹, О. С. Ульянова¹⁰, О. С. Шутова¹¹,

¹Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. – М.: Знание, 1994. – С. 131.

²Волхонский М. А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы Первой русской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2003. – 22 с.

³Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 11–12.

⁴Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: ЛИСС, 1998. – С. 131.

⁵Ислам в Среднем Поволжье: история и современность: монография / ред. Р.М. Мухаметшин. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – 452 с.

⁶Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 353 с.

⁷Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. – СПб.: Мирь, 2008. – 310 с.

⁸Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.): исторический ежегодник. – Омск. 1998. – С. 40–55.

⁹Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). – М.: МПГУ, 2004. – 287 с.

¹⁰Ульянова О. С. Правовые аспекты Российского законодательства о выезде евреев в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361. – С. 93–97.

¹¹Шутова О. С. Некоторые аспекты государственно-церковных отношений в России в XX веке. – Текст: электронный // Бог. Человек. Мир: материалы ежегодной научной конференции. – СПб., 2001. – С. 28. – URL: <http://rchgi.spb.ru/Pr/bchm00/shutova.html> (дата обращения: 03.12.2021).

анализируют сопротивление со стороны представителей этнических религий; с другой – пишут о положительном влиянии русской государственности, культуры, образования, языка, способствующих снижению обособленности отдельных национальных групп. В связи с этим современные исследователи разрабатывают тезис о правомерности ограничений по отношению к различным конфессиям, указывая на адекватность национальной и конфессиональной политики в российском государстве¹.

Таким образом, отечественные исследователи рассматривают проблемы государственно-конфессионального взаимодействия, где с одной стороны представлены исследования, основанием которых является «охранительный» подход, направленный на оправдание государственного протекционизма традиционных конфессий как оплота общественной стабильности и преследования инославия как общественной угрозы; с другой – им противостоят исследователи, отражающие либеральный подход, который доказывает, что приоритет государственного над личностным в такой сфере, как реализация свободы религиозного выбора, может быть опасен, так как ведет либо к тоталитаризму – безусловному подчинению личности требованиям государства, либо к хаосу – гражданскому конфликту, который может закончиться окончательной утратой религиозной свободы. Поэтому необходимо прийти к вводу о том, что, несмотря на то, что за период в несколько последних десятилетий сделан качественный скачок в разработке проблемы государственно-конфессиональных отношений, в российской науке ощущим недостаточный уровень исследований, посвященных изучению трансформации концепции государственно-конфессиональных отношений.

Выводы:

1. В дореволюционный период в отечественных исследованиях взаимодействия государства и религии такими авторами, как Н. М. Карамзин,

¹Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб.: ЛИСС, 1998. – С. 131.

А. Х. Бенкендорф, М. М. Сперанский, С. С. Уваров заложены традиции охранительного подхода. Развитие этого подхода шло в контексте идеи о доминирующей роли государства, представляемой А. Д. Градовским, И. С. Бердниковым, Н. Я. Данилевским, К. Н. Леонтьевым. Идея защиты интересов церкви разработана такими авторами, как Л. А. Тихомиров, П. М. Знаменский, А. С. Хомяков, Н. И. Веселовский, Е. Е. Голубинский. Идею гармоничного развития отношений между церковью и государством отстаивали Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин. В нач. XX в. влияние либерализма на исследовательский подход к проблеме государственно-церковных отношений проявилось в публикациях П. Б. Струве, Б. Н. Чичерина, П. А. Прокашева, С. В. Троицкого, А. А. Папкова, В. К. Пинкевича, В. А. Федорова, И. Г. Айвазова, Н. К. Арсеньева, С. П. Мельгунова, В. Я. Уланова, С. Котляревского, которые обращали внимание на трансформации религиозной жизни России и необходимость обеспечения свободы религиозного выбора для каждого человека.

2. В отличие от многообразия мнений, характеризующих дореволюционный этап, в Советском Союзе осмысление государственно-конфессиональных отношений проходило в только рамках охранительного подхода государства, опирающегося на поддержку многонационального населения и атеистическую идеологию, которая представлена в трудах В. И. Ленина, В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского, Д. В. Пospelовского, В. Рожицына, Б. В. Титлинова, И. И. Скворцова-Степанова, Е. М. Ярославского, Н. М. Никольского, Н. Ф. Платонова, Е. Ф. Грекулова, М. А. Рейснера. После Второй мировой войны охранительный подход разрабатывался в трудах В. М. Андреева, В. В. Клочкова, М. Платонова, П. К. Курочкина, Ю. А. Розенбаума, В. В. Титова, А. И. Клибанова, С. А. Токарева, Л. Н. Митрохина, Д. Угриновича, И. Р. Григулевича, Е. Г. Балагушкина, Р. Ю. Плаксина, А. Л. Шишкина, И. Л. Трифонова, сводивших государственно-конфессиональные отношения к

государственным мерам духовной изоляции. Во второй половине 1980-х гг. либерализм стал вновь оказывать влияние на содержание исследований таких авторов, как М. Ф. Флоринский, Б. Боровой, Н. П. Красников, Е. В. Фоминых, С.Н. Савельев, П. Н. Зырянов, Н. С. Гордиенко, отдававших должное проблемам свободы совести и обращавших внимание на позитивные последствия взаимодействия церкви, российской культуры и государственности.

3. На рубеже XX–XXI вв. влияние либерализма на формирование научных подходов к исследованию государственно-конфессиональных отношений проявилось в обосновании идей, в соответствии с которыми религия стала пониматься как сфера, независимая от государства, что по отношению к ней руководствовалось законодательно закрепленными принципами невмешательства, отраженными в трудах юристов, таких как В. Г. Баев, Н. В. Володина, А. А. Дорская, И.А. Куницын, О. Н. Петюкова, М. Ю. Шахов. С другой стороны среди юристов (Ю. В. Сластилина, И. А. Тарасевич, Т. С. Оленич, Е. Л. Забарчук) распространена точка зрения о том, что от конфессий требуется сохранение лояльности по отношению к государству и идее единства с российским населением. Этой же точки зрения придерживаются современные представители охранительного подхода (Е. И. Воробьева, Д. Ю. Арапов, О. С. Ульянова, О. С. Шутова, А. Л. Дворкин, А. В. Щипков, Н. В. Кривельская, Р. А. Силантьев, В. А. Мартинович, А. И. Хвыля-Олинтер), которые оправдывают государственный протекционизм традиционных конфессий и преследование инославия. Им противостоят представители либерального и ситуативного подхода (А. Н. Красников, П. Н. Костылев, Н. А. Митрохин, Н. С. Гордиенко, С. И. Иваненко, И. Я. Кантеров, Р. Подопригора, Е. Мирошникова, О. КШиманская, В. А. Федорова), которые выступают с позиции необходимости защиты прав свободы религиозного выбора для каждого человека. Учитывая это противоречие, становится очевидным, что анализ подхода современного российского государства к сфере государственно-

конфессиональных отношений необходимо проводить с учетом более широкой историко-культурной перспективы (Н. Н. Рыбалкин, А. В. Возжеников, А. А. Прохожев, А. В. Логинов, Е. С. Элбакян, М. А. Бабкин, А. Г. Семашко, М. И. Одинцов, М. А. Волхонский, В. С. Дякин, Р. М. Мухаметшин, А. К. Тихонов, Н. С. Андреева, М. Н. Фомина, А. В. Гостюхин).

Заключение к главе 1.

1. В западной философии обсуждение проблематики государственно-конфессиональных отношений представлялось сменяющими друг друга подходами, один из которых отражал положения средневековой религиозной концепции, обосновывающей подчиненное положение государства по отношению к церкви. В период Нового времени распространились концепции, которые стремились обосновать секулярные принципы жизнедеятельности национальных государств, где религии были подчинены государству. Значительный вклад в развитие идей о взаимодействии государства, общества и религии в русле секуляризма сделан в социологических исследованиях и марксизме, обративших внимание на то, что взаимодействие государства и религии является аспектом управления обществом. С середины XX в. на осмысление проблем государственно-конфессиональных отношений стало оказывать влияние усиление политического противостояния, что привело к обоснованию в концепции «информационной войны». С критикой этой концепции выступили представители ряда религий, указавших на нарушения своих прав со стороны западных государств, в частности, представители направления социальных исследований (постмодерн и социология религий), которые полагали, что используемая религиозными объединениями социальная стратегия поведения характерна для любых социальных групп. Аспектом этих исследований становится постулат о необходимости защиты гарантий свободы вероисповедания, реализация которых неодинакова в различных странах, однако принимается демократическими государствами Запада в качестве

базового подхода к государственно-конфессиональной политике.

2. В отечественных исследованиях взаимодействия государства, общества, личности и церкви в дореволюционный период заложены традиции охранительного подхода, предполагавшего необходимость обоснования союза православия, власти, народности. Однако с нач. XX в. этот подход потеснил либеральный, защищавший принцип свободы религиозного выбора. Несмотря на незавершенность либеральных преобразований в сфере государственно-конфессиональных отношений, ценности либерализма, касающиеся положения о праве человека на свободу совести и положения о независимости конфессиональной сферы от государственной, продолжали оказывать влияние на осмысление государственно-конфессионального взаимодействия. Поэтому, несмотря на господство охранительного подхода советской науки с осмыслением государственно-конфессиональных отношений и опорой на атеистическую идеологию, во второй половине 1980-х гг. произошло изменение направленности концептуального содержания в сторону признания принципа свободы совести и указаний на позитивную роль религий в процессах развития отечественной культуры. В начале 1990-х гг. было восстановлено влияние либерального подхода, обосновывающего необходимость перехода от понимания государственно-конфессиональных отношений как процесса, который нуждается в контроле со стороны государства, к пониманию религиозной жизни как сферы, независимой от государства. Современные отечественные исследователи рассматривают проблемы государственно-конфессионального взаимодействия, где с одной стороны представлены исследования, основанием которых является «охранительный» подход, направленный на оправдание государственного протекционизма традиционных конфессий как оплота стабильности и преследования инославия, как общественной угрозы. С другой стороны, им противостоят исследователи, отражающие либеральный подход, который доказывает, что приоритет государственного над личностным в религиозной сфере ведет

либо к тоталитаризму – безусловному подчинению личности требованиям государства, либо к хаосу – гражданскому конфликту, который может закончиться окончательной утратой религиозной свободы. Несмотря на то, что за период в несколько последних десятилетий сделан качественный скачок в разработке проблемы государственно-конфессиональных отношений, в российской науке ощутим недостаточный уровень исследований, посвященных изучению государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям.

Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОДХОДА К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С КОНФЕССИЯМИ В РОССИИ

2.1. Государственный подход к в государственно-конфессиональным отношениям в дореволюционной России

Исторически территории российского государства были населены различными племенами и народами, совместное существование которых порождало конфессиональное пространство, где существовало большое количество религий, взаимодействующих между собой и государством¹. Процесс взаимодействия религии и государства на территории Российской империи определялся содержанием подхода, которым руководствовалась власть при организации государственно-конфессиональных отношений, состоял из трех последовательных этапов, различавшихся в зависимости от параметров структуры взаимодействия власти и религиозных объединений.

Первым этапом можно считать время, когда религия и власть составляли единую структуру религиозно-политического руководства, действия которого определялись религиозной направленностью власти, выстроенной в восточнославянском государстве вокруг почитания языческого пантеона². Фундаментом данной системы была сакрализация решений народного вече, которое доминировало над фигурой князя как наемного временщика, ответственного за охрану границ³. Поэтому целью князя Владимира было обретение княжеского самовластия, для чего ему требовалось обеспечить независимость от вечевой вольницы⁴.

Поняв, что перестановки в языческом пантеоне не позволят князю доминировать над вече, князь провел религиозную реформу, основанную на религиозно-политической идеологии Восточной Римской империи, в

¹Андреева О. А. Влияние христианства на становление древнерусского государства и права // Известия Южного Федерального университета. – 2004. – № 4. – С. 257–264.

²Климов Е. В. К вопросу о верховном боге в пантеоне древних славян // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 18. – С. 13–21.

³Ячменев Ю. В. Этико-политические ценности русского средневековья // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 207–219.

⁴Греков Б. Д. Киевская Русь. – М.: Политиздат, 1953. – 567 с.

соответствии с которой он представлялся наместником Бога на троне¹. Принятие этой идеологемы вело к формированию нового социального порядка, который понимался как отражение небесного устройства, где князь становился верховным вершителем дел мирских и духовных². Дальнейшая правовая и политическая история России во многом определена религиозным влиянием, которое оказал христианский догмат о верховном правителе – «наместнике Иисуса Христа», в должности которого переплелись функции светской и духовной власти.

В России считался распространенным византийский вариант религиозной традиции власти, отличающийся от западного папоцезаризма тем, что роль светского правителя, выступающего в качестве представителя Бога, является здесь определяющей. Роль «наместника Христа» в России, как и в Византии, сводится к выполнению обязанностей царя и первосвященника. В связи с этим политическая история страны здесь развивается в зависимости от направления реформаторской деятельности самодержцев, которые, начиная с 988 г., стремятся подчинить религиозную сферу единому началу, олицетворением чего является формирование религиозной идеологии власти.

Закономерно, что проведение реформы Владимира встретило противодействие славян, стремившихся к сохранению народной религии, проявившееся в выступлениях волхвов и язычников, а затем – в появлении двоеверия и мистических сект, стригольников и иудействующих, не считавших, что правитель государства может быть представителем Бога³. Еще одним следствием реформы Владимира стало формирование феодальной раздробленности, так как выведение власти князя из-под контроля общинных институтов привело к росту локального сепаратизма⁴. Причиной было то, что распространение влияния христианства было связано

¹Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. – М.: Терра, 1992. – 569 с.

²Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предисории русской культуры. – М.: Языки славянских культур, 2002. – С. 73.

³Голубинский Е. Е. История Русской церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – Т. 1. – С. 839–840.

⁴Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 71.

с утверждением власти, базирующейся на религиозной идеологии, в соответствии с которой правитель государства является «наместником Христа», что исключало действие экономических рычагов и предполагало наличие силовых методов воздействия, что влекло за собой княжеские междоусобицы.

Развитие раздробленности привело к установлению монголо-татарской власти и появлению верховного политического арбитра в лице монгольского хана, признаваемого как князьями, так и церковью¹. Сакральный статус верховного владыки был унаследован московскими правителями, за которыми церковь закрепила прерогативу светской и духовной власти². Подтверждение тому – период правления Ивана Грозного, когда православный подход к власти стал утверждать, что московский государь является воплощением Бога, то есть Спасителем и Мессией, возглавляющим весь народ Божий. Этот подход предполагал наличие абсолютной власти монарха, ответственного только перед Богом, что стало основанием для окончательного установления режима цезаропапизма, при такой власти цари, начиная с Алексея Михайловича, мнили себя наместниками Бога на земле. Единоличная власть считалась условием общественного порядка, так как причиной этого было соответствие планам, которые, как считала церковь, Бог определил для Российского государства. В свою очередь государство поддерживало Церковь и укрепляло ее статус. В этих условиях была сформулирована теологическая доктрина государственной власти, обосновавшая роль Москвы как центра мирового христианства, то есть Третьего Рима³.

В то же время не все население централизованного государства мирилось с необходимостью религиозного единства, требуемого правительством и церковью. Настроения, отражающие стремление

¹Веселовский Н. И. Труды по истории Золотой Орды. – Казань: Фэн: АНРТ, 2010. – 192 с.

²Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. – М.: Наука, 1964. – С. 150.

³Свистунов М. Н. О влиянии русской Православной Церкви на формирование основ русской цивилизации // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 1. – С. 253.

отдельных групп российского народа самим выбирать религиозную веру, нашли выражение в церковном расколе, идеологи которого, как писал Н. А. Бердяев¹, сформулировали доктрину государственной власти, соответствующей евангельскому образцу Царства Божия. Однако противостояние этой доктрине и доктрине власти, «основанной на идеологеме Третьего Рима, не было разрешено, что привело к кризису государства, не отделявшего себя от религии. Разрешением кризиса стал процесс секуляризации российской системы управления, который знаменовал начало нового этапа развития государственно-конфессиональных отношений в России.

Второй этап, определяемый содержанием секулярного подхода к государственно-конфессиональным отношениям, начался с реформы конфессиональной сферы, проведенной Петром I, который перестал ориентироваться на идеологию Третьего Рима и предложил светский подход власти к отношениям с Церковью. В соответствии с европейскими идеалами, на которые он ориентировался, первичным был приоритет светской власти государства над личной волей монарха². Должность монарха подвергалась десакрализации, продолжением чего служил отказ от церковной идеологемы императора как наместника Бога, а самой Церкви – как сакрального института. Одновременно с этим встал вопрос, касающийся необходимости организации контроля со стороны государства над конфессиональной сферой, в первую очередь – над церковью. Для этого петровская реформа уничтожила иерархию этого сакрального института во главе с патриархом и свела церковь до роли чиновничьего подразделения при правительстве³. Таким образом, она довела до логического конца решение вопроса о том, чья

¹Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – Текст: электронный. – URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/index.html> (дата обращения: 21.01.2022).

²Карташев А. В. Церковь при Петре Великом // Очерки по истории Русской Церкви. – М.: Терра, 1992. – 569 с.

³Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – М.: Рус. панорама, 2003. – 479 с.

воля – патриарха или монарха – должна превалировать в управлении российским государством¹.

С одной стороны, принятое решение соответствовало положениям византийского подхода к государственно-церковным отношениям, где полагалось, что император синтезирует властные и священнические функции. С другой – особенностью петровского реформирования считалось то, что традиционная для России форма самодержавной власти была наполнена Петром I западным, секулярным содержанием, сутью которого стал светский абсолютизм и нормы естественного права. Целью самодержавного служения Петра было благоденствие чисто земного института – государства, что достигалось методом инкорпорации властных структур, вносящих светский характер в традиционную христианскую конструкцию власти².

После его смерти дальнейшее проведение реформирования конфессиональной сферы было свернуто: начался период дворцовых переворотов и смуты. Приход к власти Екатерины II вновь поставил вопрос о необходимости решения задач, связанных с достижением социальной легитимации власти, инструментом которой тогда могла быть только религия³. Курс на установление конституционной монархии, который взяла Екатерина II, был определен в документе «Наказ Екатерины», где Екатерина представила свой подход к реформированию общества, который заключался в организации управленческой системы, при этом граждане были равны перед законом, обладали политическими свободами, управлялись правительством, обладающим народным доверием. Важнейшей социальной мерой, предлагаемой Наказом, стало распространение свободы совести, которая понималась императрицей как веротерпимость. Екатерина выражала

¹ Рогожкин Н. М., Гуськов А. Г. Петр Первый и Россия (размышления о первом российском императоре) // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 2. – С. 247–263.

² Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. – СПб., 2009. – 448 с.

³ Ключевский В. О. Сочинения. – М.: Мысль, 1989. – Т. 5. – С. 61.

мысль о том, что запрет различных вероисповеданий является заблуждением, отрицательно влияющим на жизнь граждан¹.

Однако история показывает, что на деле идеей, которой руководствовалась Екатерина, было ограничение влияния православной церкви в политических и государственных вопросах, которое осуществлялось посредством лишения ее экономической основы существования. При этом церковные иерархи лояльно отреагировали на реформы и согласились с нововведенной церковной структурой и системой твердого денежного довольствия, предлагаемой императрицей. Православие переводилось в сферу исключительно культовую, где оно обслуживало духовные потребности общества². Таким образом, екатерининские политические реформы продолжали линию петровского секуляризма, но установленный ею режим не преминул обратиться к церковной идеологии власти, в рамках которой самодержавие связывалось с православием и народностью.

Эти события показывают, что к концу XVIII в. попытки реформирования государственно-конфессиональных отношений хотя и были вызваны трансформациями, связанными с результатами социально-политического развития государства, основывались на инициативе правительства, рассчитывающего благодаря реформам укрепить социальный базис государства. Поэтому реформаторские усилия Екатерины II, а затем Александра I, сутью которых стала попытка секуляризации и либерализации религиозной жизни общества, были обречены на неуспех. Его причина виделась в отсутствии социальной стабильности и неуправляемых последствиях, к которым приводили реформы, угрожающие сложившейся государственной системе, чье существование было невозможным без легитимации со стороны православной церкви. Как только инициаторы реформ понимали, к каким негативным последствиям для государства они могут привести, реформаторская деятельность сворачивалась, и начинался

¹Стенник Ю. В. «Наказ» Екатерины в оценке иерархов русской церкви // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2001. – № 1. – С. 34–38.

²Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. – М.: Терра, 1992. – Т. 2. – С. 493.

поиск выхода кризиса, заключавшийся в контрреформационных мерах при актуализации доминирующего влияния властных институтов¹.

В результате любые попытки, связанные с проведением реформ, нацеленных на облегчение положения иноверцев в России на протяжении всего XIX в., сталкивались с противодействием со стороны властей и церкви. Они постулировали идею о том, что особенностью России в отличие от западноевропейских стран являются специфические особенности управления, социальной, культурной и религиозной жизни². В частности, принятый при Николае I Свод законов Российской империи провозглашал, что для государства приоритетной является охрана православия как господствующего исповедания, поэтому значимым направлением является борьба с нежелательными религиями и идеями, забота о материальном благополучии священства. Целью стало поддержание абсолютизма как способа управления и удаление клира от управления церковью³. Это означало, что государство брало под свой контроль все значимые для церкви вопросы, в свою очередь церковь была призвана придавать государственному управлению религиозный смысл, а также корректировать политический курс государства в конфессиональной сфере⁴.

Эта тенденция была сохранена при правлении Александра II, который проводил политику ограничения прав католиков и мусульман, одновременно реализовывая мероприятия, направленные на усиление контроля государства за их деятельностью. При этом, отвечая на потребность решать проблемы преследуемых меньшинств, царь проводил реформы, частично облегчавшие положение иудеев и старообрядцев, которые существенно расширили свои гражданские права. Однако проведение этих реформ закончилось откатом в

¹Швец Ю. П. О причине провала реформ Александра I // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 229–231.

²Морина Л. П. Христианская модель власти в политической истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 6., вып. 2. – С. 134–142.

³Дворниченко А. Ю. Центр и регионы России при «старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2010. – № 1. – С. 8–51.

⁴Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 68 с.

сторону усиления консервативных мер, осуществленных при Александре III, который считал своей задачей сохранение существующих порядков¹.

Проводивший реформирование религиозной сферы К. П. Победоносцев ставил задачу подчинить всю конфессиональную сферу контролю государства и сделать православие оплотом консерватизма². Другие религии подверглись репрессиям, в частности, католики³, лютеране⁴, иудеи⁵ существенно ограничивались в правах проживания и владения имуществом. Проводились кампании, направленные на преследование отдельных религиозных движений, таких как штундисты, которые привели к тому, что к началу 90-х гг. XIX в. в России оказалось значительное количество людей, лишенных возможности вести нормальную религиозную жизнь в соответствии со своими убеждениями⁶. При этом империя не могла проводить политику ужесточения бесконечно, что стало особенно ощутимо в период правления Николая II, который первоначально пытался следовать курсу своего отца, а затем под влиянием событий Первой русской революции был вынужден дать населению России ряд гражданских и религиозных свобод⁷.

В нач. XX в. Николай II, как и большинство его предшественников на троне приступил к реформам, стремясь улучшить положение верующих, церкви и государства⁸. Реформаторская деятельность Николая II началась с подписания Именного высочайшего Указа Николая II в декабре 1904 г.,

¹Римский С. В церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860–1870-х гг. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1999. – 567 с.

²Победоносцев К. П. Церковь и государство. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – Т. 2. – 624 с.

³Голованов С. Католичество в России (исторический очерк). – СПб.: Высшая Духовная семинария «Мария царица апостолов», 1998. – 85 с.

⁴Курило О. В. Лютеране в России. XVI–XX вв. – М.: Лютеранское культурное наследие, 2002. – 400 с.

⁵Ульянова О. С. Правовые аспекты Российского законодательства о выезде евреев в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361. – С. 93–97.

⁶Секирин А. А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви и церковная политика в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX века // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. – Казань, 2016. – С. 67–71.

⁷Боханов Н. А. Николай II. – М.: Молодая гвардия. 1997. – 446 с.

⁸Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XIX – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб.: Дм. Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.

который предполагал разработку закона о свободе вероисповедания под лозунгом «укрепления начал веротерпимости». В нем император постулировал необходимость проведения реформ, которые были нацелены на устранение притеснений граждан. В частности, предполагалось проведение пересмотра закона о правах раскольников, а также лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям.

Последующее издание высочайшего Указа «Об устранении стеснений в области религии» свидетельствовало о том, что в России начались процессы расширения «правовых границ традиционной веротерпимости»¹. Указ постулировал признание того, что факт отпадения от православной веры к другим христианским исповеданиям не является преступлением и не подлежит наказанию, кроме того, он признавал, что «в учебных заведениях может проводиться преподавание Закона Божия инославных христианских исповеданий. Это означало возможность проповедования для представителей неправославных конфессий»². Новаторство данного указа заключалось в том, что в нем было официально обозначено право перехода из православия в иное исповедание, т. е. подданные российского императора получили возможность выбора вероисповедания³. Впервые в российской истории реформаторская деятельность царя была последовательно нацелена на отказ от религиозной легитимации власти и постулировала идеал конституционной монархии, основанной на принципах естественного права. Это означало установление в России порядка, при котором гарантировалась свобода религиозного выбора и отправления религиозных обрядов⁴.

Содержание приведенных Указов носило либеральный характер, отличалось терпимостью, давало возможность осуществления реальной свободы выбора. Однако воплощение в жизнь этих положений зависело от

¹Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.

²Смирнов А. Ф. Николай II как правитель и законодатель // Журнал российского права. – 1997. – № 1. – С. 185.

³Забужный И. А. В защиту веры. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. – 256 с.

⁴Малькова Е. В. Газета «Русские ведомости» о церковном реформировании (1908–1914 гг.) // Клио. – 2016. – № 4. – С. 13–21.

того, как будут продвигаться эти реформы на практике, насколько удастся наладить взаимодействие исполнительной власти и Государственной Думы»¹. При этом к рубежу первого десятилетия XX в. стало ясно, что дарованная подданным религиозная свобода представляет собой слишком серьезную угрозу существующему режиму². Начавшаяся сразу же после опубликования Указа пропаганда иноверия, в первую очередь протестантизма и католицизма, привела к тому то, что число православных начало сокращаться, а православие, чьи права были уравнены с другими, не могло составить этим конфессиям достойной конкуренции³.

Правительство вернулось к политике ужесточения и контроля в отношении последователей неправославных вероисповеданий⁴. Начались преследования верующих, в первую очередь, баптистов и адвентистов, которых обвиняли в политической неблагонадежности и симпатиях социалистическим идеям⁵. Иными словами, речь шла о гонениях на религиозные организации, противопоставленные как духовная и политическая угроза православной церкви и российскому государству. Они понимались как секты. При этом противостояние между «сектами» и правительством в России было настолько ощутимо, что даже революционная организация «Земля и воля», стремящаяся дезорганизовать и ослабить силу государства, считала необходимым сотрудничать с враждебными правительству религиозными сектами: штундистами, бегунами, неплательщиками и т.д.⁶

¹Пинкевич В. К. П.А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века. – Текст: электронный // Национальные интересы. – 2004. – № 4. – URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/698cdbec/d055ee76/f0a6600a> (дата обращения: 12.02.2022).

²Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 816 с.

³Безносова О. В. Конфессиональная политика Российской империи в 1903–1917 гг. // Вестник Тверского государственного университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 35–50.

⁴Бендин А. Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в северо-западном крае Российской империи // Вестник Российского государственного университета. – 2009. – № 17. – С. 44–58.

⁵Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. – М.: Московский рабочий, 1994. – С. 140–141.

⁶Рудницкая Е. Л., Будницкий О. В. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – М.: РАН, 1997. – 577 с.

Таким образом, как показало проведенное исследование, попытка реформирования конфессиональной сферы, проведенная при Николае II, как и все предшествующие попытки реформ, нацеленных на трансформацию государственно-конфессиональных отношений в рамках секулярной концепции, не имела успеха; за ней последовали контрреформы, что подтверждает наличие определенной закономерности, характеризующей всю религиозную историю России. В рамках действия данной закономерности, характеризующей уровень развития государственно-конфессиональных отношений в России, можно наблюдать наличие двух тенденций, связанных с преобладанием противопоставленных друг другу концепций, регулирующих отношения власти и конфессиональной сферы: 1) первая связана со стремлением достичь большей степени религиозной свободы, проявляющейся в умножении количества религий и формировании неподконтрольной правительству и государственной религии среды, внушающей опасение в силу своей непредсказуемости; 2) вторая тенденция связана со стремлением к сохранению порядка, которое реализовывалось в ряде ограничительных мер по отношению к иным религиям и протекционистских мер по отношению к православию¹. В свою очередь православие в эти периоды оказывает поддержку государству, формулируя концепции власти, основанные на богословской теории, постулирующей, что «император является заместителем Христа», а возглавляемое им государство выполняет миссию, определенную для него Богом. Как правило, государственные реформы конфессиональной сферы происходят в соответствии с правилом весов, раскачиваясь от одной крайности к другой и вызывая последствия, которые можно преодолеть, приводя при этом в действие контрреформы². В частности, в нач. XX в. указанные процессы стали одной из причин революционного взрыва, который потряс Россию в 1905 г. и вынудил правительство Николая II провести ряд реформ,

¹Боханов Н. А. Сумерки монархии. – М.: Воскресение, 1993. – 288 с.

²Кривов М. Николай II – святой ли? Открытое письмо членам предстоящего архиерейского собора Русской православной церкви // Огонек. – 1992. – № 42–43. – С. 5.

нацеленных на смягчение вероисповедной политики¹. Позднее в соответствии с «правилом весов» правительство вернулось к контрреформам, нацеленным на преодоление последствий этих реформ, воспринимаемых как угроза существующим в стране порядкам.

В отличие от предшествующих попыток реформирования сферы государственно-конфессиональных отношений правительство Николая II своими реформами сумело запустить механизм секуляризации общественной жизни, который, несмотря на волнообразное протекание, до сих пор оказывает влияние на развитие государственно-конфессиональных отношений, создав либеральный идеал конфессиональной жизни, к которому вынуждены апеллировать все последующие правители вне зависимости от их религиозных убеждений.

Новаторский характер трансформаций реформы Николая II заключался в том, что церковная иерархия впервые за двести лет получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить свою концепцию новых форм взаимодействия с государством и обществом, что было осуществлено во время работы Поместного Собора², в котором приняли участие максимально широкие круги общественности³. Формат решений Поместного Собора определялся утверждением самостоятельной позиции Церкви в отношениях с властями, что ознаменовалось восстановлением патриаршества⁴. Следствием данного события стало впервые произошедшее тогда обособление власти от проблем церковной жизни. Таким образом, законодательные акты начала XX в. завершили формирование системы веротерпимости, что создало юридические и социальные основания, благодаря которым в 1917 г. Временное правительство впервые в истории

¹Шаргунов А., протоиерей. Православная монархия и мировой порядок. – М.: Новая книга, – 224 с.

²Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – М.: Рус. панорама, 2003. – 479 с.

³Пинюгина Е. В. Столетие поместного Собора и отголоски «церковной революции» 1917 г.: векторы политики памяти руководства РПЦ и церковной интеллигенции // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 70–90.

⁴Личман Б., Мартюшов Л. История борьбы государственных идеологий (официальных мировоззрений) в России: православие и марксизм // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 20–26.

законодательно утвердило нормы свободы совести в России. Изменение представлений о содержании государственно-конфессиональных отношений в российской истории связано с периодом, когда их содержание определялось секулярным подходом, изменившим отношение властей и церкви во времена царствования Петра I и вплоть до Временного правительства, законодательно закрепившего право на свободу религиозного выбора и конфессиональное многообразие.

Характерно, что Временное правительство не пошло на отделение Церкви от государства ввиду острого политического характера данного акта и неспособности серьезно реконструировать механизм власти в России. Святейший Синод уже 9 марта 1917 г., т.е. через неделю после отречения царя, призвал «Божье благословение» на Временное правительство. 23 января 1918 г. был принят Декрет СНК РСФСР «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» (первоначально в проекте он назывался «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»), ознаменовавший собой начало советского периода отношений государства и религиозных объединений. Советское правительство еще до принятия Декрета расформировало «духовное ведомство», прекратило выдачу государственных средств на содержание церкви, уволило всех священников из армии и т.д.¹

Третий этап государственно-конфессиональных отношений на территории России ознаменовался появлением советского государства и радикальными изменениями в конфессиональной сфере, полностью перешедшей под контроль власти. Первоначально основным было изменение концепции государственно-конфессиональных отношений, которая стала предусматривать не взаимодействие, а борьбу с религией со стороны государства, считавшего необходимым не управление, а уничтожение ее как

¹Бурьянов С. Свобода совести. Отношения государства с религиозными объединениями. – URL: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2004/05/d2268> (дата обращения: 09.02.2022). – Текст: электронный.

социального явления¹. На ход борьбы против религий в советском государстве оказывало влияние противоречий его идеологической политики, так как здесь произошел ретроградный возврат к теологическому пониманию сущности власти, хотя и в квазирелигиозной форме. Правитель стал выполнять традиционные для этой должности роли верховного идеолога-жреца и светского правителя. Он воспринимался в качестве заместителя В. И. Ленина, ставшего после физической смерти «новым Христом», вечная жизнь которого была гарантирована почитанием среди его последователей, регулярно участвующих в культовых действиях, выстроенных по религиозному образцу. Сущность этой квазирелигии состояла в призывах жить во имя идеалов будущего коммунистического общества, подчиняясь указаниям главы партии, которые носили сакральный характер, и произносились заместителем от имени В. И. Ленина². Кроме того, все практические и законодательные действия советского периода представляли собой нечто, выступающее как самостоятельный и заново начинающийся процесс отчуждения церкви от государства. Скорее, и то и другое представлялось в качестве закономерного продолжения тех противоречивых процессов и законодательных инициатив, которые проходили в России в течение секулярного периода XVIII–XIX вв.

Доказательством утверждению является анализ содержания законодательных актов советского государства в контексте сравнения их с тенденциями развития конфессиональной сферы дореволюционной России и России времен февральской революции³. Дело в том, что, начиная с 1905 г., конфессиональную политику определяли с одной стороны тенденция к веротерпимости, заложенная в указах Николая II, с другой – тенденции к обретению церковной независимости от государства, к которой церковь

¹Захарова Л. Б. Отношения власти и церкви в начале 1920-х гг.: кампания по изъятию церковных ценностей // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 64–70.

²Бычков А. В., Арсентьева В. С. Коммунистический идеал: утопия и будущее человечества // Вестник науки и образования. – 2018. – № 10. – С. 28–32.

³Российский государственный архив социально-политической. – Ф. 17. – Оп. 84. – Текст: электронный // Собрание узаконений РСФСР (СУ). – 1922. – № 19. – Ст. 217. – URL: <http://rgaspi.info/fonds> (дата обращения: 08.12.2021).

стремилась на протяжении всего времени подчинения Священному Синоду, исполнявшему роль официального администратора церковной жизни¹. Таким образом, на протяжении первых десятилетий XX в. страна двигалась в направлении признания законности существования многочисленных конфессий в стране, в которой каждая из них, включая православие, должна быть полностью самостоятельной от диктата государственной власти. Однако окончательно разорвать связь между этими социальными институтами не хватало решительности ни у руководства церкви, ни у правительства².

Впоследствии революционные события изменили структуру управления государством, а затем и церковью, что способствовало активизации программы действий, направленных на достижение идеала религиозной жизни, под которым в начале XX в. понималась свобода и независимость религиозной личности. Впервые законодательное утверждение этих тенденций произошло в период Временного правительства, которое утвердило положения о свободе совести на территории государства³. Тенденция к демократизации общества, которая сложилась в период с февраля по октябрь 1917 г., усиливалась в связи с нарастанием военной угрозы и ухудшением материального положения крестьян, чьи надежды решить земельный вопрос все время откладывались. Именно эти тенденции стали значимым фактором стремительного установления советской власти, которая сразу заявила о себе как защитнице народных интересов и выпустила ряд декретов, где декларировались положения о мире, земле и отделении церкви от государства, которые соответствовали ожиданиям масс⁴.

¹Кулиев Ф. М. основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 231–234.

²Шингарова Н. В. Проблема свободы совести и веротерпимости в России в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 41–44.

³ О свободе совести: постановление Временного Правительства от 14 июля 1917 г. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412> (дата обращения: 23.12.2021). – Текст: электронный.

⁴Порватова Л. В. Особенности взаимоотношений государства и Церкви в период становления Советской власти // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 132–134.

Поэтому события октября 1917 г. явились логичным продолжением тенденции гуманизации социальной, в том числе религиозной, сферы общества¹. Выступавшие как национальная форма власти, Советы апеллировали к реальным, земным ценностям, поэтому противопоставлялись царской власти, воспринимаемой в народе в качестве выразителя интересов «наместника Христа», к реальной жизни населения отношения не имеющего². Необходимо обратить внимание на то, что декларативные заявления советского правительства, утвержденные текстом Конституции 1918 г., соответствовали именно тем ожиданиям, которые испытывали верующие, да и сама церковь в нач. XX в. В частности, говорилось о том, что церковь отделяется от государства, от образования, становится частным делом граждан, которые при этом получают возможность свободно проповедовать свою религию³.

Однако после того как власть перешла в руки нового правительства, отношение большевиков к религии изменилось. В новой концепции государственно-конфессионального взаимодействия религии отводилось место противника пролетарского государства, имеющего контрреволюционную сущность⁴. Религия была объявлена пагубным пережитком прошлого, который в дореволюционный период использовали исключительно как инструмент порабощения низших классов, а в период современности – как орудие, направленное против пролетарского государства. Начался откат от демократических обещаний к деспотическому режиму, который был объявлен высшей стадией революционного процесса совершенствования социальных форм управления⁵. Таким образом, выбрали

¹Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Экономическая история. – 2017. – № 2. – С. 9–25.

²Визер Б. О сути и истории советских и российских Конституций // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 9–18.

³Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: утв. III Всероссийским Съездом Советов. – 1918. – Ст. 4. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/510567bc799b499f450a4638e59966a6> (дата обращения: 08.12.2021). – Текст: электронный.

⁴Русское православие: веки истории / Я. Н. Шапов, А. М. Сахаров, А. А. Зимин [и др.]. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.

⁵Грекулов Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. – М.: Атеист, 1930. – 153 с.

путь государственного строительства, который характеризовался духовным деспотизмом, но прикрывался марксистской концепцией государства. Религия в этой концепции понималась как угроза советской власти, поэтому в 1920 г. приняли постановление, в котором объявлялось о начале антирелигиозной кампании¹. Несмотря на сохранение формальных заявлений о свободе совести, религия стала считаться собранием антисоветских сил, стремящихся к ликвидации советского строя².

С середины 1920-х гг. советские государственные органы стали проводить политику активного вмешательства во внутреннюю жизнь конфессий, каждый член которых априори считался виновным перед государством, так как не поддерживал его идеологию³. Через десять лет после установления своей власти большевики усилили антирелигиозную риторику и подвергли изменению статьи Конституции, где наложили запрет на право религиозной проповеди, сделав религиозную веру личным делом, а антирелигиозную пропаганду – правом каждого гражданина. Любая деятельность, которая расценивалась властью в качестве «пропаганды», квалифицировалась как противозаконная⁴.

В феврале 1930 г. руководство СССР опубликовало Указ «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», согласно которому противниками советского государства считались представители любых конфессий. После этого начались массовые репрессии верующих, виновных только в том, что их вера не позволяла им считать легитимной власть «наместника Ленина»⁵. Принятие сталинской Конституции 1936 г. расставило точки над «i», так как в ее тексте советское

¹Кудрявцев А. И., Пинкевич В. К. Государственная политика в отношении религии и религиозных объединений в советский период // Вероисповедная политика Российского государства. – М.: РАГС, 1999. – С. 44.

²Красиков А. Религии в России – фактор укрепления или распада государства // Современная Европа. – 2003. – № 4. – С. 22–34.

³Далгатов А. Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): автореф. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2004. – 32 с.

⁴Гаряева Д. А. Формирование советским государством правовой базы антирелигиозной политики (1917–1929 гг.) // Oriental Studies. – 2016. – Vol. 24, is. 2. – Pp. 19–22.

⁵Крыленко Н. В. Судебные речи 1922–1930. – М.: Юридическая литература, 1964. – 326 с.

государство постулировало такой подход к государственно-конфессиональным отношениям, в рамках которого религии представлялись только как угроза существующей власти. Верующие имели право отправления религиозного культа, но им было запрещено заниматься религиозной проповедью. Вместо этого в Конституции было задекларировано право антирелигиозной пропаганды, что давало основание для проведения репрессивной политики в отношении верующих¹. Данная политика предполагала, что все религиозные организации, включая Православную Церковь, должны считаться «сектами», так как они уклоняются от сотрудничества с советской властью².

В период Великой Отечественной войны произошла дальнейшая трансформация советского подхода к государственно-конфессиональным отношениям. Государство перестало представляться как временно используемый инструмент диктатуры пролетариата, Советский Союз предстал в качестве советской империи, ведущей борьбу против мирового зла, победа над которым может быть обеспечена в случае консолидации всех патриотических сил, включая традиционные российскому обществу религии, такие как христианство, ислам и буддизм. Обращаясь к ним, И. В. Сталин практически запросил право на религиозную легитимацию своей власти, которое стало необходимо ему для противостояния опасности, намного превосходящей ту, которую несли коммунизму мировые религии³.

Получив просьбу о помощи, церкви приняли участие в объединении патриотических сил, выполняя ряд функций по сбору средств и оказанию помощи государству и пострадавшим семьям⁴. Однако принятие патриотической позиции имело идеологическое значение, заключавшееся в

¹Конституция (основной закон) СССР // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. – 1936. – № 283. – 6 дек. – URL: https://pikabu.ru/story/konstitutsiya_sssr_1936_goda_stalinskaya_mashinopisnyiy_tekst_original_6162742 (дата обращения: 03.02.2022). – Текст: электронный.

²Личман Б. В., Мартюшов Л. Н. История борьбы государственных идеологий (официальных мировоззрений) в России: православие и марксизм // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 20–26.

³Одинцов М. И. Государственно-церковные отношения в истории советского общества // Религия, общество и государство в XX в.: материалы научной конференции. – М., 1991. – С. 51–57.

⁴Шкаровский М. В. Русская православная церковь и религиозная политика государства в годы войны // Христианское чтение. – 1996. – № 12. – С. 26–53.

предоставлении легитимации власти советскому правительству, которому они оказывали помощь. При этом советский режим, воспользовавшись этой ситуацией, взял под полный контроль религиозную деятельность на территории страны, по сути, вернувшись к дореволюционной и дореформенной модели государственно-конфессиональных отношений. Параллельно происходило возрождение имперских символов и принципов управления государством, которое все больше напоминало самодержавие¹.

Таким образом, реализуя имперский проект, партийная элита советского государства обратилась к религии как инструменту легитимации власти. Как только чиновники от государства убедились, что опасность миновала, союз с религией распался². Несмотря на то что И. В. Сталин какое-то время пытался сохранить отношения с церковью, после его смерти новое руководство Советского Союза вновь вступило на путь политической войны с религией, в чьей санкции оно перестало нуждаться. В государственной риторике на первый план вышли опасения, связанные с угрозой религии для коммунистической идеи. Сталинское правительство было объявлено виновным в нарушении принципов марксизма-ленинизма в отношении конфессиональной политики в советском государстве³. Согласно принятому тогда подходу к государственно-конфессиональным отношениям религия оказывала деструктивное влияние на государство, которому она мешала строить коммунизм, распространяя религиозные предрассудки и суеверия⁴. Когда квазирелигиозные ожидания, связанные с планами строительства коммунизма, не сбылись, стратегия оправдания советской социально-футуристической версии власти государства потеряла важный козырь, который гласил, что Советский Союз считается необходимым для народа

¹Гольц Ш. На острие шпаги. – М.: Европа, 2006. – 226 с.

²Личман Б. В., Мартюшов Л. Н. История борьбы государственных идеологий (официальных мировоззрений) в России: православие и марксизм // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 20–26.

³Гордун С. Русская православная церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник Русского христианского студенческого движения. – 1990. – № 158. – С. 82.

⁴Одинцов М. И. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» // Отечественный архив. – 1994. – № 5. – С. 55–56.

государством, оправданием которому является коммунистическое будущее¹. Это вновь актуализировало необходимость обращения к религии, что проявилось в смягчении государственно-конфессиональной политики и активизации поиска путей для обеспечения религиозной легитимации².

Начиная с 70-х гг. XX в., советское законодательство принимает ряд изменений, касающихся религиозных культов (организаций), чье положение существенно облегчалось по сравнению с предшествующим периодом. В частности, существенные изменения были внесены в Конституцию 1977 г., в тексте которой впервые было гарантировано право свободы совести и религиозного выбора, отличием которого было то, что ранее свобода не была предметом гарантии, она просто признавалась как данность, характеризующая уровень свободы граждан³.

Однако в силу того, что большинство декларируемых Советским Союзом мер носили декларативный характер, реальных последствий его шаги не имели. Религии в стране продолжали восприниматься в качестве угрозы, а само советское государство продолжало восприниматься как угроза как на уровне конфессий, так и на международной арене. Эта ситуация не менялась вплоть до 80-х гг. XX в., когда, произошло крушение коммунистической идеологии, поддерживающей единоличную власть коммунистического лидера⁴. К этому времени население стало отворачиваться от советского государства и обращалось к религии⁵. Количество верующих росло, вместе с тем снижалась ценность

¹Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства»: доклад председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 1960 г. // Исторический архив. – 1999. – № 2. – С. 71–75.

²Личман Б. В., Мартюшов Л. Н. История борьбы государственных идеологий (официальных мировоззрений) в России: православие и марксизм // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 20–26.

³Егорова Н. И., Чубарьян А. О. Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы: сб. ст. – М.: ИВИ РАН, 2003. – 341 с.

⁴Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М.: Библиотека Сербского креста, 2004. – 512 с.

⁵Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х гг.: структура, форма и методы работы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 30. – С. 74–85.

атеистической концепции власти социалистического общества как предшественника коммунизма¹.

Все это время развитие советской государственности было связано с попытками официальной идеологии защитить монополию своей духовной власти от иных религий. В этом плане Советское правительство сохранило приверженность модели государственно-конфессиональных отношений, выработанной в дореволюционный период, согласно которой существование государства должно основываться на вере населения в необходимость сильной государственной власти, опирающейся на систему ценностей вневременного порядка. Как и в дореволюционный период государство периодически обращалось к религии как средству легитимации, временно ослабляя контроль за конфессиональной сферой, вслед за этим ужесточая его в периоды обострения борьбы за единообразие и порядок. Однако крушение квазирелигии коммунизма, сопровождаемое развалом Советского Союза, в котором она играла роль идеологии, обосновывающей легитимность государственной власти, потребовало от новых российских властей радикальной трансформации принципов государственно-конфессиональных отношений.

Выводы:

1. Взаимодействие религии и государства на территории российского государства можно разделить на три этапа, различающихся в зависимости от подходов власти к взаимодействию с религиозными объединениями, которые определялись принципами цезарепапизма, секуляризма и либерализма. Первым этапом стал период, когда религия и власть составляли единую структуру религиозно-политического руководства, действия которого определялись религиозным обоснованием природы власти, выстраиваемым первоначально вокруг почитания языческого пантеона, а затем в рамках религиозно-политической идеологии Восточной Римской империи. Принятие

¹Сазонов Д. И. Интеллигенция и церковь с 70-х по 80-е гг. XX в. Фактор религиозности // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 5. – С. 177–186.

этой идеологии вело к формированию социального порядка, который понимался как отражение небесного устройства, где правитель был вершителем мирских и духовных дел. Дальнейшая политическая история страны развивалась в зависимости от направления реформаторской деятельности правителя, стремившегося подчинить религиозную сферу единому началу, олицетворением которой является формирование теологической концепции Третьего Рима. При этом не все население централизованного государства желало религиозного единства, требуемого данной идеологией. Противодействие ей привело к кризису власти, разрешением которого стал процесс секуляризации российской системы управления, ознаменовавший начало нового этапа развития государственно-конфессиональных отношений.

2. Второй этап, определяемый содержанием секулярного подхода к государственно-конфессиональным отношениям, начался с реформы конфессиональной сферы, проведенной Петром I, который отстаивал необходимость светских отношений государства с церковью. После этого начался процесс непрерывной трансформации конфессиональной сферы России, в котором выделена стадия реформ и контрреформ. Реформы проводились в связи со стремлением достичь большей степени религиозной свободы, проявляющейся в умножении количества религий и формировании неподконтрольной церкви и правительству конфессиональной среды. Контрреформы связаны со стремлением к сохранению порядка, что реализуется в ряде протекционистских мер по отношению к православию, оказывающему поддержку государству, и ограничительных мер по отношению к иным религиям. В частности, в нач. XX в. проведен ряд реформ, нацеленных на смягчение вероисповедной политики, установивших государственно-конфессиональные отношения, при которых гарантировалась свобода религиозного выбора. Позже правительство вернулось к политике ужесточения в отношении последователей неправославных вероисповеданий. При этом проведение контрреформ не имело результата, так как этот период

завершился Февральской демократической революцией, которая установила в сфере государственно-конфессиональных отношений принципы либерализма, естественного права и конституционного строя.

3. Совершившийся в нач. XX в. прорыв государственно-конфессиональных отношений в сторону либерализма впоследствии оказывал неизменное воздействие на религиозную сферу страны. В частности, несмотря на то что в Советском Союзе государство опиралось на коммунистическую идеологию, воспринимая религию как угрозу, оно не могло обойти стороной проблемы религиозного свободомыслия и в трудные для себя периоды прилагало усилия, направленные на обретение церковной легитимации, поэтому в советской стране политика, направленная на ужесточение контроля по отношению к религиозным объединениям, несколько раз смягчалась, давая возможность более свободного сосуществования для отдельных религий. Таким образом, идеалы, заданные либеральными реформами начала XX в., оставались устойчивым ориентиром для населения и властей, вынужденных примерять свою конфессиональную политику к ожиданиям населения, что завершилось крахом коммунистической системы и реабилитацией религии как социального явления.

2.2. Особенности государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям в постсоветский период

В нач. 90-х гг. XX в. в связи с распадом Советского Союза в общественной сфере нашей страны усилился рост влияния религии¹. В процессах возрождения религиозной жизни наиболее активное участие принимала Русская Православная Церковь, с началом реформ получавшая значительную автономию от государства и начавшая активно пропагандировать свои идеалы, бороться за нравственные ценности, влиять на формирование основ общественно-политического устройства государства,

¹Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 349.

высказывать точку зрения в отношении социальных и конфессиональных проблем, проблем войны и мира, участвовать в поисках решения глобальных проблем. Наряду с Русской Православной Церковью широкую возможность реализации своих вероучительных и социальных программ получили другие религиозные организации¹. Решающую роль в проведении реформ сфер государственно-конфессиональных отношений, направленных на модернизацию и гуманизацию социальной жизни, играло государство. Ключевое значение имели санкционирование свободы совести и возможность распространения различных конфессий².

Изменившиеся социальные условия потребовали от государства изменений в тексте Закона о свободе вероисповеданий, где было акцентировано внимание на неотъемлемости права на свободу выбора религии и стремлении придерживаться положений международных актов³. Эти изменения коснулись текста Конституции, куда в 1991 г. были также внесены изменения, касающиеся постулирования прав каждого человека на свободу совести и свободу вероисповедания. Нормы либерализма, закрепленные в Конституции, давали людям право участвовать в деятельности религиозных организаций вне зависимости от места их происхождения и времени создания⁴. Поэтому в период 90-х гг. XX в. государство считало основным принципом взаимодействия с религиями невмешательство в их внутренние дела. Либеральный подход к государственно-конфессиональным отношениям в это время заключался в отказе от претензий на влияние в религиозной сфере и утверждении

¹Бирюков В. Ю. Системный анализ государственной политики России в отношении нетрадиционных религиозных организаций: история вопроса, современное состояние и тенденции развития // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 4. – С. 42–51.

²Кулиев Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. – 2015. – № 15. – С. 23.

³Закон о свободе вероисповеданий. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=1137> (дата обращения: 14.03.2022). – Текст: электронный.

⁴Королев А. А., Мельниченко О. В. Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991–2000 гг.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 725–731.

светского характера власти¹.

Однако провозглашенная «нейтральность» государства в отношении религии обернулась индифферентностью и самоустраненностью власти от проблемы формирования мировоззренческих основ гражданского сознания. Реализация либерального подхода к реформированию конфессиональной сферы, проведенная в 90-е гг. XX в., в дальнейшем принесла множество противоречий и проблем, связанных с активным внедрением новых для страны конфессий². Основную проблему для государства и общества стали представлять те нетрадиционные религиозные объединения, которые проводили преступную деятельность, представляющую угрозу для человека, общества и государства. К ним принадлежали группы исламских радикальных фундаменталистов и деструктивные религиозные движения, оправдывавшие насилие и жестокость, а также применявшие их на практике. Они основывали свою социальную активность на принципах религиозной и национальной нетерпимости, экстремизма и практиковали терроризм³. В частности, в России примером таких организаций стали ваххабиты, деятельность которых была подчинена цели захвата власти, способствующего трансформации конституционного строя, разрушению суверенитета, территориальной целостности, безопасности общества и государства, разжиганию социальной вражды и розни⁴. Организации ваххабитов, ставшие серьезной проблемой в Центрально-Азиатском и Северо-Кавказском регионах, совершили ряд гражданских и военных преступлений, сопровождаемых убийствами. Кроме того, скандальную известность получили «Великое белое братство», группы сатанистов, а также несколько других маргинальных группировок, которые совершали

¹Шахов М. Ю. Баланс сил (опыт схемы государственно-конфессиональных отношений) / М. Ю. Шахов, О. С. Шутова // Религия и право. – 2003. – № 3. – С. 10-15.

²Сафонов А. А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX в. диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. – М., 2008. – 416 с.

³Муминов А. И. Религиозный экстремизм как социальная угроза / А. И. Муминов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2007. – №2. – С. 57.

⁴Сулейменов Р. Р. Духовная безопасность России и нетрадиционные религиозные движения. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2421099> (дата обращения: 04.03.2022). – Текст: электронный.

преступления, наказания за которые предусматривались уголовным законодательством¹. Закономерно, что социальная деятельность этих организаций была запрещена в Российской Федерации на основании оценки последствий их преступлений, носивших нерелигиозный и антиобщественный характер². Это полностью соответствовало положениям и духу Конституции, указывающей на невозможность распространения деятельности религиозных объединений, угрожающих личности, обществу и государству. В этом случае они оценивались не как религиозные, а как преступные, поэтому в отношении них применялись принципы не конфессиональной политики, а уголовного права³.

Помимо упомянутых религиозных групп, определяемых государством в качестве преступных, существовал еще один тип религиозных организаций, в отношении которых в обществе стали распространяться опасения, повлиявшие на отношение к ним государства. Это общины верующих, представленные Свидетелями Иеговы, саентологами, мунистами, пятидесятниками и другими, которые не совершали уголовно-наказуемых деяний и не вели деятельности, нарушавшей законодательство РФ⁴. Причиной недовольства со стороны традиционных конфессий и социального истеблишмента стали их успехи в ведении проповеди и наборе неофитов, укреплении политических и экономических связей их лидеров⁵. Однако проблему представляло то, что в то время в стране отсутствовала правовая база, позволяющая ограничить деятельность новых и зарубежных религиозных объединений⁶.

¹Джиоев А. Экстремизм и безопасность Северо-Кавказского региона // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 1. – С. 55.

²Харзинова В. М., Жигалова Е. А. Религиозный экстремизм как фактор угрозы безопасности современной России // Вестник Краснодарского университета МВД. – 2013. – № 1. – С. 80.

³Маркус Дж. С. Межрелигиозный диалог в России: современное состояние и перспективы. – URL: <http://dumrf.ru/islam/dialog/1806> (дата обращения: 08.03.2022). – Текст: электронный.

⁴Константинов Д., Тютрин И. Преследования религиозных меньшинств в России – Свидетели Иеговы, мусульмане, православные и др.: доклад Форума свободной России – 2018. – URL: <https://credo.press/221426> (дата обращения: 06.03.2022). – Текст: электронный.

⁵Полосин В. С. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). – М.: РАГС, 1996. – С. 75.

⁶Васкэ Е. В., Куракина О. И. Политический экстрим: миф или особый путь, ведущий к катастрофе // Вестник Пермского университета. – 2014. – № 3. – С. 164.

Закономерным стало то, что среди тех, кто требовал запрета их деятельности, сформировалось осознание необходимости трансформации либерального законодательства начала 90-х гг. XX в.¹ Благодаря средствам массовой информации и активности общественных организаций, поставивших перед собой задачу защиты традиционных ценностей, признание либерального курса ошибочным совершил Президент Б. Н. Ельцин, который в нач. 1993 г. выступил в заверениями о том, что ошибки, сделанные в период нач. 90-х гг., должны быть устранены, а конфессиональные проблемы должны решаться особым органом в аппарате Правительства, который бы реализовывал целенаправленную концепцию государственно-конфессиональных отношений. Вслед за этим последовали попытки трансформации законодательства в этой сфере, которыми стали поправки, составленные Верховным Советом РФ с целью изменения Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий». Целью этих поправок было существенное сужение возможностей зарубежных религиозных организаций в ведении проповеди и финансовой активности. Однако попытка их ратификации сразу столкнулась с категорическими протестами религиозных объединений из разных стран, что повлияло на изменение позиции Б. Н. Ельцина в пользу поддержки идеи равенства конфессий².

В результате были приняты правовые документы и законодательные акты, регулирующие ход реформирования сферы государственно-конфессиональных отношений в направлении гуманизации, свободы религиозного выбора, религиозного многообразия при полном равенстве прав верующих. В Конституции 1993 г. были закреплены либеральные принципы свободы, утверждавшие, что Россия представляет светское государство, в котором нет государственных или обязательных религий, в то

¹Горохова В. В., Горохова И. В. Проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания при реализации законодательства Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 5. – С. 30–34.

²Королев А. А., Мельниченко О. В. Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991–2000 гг.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 725–731.

время как все религии отделены от государства и равны перед законом¹. Согласно положениям Конституции каждый человек обладал свободой совести, правом исповедовать любую религию, а также имел право выбирать и распространять религиозные убеждения. Конституция также постулировала наличие ограничений и запрещала деятельность тех религиозных объединений, которые направляются на насильственные действия против существующего строя, а также жизни и здоровья людей².

Конституция определила, что российское государство является конфессионально нейтральным и не использует религию как идеологию, не прибегает к религиозным основаниям во имя собственной легитимации. Сферы компетенции конфессий и власти были разделены, они не вмешивались в дела друг друга. Вместе с тем принцип светскости не предполагал полного отказа государства от взаимодействия с религиозными объединениями, с которыми выстраивались партнерские отношения в сфере реализации проектов, направленных на развитие общества и культуры. В свою очередь за конфессиональными организациями государство признавало право участия в решении общественно значимых задач. Они имели право давать оценку политике властей, которые в отношении них издавали законы, защищающие их права и свободы³.

Таким образом, в первой половине 90-е гг. XX в. Российская Федерация являлась поликонфессиональным государством, религиозная жизнь которого регулировалась либеральным подходом в отношениях взаимодействия конфессий и властных структур⁴. Взаимодействие между этими институтами осуществлялось на основании принципа равенства всех субъектов, в состав которых входила православная церковь, объединения

¹Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. ст. 28, 29. – URL: <https://base.garant.ru/10103000/53070549816cbd8f006da724de818c2e> (дата обращения: 08.03.2022). – Текст: электронный.

²Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (в ред. от 21 марта 2014 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237; 2014. – № 12. – Ст. 1201.

³Шиманская О. К., Матина Е. Г. Социальное партнерство государства и религиозных организаций современной России: методология, подходы, правовой аспект // Право и общество. – 2014. – С. 3–7.

⁴Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. – М.: Православное дело: Отчий дом, 2000. – 460 с.

мусульман, буддистов, иудеев и протестантов, а также вновь появившихся нетрадиционных течений, признаваемых равными перед законом¹.

Важно, что с позицией дискурса власти в этот период были солидарны религиозные объединения, которые в рамках своих социальных доктрин утверждали принципы законопослушности, морального совершенствования, а также выступали против насилия и террора². Несмотря на то что российские религии, как и все другие религии мира, в качестве основания вероучений имели убеждение, согласно которому каждая из них является представителем Бога, это не стало основанием для восприятия государства, а также иных вероисповеданий в качестве своих социальных противников. Конкурентные отношения между конфессиями на рынке духовности не приводили к активному противостоянию, так как их взаимодействие было ограничено нормами действующего на тот момент либерального законодательства³.

Напротив, большинство российских религий участвовали в проведении межконфессионального диалога и реализации программ сотрудничества с опорой на значительный миротворческий потенциал, представляющий значительные возможности для достижения общественного согласия. В 90-е гг. XX в. целый ряд российских конфессий опубликовал свои варианты концепций социальных отношений. Они отражали общие позиции в отношении «непредпочтительного» признания той формы государственного устройства, которая господствовала в рамках территорий их распространения. Это означало, что большинство российских конфессий признавали необходимость повиновения властям и законопослушность в качестве образца социального поведения⁴. В качестве причины все конфессии указывали на принимаемую ими функцию государственной

¹Религия и государство в современной России / под ред. М. Б. Олкотт, А. Малашенко. – М.: Carnegie endowment for interpeace, 1997. – С. 26.

²Красиков А. А. Религиозный фактор в европейской и российской политике: исторический аспект. – М.: XXI век, 2000. – С. 87.

³Логинов А. В. Власть и вера. Государственные и религиозные институты в истории и современности. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – 495 с.

⁴Вениамин (Новик), игумен. Православие. Христианство. Демократия. – СПб.: Алетей, 1999. – 365 с.

власти, направленную на обеспечение жизнедеятельности и безопасности человека и общества¹. При этом некоторые из конфессий, такие как православная церковь, обращали внимание на нравственную основу государственной деятельности². Другие, такие как протестантизм, считали основой юридическую активность³. Однако в целом ни одна из действующих религиозных объединений не указывала на возможность развертывания своей социальной деятельности вне конструктивного взаимодействия с государственной властью. Вместе с тем условием взаимодействия с государством они считали принцип внутренней автономии, предполагавший невмешательство государства во внутренние дела конфессий. В свою очередь, как отмечает Ю. Б. Власова, конфессии, не претендуя на участие в политической жизни государства, выражали готовность сотрудничества в рамках развития социальной и культурной сфер⁴. Аспектом, который мог затруднить взаимодействие с государственной властью с их точки зрения, признавалась политика государства, нацеленная на нарушение прав и свобод человека, где в первую очередь обращалось внимание на стремление властей к нарушению права свободы религиозного выбора. В этом случае, по мнению Ю. П. Зуева, конфессии оставляли за собой право морального суда, однако это не предполагало возможности явного противопоставления своей социальной политики и политики государства⁵. Таким образом, подводя итог сказанному, Е. М. Мирошникова констатирует, что содержание конфессиональных документов, посвященных социальной политике, заключалось в обосновании такого типа взаимоотношений с государством, которое соответствовало определению кооперационного подхода,

¹Мельников С. А. Социальная программа российских мусульман: к партнерству и взаимопониманию // Религия и право. – 2001. – № 3. – С. 10–13.

²Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – URL: <http://www.mospat.ru/archive/sd00r.htm> (дата обращения: 29.11.2021).

³Социальная позиция протестантских церквей России. – Гл. 4. – URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1379387> (дата обращения: 13.11.2021). – Текст: электронный.

⁴Власова Ю. Б. Взаимодействие права и идеологии в современных условиях (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2005. – 22 с.

⁵Зуев Ю. П. Социальные концепции религиозных объединений России: первый опыт определения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – С. 35–45.

характеризующего равноправное взаимодействие властей с религиозными объединениями. Основой этого взаимодействия являлись принципы невмешательства, либерализма и толерантности¹.

Однако с принятием Конституции дебаты о религиозном законодательстве не прекратились, так как представители религий, считавших себя традиционными, сформировали лобби, поставившее своей задачей распространение информации о том, что вместе с нетрадиционными религиями в Россию приходят угрозы, связанные с влиянием международных картелей, нацеленных на идеологическую экспансию и принесение ущерба духовным ценностям общества². Позиция А. Соповой находит свое подтверждение у Е.А. Терешиной, утверждающей, что влияние, оказываемое этими идеями, стало основанием того, что государство, стремящееся к усилению централизации, стало проводить программу действий, нацеленных на повышение авторитета и социальной защищенности традиционных церквей³. Начиная с 1993 г., власть делает попытки отказаться от либерального подхода, выбирая стратегии, связанные с активной регуляцией процессов, проходящих в конфессиональной сфере. В частности, необходимость политики, направленной на практическое регулирование хода межрелигиозного и межконфессионального взаимодействия, была отмечена Б. Н. Ельциным в послании Федеральному собранию в 1994 г.⁴

Вслед за этим в течение 1994–1996 гг. власть организовала ряд своих структурных подразделений, функцией которых являлась разработка единой нормативно-правовой базы, поддерживающей унифицированные правила функционирования религиозных объединений. Центральное место в этой системе стал занимать созданный в 1995 г. Совет по взаимодействию с

¹Мирошникова Е. М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. – М.: Ин-т Европы РАН, 2007. – С. 16–18.

²Сопова А. Патриарх Кирилл: против Церкви ведется информационная война. – URL: <http://www.izvestia.ru/news/520710> (дата обращения: 03.03.2022). – Текст: электронный.

³Терешина Е. А. Понятие политизации религии // Ученые записки Казанского университета. – 2012. – Т. 54, кн. 1. – С. 254.

⁴Послание Президента Федеральному Собранию. – 1994. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Послание_Президента (дата обращения: 23.03.2022). – Текст: электронный.

религиозными объединениями при Президенте РФ, функции которого заключались в обеспечении взаимодействия Президента с религиозными объединениями и содействии укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

Однако, как замечает Н. В. Володина, по мнению либеральных критиков, стремление к организации единой федеральной системы, направленной на регуляцию конфессиональной сферы, противоречило понятию о свободе совести личности, охраняемому Конституцией¹. Кроме того, нельзя недооценивать и тот факт, что существенное влияние на формирование политики, направленной на организацию взаимодействия российского государства и конфессий, в этот период оказывала международная общественность и международное право. В 1996 г. Россия вступила в Совет Европы, при этом ратифицировала положения «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод», было закреплено право на свободу мысли, религии, совести. На практике это должно было привести к тому, чтобы нормы международного права оказались включенными в российское правовое поле. Кроме того, международные организации получали право отслеживать выполнение закрепленных норм в российском обществе². Исполнение вероисповедных свобод наблюдают общественные организации, такие как Евразийское отделение Международной ассоциации религиозной свободы (МАРС), Российская Хельсинская группа, общественная организация «Мемориал» и т.д.³

Поэтому государству в целях проведения политики, направленной на регулирование конфессиональной сферы, необходимым стало такое

¹Володина Н. В. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в современном обществе: отечественный и зарубежный опыт. – М.: Акад. упр. МВД России, 2003. – 174 с.

²Защита прав человека: сборник документов 1998–2000. – М.: Юридическая литература, 2001. – 792 с.

³Королев А. А., Мельниченко О. В. Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991–2000 гг.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 725–731.

законодательное обоснование, которое бы, не затрагивая содержание текста принятой в 1993 г. Конституции, объясняло необходимость подхода, изменяющего содержание государственно-конфессиональных отношений¹. В связи с этим в 1997 г. российское законодательство вступило в очередную стадию реформ, нацеленных на трансформацию конфессиональной сферы, что проявилось в публикации положений Федерального закона «О свободе вероисповеданий». При этом необходимо отметить, что в целом содержание закона соотнесено с законодательством стран, которые, как пишет В. Хоффман, используют отделительную модель религиозной сферы от государственной². В статьях закона, посвященных взаимодействию государства и религиозных объединений, а также осуществлению надзора и контроля за их деятельностью, определялось, что Российская Федерация гарантирует права свободы совести и вероисповедания, в том числе права проведения богослужений и распространения религиозных убеждений.

Вместе с тем данный закон определял формирование нового подхода к организации взаимодействия между государством, религией и обществом, который отличался от предшествующей «неограниченной религиозной вольницы» тем, что подчеркивал потребность в разрешении проблем регулирования и ограничения прав религиозных объединений в государственно-конфессиональной сфере. В тексте закона указывалось, что данные права могут быть ограничены федеральным законом в случаях, когда необходимой является защита, в которой нуждаются конституционный строй, нравственность, здоровье, права и интересы человека, а также безопасность государства³. Определяя суть законодательной базы, М. В. Кокорин отмечает, что закон постулировал: всем «религиозным объединениям запрещается вмешиваться в деятельность государственных и

¹Там же.

²Hoffman V. J. Religion and Politics in the Arab Spring and Its Aftermath // Making the New Middle East: Politics, Culture, and Human Rights. – Syracuse: Syracuse University Press, 2019. – Pp. 47–70.

³О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (дата обращения: 20.11.2021). – Текст: электронный.

муниципальных органов власти, а также участвовать в политической деятельности, создании и финансировании политических партий»¹.

В этом отношении религиозные объединения считались равными, обязанными выполнять те требования социального поведения, которые предписываются им государством. Однако закон вызвал очень неоднозначную реакцию со стороны тех, кто защищал права свободы совести, так как в преамбуле закона был размещен список особых, именуемых традиционными, что, по мнению критиков, полностью изменило его смысл, связанный с запретом многих видов деятельности для всех, не перечисленных в преамбуле конфессий². Констатируя данное положение, А. С. Сафонова пишет, что преамбула к закону содержала обоснование критериев, согласно которым христианство, ислам, буддизм, иудаизм представляют неотъемлемую часть исторического наследия России³. При этом в состав признаваемых традиционными не были включены объединения католиков, протестантов, шаманистов, индуистов, шиитов и других организаций, которые были официально зарегистрированы на тот момент на территории страны. В отношении ряда религиозных объединений, лишенных права вести эти виды социальной деятельности, закон стал применять термин «религиозные группы», противопоставляя их «религиозным организациям», которые считались полноправными субъектами государственно-конфессиональных отношений⁴. Таким образом, была представлена иерархия религиозных объединений, одни из которых оказались в более выгодном положении по сравнению с другими. Данный аспект был сразу замечен критиками и представителями не упомянутых в преамбуле религиозных

¹Кокорин М. В. Контроль органов исполнительной власти за деятельностью религиозных объединений // Власть и исполнение на Востоке России. – 2008. – № 1. – С. 139–144.

²О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (дата обращения: 20.11.2021). – Текст: электронный.

³Сафонова А. С. Влияние деструктивных религиозных организаций на политическое сознание молодежи // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – № 5А. – С. 208.

⁴О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (дата обращения: 20.11.2021). – Текст: электронный.

объединений¹, а также представителями правозащитных движений, таких как Российская Хельсинская группа². Защищая ценности либерализма, они указывали на те аспекты, которые могли привести к попыткам оправдания нарушений свободы совести в Российской Федерации. Критики обращали внимание на то, что выделение и подчеркивание роли нескольких особых конфессий, включая православие, не соответствует духу статьи закона, провозглашающей равную удаленность от закона всех религий.

На фоне проводимой критики в обществе возникла широкая дискуссия, посвященная уточнению аспектов функциональной направленности закона, в ходе которой представители системы правоприменения стали указывать на то, что закрепленные в преамбуле положения лишь указывают на исторический и культурный контекст российского государства, а в нормативном смысле не работают, так как не дают никому никакие юридические преимущества, таким образом, не создают правового прецедента, меняющего сущность государственного подхода к взаимодействию с конфессиями. Напротив, закон утверждает права каждого гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, что подчеркивает светский характер государства³.

Результатом дискуссии, по словам О.Е. Казьминой, носившей, скорее, политический характер, является появление значительных поправок к тексту закона о том, что в законе 1997 г. сохранялись все фундаментальные принципы религиозной свободы⁴. Это означает, что данный закон нельзя считать в чистом виде юридическим документом, так как на его содержание влияли различные социальные силы, имевшие разные политические

¹Ничик В. Потенциальная практика применения законопроекта о миссионерской деятельности и штрафах за миссионерство. – URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=454&ELEMENT_ID=7064 (дата обращения: 14. 02. 2020). – Текст: электронный.

² См.: Бучакова М. А. Право на свободу совести и свободу вероисповедания в Российской Федерации // Вестник Омского университета. – 2017. – № 3. – С. 42.

³Авакьян С. А. Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт // Вестник Московского университета. Серия 11. «Право». – 1999. – № 1. – С. 3–22.

⁴Казьмина О. Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01. – М., 2007. – 47 с.

приоритеты и социальные ценности. С одной стороны, это силы, выражающие интересы определенных властных структур российского общества, которые стремились проводить политику, связанную с переходом от реализации программ, нацеленных на поддержание конфессиональной идентичности, к программам, направленным на формирование единой общегражданской идентичности среди населения. С другой, как заметил С. А. Янжинов, выступали силы, отражающие либеральные настроения, принимаемые рядом соотечественников и широко распространенные за рубежом¹. Это нашло отражение в том, по словам С. А. Бурьянова и С. А. Мозговой, что в дальнейшем противостояние двух тенденций продолжалось и проявлялось таким образом, что практически все попытки создания концепции отношений Российского государства с религиозными объединениями, в частности, с учетом законопроектов, регулярно вносимых в Государственную Думу и направленных на законодательное закрепление государственных конфессиональных предпочтений, подвергались анализу и критике со стороны либеральных сил².

Одной из первых внятных попыток формирования концепции государственно-конфессиональных отношений стал проект, предложенный кафедрой религиоведения РАГС при Президенте РФ, возглавляемый О. Ю. Васильевой. Одновременно свою концепцию представили региональная общественная организация «Институт государственно-конфессиональных отношений и права» и Главное управление Министерства юстиции РФ по г. Москве под руководством В. Н. Жбанкова. Данные проекты были представлены как альтернативные, однако, по сути, содержали программы действий властей, направленные на решение задачи противостояния религиозному экстремизму. При этом опасение в обществе вызывало то, что эти программы в случае их принятия могли быть

¹Янжинов С. А. Этнокультурная политика и основные приоритеты государственно-правового развития России // *Философия права*. – 2007. – № 1. – С. 54–58.

²Бурьянов С. А., Мозговой С. А. Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России: информационно-аналитический отчет Института свободы совести (вторая половина 2001 – конец 2004 г.). – М.: Ин-т свободы совести, 2005. – 524 с.

применены для ограничения свобод любых верующих, так как концептуально формировали базу для изменения законодательства о свободе совести¹.

Последовали интенсивная критика обеих концепций со стороны конфессиональных лидеров² и отвержение их в Администрации Президента на основании того, что содержание проектов противоречит Конституции. Основным объектом критики стало понятие «традиционные религиозные организации», введение которого в правовое поле России могло наполнить конфессиональным содержанием нейтральный термин, взятый из преамбулы закона 1997 г., что вело к появлению законопроектов соответствующего содержания³. Такая же судьба ожидала ряд последующих проектов концепций государственно-конфессиональных отношений, авторами которых стали депутат Государственной Думы А. Чуев, а затем депутат Государственной Думы С. Глазьев. Обе концепции объединены идеей о необходимости организации сотрудничества государства с теми конфессиями, которые признавались традиционными и характеризовались попытками выработать принимаемый на уровне законодателя критерий «традиционности», согласно которому в правовое поле государства возможно было бы внести понятие «традиционная религиозная организация»⁴. Однако возможность отказа от принципа юридического равенства, что влекло бы за собой принятие данных концепций, отвергалась не только на уровне критиков, но и на уровне Правительства Российской Федерации по причине борьбы с административным произволом в

¹Бурьянов С. А., Мозговой С. А. Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации Законодательства о свободе совести // Юридический мир. – 2001. – № 12. – С. 4–13.

²Председатель Центрального духовного управления мусульман России муфтий Т. Таджуддин заклеил проект религиоведов РАГС как «антиисламский и богохульный». – URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/gosudarstvenno-czerkovnyye-otnosheniya-protiv-svobody-sovesti-i-pravovogo-gosudarstva.html> (дата обращения: 20.02.2022). – Текст: электронный.

³Сипко Ю. Две концепции и семь принципов. Российские баптисты об альтернативных проектах церковно-государственных отношений. – Текст: электронный // НГ-Религии. – 2001. – URL: https://www.ng.ru/facts/2001-10-10/1_concepts.html (дата обращения: 03.10.2021).

⁴Опубликованы заключения РПЦ на законопроекты «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций» С. Глазьева и А. Чуева. – URL: <https://www.sova-center.ru/religion/discussions/law/2003/05/d416> (дата обращения: 09.03.2022). – Текст: электронный.

отношении верующих¹. На этом уровне отмечается, что стремление к отделению «традиционных» от «нетрадиционных» религиозных организаций не только противоречит норме Конституции, регулирующей равенство религий перед законом, но и влечет за собой нарушение других взаимозависимых норм, таких как свобода совести, а также равенство прав и свобод каждого гражданина.

Начиная с 2012 г., вопрос о необходимости выработки российским государством концепции в отношении государственно-конфессиональных отношений был вновь актуализирован в связи с началом реализации программы Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г., целью которой становится сохранение межнационального и межконфессионального единства. По замечанию М. А. Казакова, в рамках данной стратегии ценности традиционных религий стали оцениваться в качестве фундамента российской цивилизации и социальной структуры². Для наиболее наглядной демонстрации уровня влияния традиционных религий на социальное развитие России используется понятие созданных ими «духовных скреп». Под этим понятием понимаются не юридические, а нравственные нормы и устои, сформированные православием, исламом, буддизмом и иудаизмом у исповедующих их длительное время российских народов³. Понятие «духовные скрепы» принимается в кругах политиков, которые обращаются к нему, апеллируя к традиционным ценностям. Они указывают, что русский народ на генетическом уровне воспринимает ценности, связанные с архетипической триадой: православие, самодержавие, народность, что очень напоминает идеологию «официальной народности», использованную в конце XIX – нач. XX в.⁴

¹Куницын И. Ввод в законодательство России понятия «традиционная религиозная организация» // Закон и право. – 2002. – № 6. – С. 47–49.

²Казаков М. А. Традиционные конфессии в общественной дипломатии современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 5.– С. 157–171.

³Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 дек. 2012 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 09.11.2021). – Текст: электронный.

⁴Зимин В. А. Политические ценности современной России // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 206.

При этом прийти к выводу о том, что современный подход власти Российского государства, перестав обращаться к светским ценностям, обратился к религии, будет не совсем правильно, так как нет обращения к авторитету Бога. Как заметил по этому поводу Т. Ф. Ачкурин, причиной этого является содержание Конституции, согласно чему Россия представляет светское государство, задачей которого является защита ценностей его граждан, а не только традиционных религий¹. Эта же мысль прослеживается у С. Д. Савина, отмечающего, что государство понимает, что для многих большое значение имеет собственная этническая идентичность, в то время как некоторые стремятся к обретению новой религиозной идентичности и осуществляют самостоятельный духовный поиск, существуют и те, кто продолжает исповедовать атеизм². При этом все они являются гражданами России, и идеология «духовных скреп» объединяет их, обращая внимание на исторические и общегражданские ценности³. Важно, что здесь используется и указание на связь народов с традициями мировых религий, которая подразумевает наличие высшей сакральной санкции, однако сам сакральный авторитет не упоминается⁴. Эта тенденция, благодаря которой понятия о российском народе, его религиозной традиции и государстве сливаются в единое целое, в течение последнего десятилетия становится все более актуальной⁵.

В частности, наиболее ярко это проявляется на примере взаимодействия русского народа, православной церкви и российского государства. Так в 2014 г. по результатам проведения XVIII Всемирного русского народного собора, который проходил под эгидой РПЦ, была

¹Ачкурин Т. Ф. Российское государство и принцип светскости // Пространство и время. – 2011. – № 3. – С. 55–65.

²Савин С. Д., Касабуцкая М. С. Общенациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2019. – Т. 12, вып. 1. – С. 82–95.

³Медушевский Н. А. Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции российского общества // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2017. – № 1. – С. 124–131.

⁴Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – М.: Икар, 2014. – 356 с.

⁵Эпштейн М. Религия после атеизма. – М.: АСТ, 2013. – 415 с.

опубликована Декларация русской идентичности. Ее основой стало самоопределение русского как человека, владеющего русским языком как родным, признание православного христианства основой русской духовной культуры, ощущение солидарности с судьбой русского народа. В этой формулировке, несмотря на ряд оговорок, установлена прямая связь между этничностью, вероисповеданием и чувством патриотизма¹. В результате со всей очевидностью встал вопрос о том, что если представительство русского народа принимает документы, в которых отражается его связь с религиозными и государственными началами России, то могут ли другие народы также претендовать на это право?

В течение последующих лет ведущие религиозные организации, имеющие этническое представительство в России, стали поднимать вопрос об определении места и роли этих народов и их религий в России, имея в виду значимость воспитания патриотизма и конструктивного отношения к происходящим в стране событиям у народов, традиционно исповедующих ислам, иудаизм, буддизм². В их обращениях подчеркивалось, что необходимо принятие документов, открывающих возможность для взаимодействия государства и религий, имеющих возможности для конструктивного воздействия на личность, которая в условиях религиозного воспитания формирует свою традиционную, культурную и духовную идентичность³.

В частности, в 2015 г. была отредактирована социальная доктрина мусульман, которая декларировала, что «каждый должен делать все возможное, чтобы достойно служить стране, повышать ее авторитет, вносить позитивный вклад во все, что служит ее интересам и способствует прогрессу»⁴. Мусульмане подчеркивали, что стремятся участвовать в обеспечении стабильного развития страны. А. Игнатенко отмечает, что Умма

¹Декларация русской идентичности. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html> (дата обращения: 09.11.2021). – Текст: электронный.

²Набиев Р. А. Власть и религиозное возрождение. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – С. 304.

³Балич Н. Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 234–243.

⁴Социальная доктрина Российский мусульман. – Текст: электронный // Центральное духовное управление мусульман России. – URL: <https://dsmr.ru/images/Knigi/Socdoctrina.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

выражала намерение консолидироваться со всем населением страны в его стремлении к устранению негативных воздействий и угроз глобальных вызовов современности¹. О. К. Шиманская и Е. Г. Матина, продолжая эту мысль, заметили, что с аналогичными социальными программами выступили представители других религиозных организаций, включая представителей религиозных объединений входящих в Межрелигиозный совет России, Консультативный совет глав протестантских церквей России и Христианский межконфессиональный консультативный комитет стран СНГ и Балтии².

Таким образом, религиозные объединения, признававшие ведущую роль государства в определении правил социального поведения на конфессиональном пространстве Российской Федерации, принимали те требования, которые выдвигались перед ними российским государством и вступали на путь законопослушания, сотрудничества и кооперации. Такие религиозные объединения, даже не будучи изначально «традиционными», строили свои отношения с государством и российским обществом согласно принципам, изложенным в федеральном законе³. При этом основным принципом взаимодействия стало соответствие его уровня тем запросам, которые ставило перед ним российское государство, то есть оно развивалось в той мере, в какой это нужно было для развития России. При этом статус «традиционной» религии не был закрыт для всех тех религий, которые не вошли в первоначальный перечень. Вхождение в него, как и обретение статуса «традиционного», – перспектива, открытая для всех религиозных объединений, включая религиозные группы, которым необходимо доказать свое право на возможность существовать в пределах российского конфессионального пространства, так как они должны представлять

¹Игнатенко А. Выбор мусульман России. – URL: <http://viperson.ru> (дата обращения: 15.12.2021). – Текст: электронный.

²Шиманская О. К., Матина Е. Г. Социальное партнерство государства и религиозных организаций в современной России: методология, подходы, правовой аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 4.

³Постановления Освященного Архиерейского собора РПЦ (29 ноября – 2 декабря 2017 г.). – Текст: электронный // Православие. Ru. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text-/5076149.html> (дата обращения: 15.12.2021).

инструмент сплочения и институт общественного согласия. Можно сделать вывод, что государство в рамках предлагаемого данным законом подхода государственно-конфессионального взаимодействия не отвергает ни одну из существующих на конфессиональном пространстве России религий, но призывает их вступить на путь взаимопонимания и сотрудничества с властью, обществом, социальными группами и людьми.

Указывая на наличие в арсенале каждой конфессии такого важного ресурса, как адаптивные способности к объективным внешним условиям распространения, российское государство показывает возможность успешного взаимодействия с ним, через участие в решении государственных, общественных и частных задач. Важным критерием здесь является участие в формировании ценностей гуманизма, человеколюбия, формировании равновесного и гармоничного социального пространства Российской Федерации и социальных систем этого государства. Безусловно, что одним из важнейших требований, выдвигаемых перед религиозными организациями, является необходимость конструктивного взаимодействия с властями, социальными институтами и гражданами, которое должно обеспечивать с одной стороны рост миротворчества, с другой – противодействие тем силам, которые несут им опасность, как явную, так и скрытую. Именно этот показатель является критерием «традиционализма» конфессий, которые способны не только представлять собственные картины мироздания, но и участвовать в социальном строительстве на территории государства, где они осуществляют свою деятельность¹.

Таким образом, указывая на перспективу развития религиозных объединений от религиозных групп к религиозным организациям, а также от «нетрадиционных» к «традиционным» религиям, государство способствует наращиванию их нравственно-этического и миротворческого потенциала, что ведет их по пути к общественному и государственному признанию в качестве

¹Красиков А. А., Лункин Л. Н. Религия и гражданское общество в России: преодоление стереотипов и социальное служение. – М.: Юриспруденция, 2012. – 302 с.

полноправных участников государственно-конфессионального взаимодействия. При этом проблему представляет то, что эти требования связаны с необходимостью трансформации социальных институтов и социальных практик определенных религиозных объединений, что может восприниматься болезненно на уровне региональных российских представительств. Такие религиозные объединения не ограничиваются в свободе выбора модели взаимодействия с государством и, не подвергаясь запрету, продолжают деятельность как религиозные группы. В то же время российское государство рассчитывает как на преобладание миротворческого потенциала и направленности их социальной деятельности, так и на высокий профессионализм социальных представительств религиозных объединений, которые стремятся к обеспечению стабильного уровня отношений с российским государством¹.

Стремление создать благоприятные условия для исполнения указанных пожеланий явилось одним из факторов совершенствования законодательства в современных условиях становления российской государственности. Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 г., были направлены на ликвидацию разрыва между ценностями традиционной религии, государства, общества и личности. Закрепление в тексте основного закона понятий Бога, Семьи, Победы в Великой Отечественной войне имело задачей консолидацию граждан на основе обращения к непреходящим ценностям высшего порядка². В то же время, как полагают некоторые эксперты, такие как Е. П. Дубровина, поправки – тренд на формирование консервативной волны, нацеленной на защиту существующего государства, его традиционных нравственных устоев³. Однако важно отметить, что авторы

¹Шахов М. О. Проблемы правовой защиты традиционных ценностей // Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений: материалы II Межрегиональной научной конференции. – 2019. – С. 35–45.

²Путин внес поправки про бога, русский народ и союз мужчины и женщины. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2020/5e5d010e9a794718c0f57783> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст: электронный.

³Дубровина Е. П. Поправки к Конституции - политический тренд на разрушение правовой системы. – URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/05/15-0> (дата обращения: 07.03.2022). – Текст: электронный.

поправок стремились также сохранить такую специфическую черту российского государства, как его светский, гуманный, демократический характер. Важнейшим принципом российского законодательства, таким образом, по-прежнему воспринимались веротерпимость и свобода религиозного выбора, что непосредственно влияло на либеральный характер подхода государства к государственно-конфессиональным отношениям¹.

В тексте новых поправок утверждается, что инициатором и источником высшей санкции российского государства является не Бог, а народы, которые объединились на основе добровольного решения и уже тысячи лет проживают совместно на единой территории, при этом объединяясь посредством сохранения веры в Бога и нравственных ценностей². В этом определении содержится два смысла, один из которых указывает на то, что правом высшей легитимации власти в России являются народы, чье добровольное объединение в единое целое сформировало Российское государство, существующее во имя защиты и процветания. Необходимо подчеркнуть, что термин «народы» указывает на то, что современные россияне сохраняют свою этническую идентичность, никто не принуждает их отказываться от своих традиций, веры, особенностей культуры во имя общероссийского единства. Однако «общероссийское единство существует, и оно является более высоким уровнем единения, основанием для которого представляется вера в Бога»³.

Следующий смысл показывает место, которое Бог занимает в структуре легитимации Российского государства, так как представленная концепция, не будучи теологической, описывает уровень связи не между народами и Богом, а между народами и их верой в Бога. Вера в Бога, как она понимается с точки зрения современного подхода государства к регулированию государственно-

¹Мищенко И. Светское государство, после поправок конституции станет полурелигиозным? – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e60f0cddf715c1ee9b70266/svetskoe-gosudarstvo-posle-popravok-konstitucii-stanet-polureligioznum-5ee6000102f56d5bd137d513> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст: электронный.

²Никакие религии не в обиде, а Бог в Конституции теперь будет. – URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27100.4/4173124/> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст: электронный.

³Лисенкова А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2. – С. 69–82.

конфессиональных отношений, представляет ведущий критерий самоидентификации народов, каждый из которых сохраняет свою традиционную религию, сущностью которой является вера в Бога. Поэтому Россия представляется добровольным объединением народов и религий, основанным на их свободно принятом решении жить вместе с такими же народами и религиями, сохраняя единство в вере в Бога. Можно ли связать этот подход с подходом, который отражал теологический взгляд на образ Святой Руси, руководимой Богом во имя реализации своих целей? Безусловно, в ней есть претензии на Святость этого объединения, однако оно не обеспечивается религиозным убеждением, что существует наличие непосредственной связи между Богом и российским государством. Основанием Святости является стремление граждан России сохранить свою веру в Бога, а также традиции, культуру, нравственность, которые сами по себе являются достаточным аргументом для существования легитимного государственного образования, регулирующего их жизнь¹.

Таким образом, в тексте поправок, принятых в 2020 г., несмотря на обращение к понятию Бога не утверждается, что возникновение и формирование Российского государства как-то связано с божественной санкцией; кроме того, нет положений, утверждающих приоритет какой-либо одной, государственной или обязательной религии. Россия остается светским, нерелигиозным государством, где свобода выбора поддерживается главным законом государства, однако это государство осознает, что без апелляции к традиционным религиозным ценностям оно не в состоянии обеспечить себе социальную легитимацию власти. Именно это концептуальное утверждение определяет порядок взаимодействия между государством и конфессиями, сохраняющими возможность выбора модели социального взаимодействия с государством, либо в качестве религиозной группы, либо в качестве религиозной организации. Конституция 2020 г.

¹Беляков А. П. Духовность, нравственность и духовно-нравственное воспитание в свете свято-отеческой традиции // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. – 2016. – № 1. – С. 150–159.

постулирует светский характер современного государства, в котором утверждён принцип свободы совести и веротерпимости, не подлежащий трансформации ни при каких преобразованиях. Это означает, что сутью поправки о Боге является не попытка вернуться к богословской концепции власти, а защита традиционных ценностей российского общества в рамках регуляции отношений традиции и новации на современном этапе развития, когда сохранение традиционных аспектов культуры практически приравнивается к сохранению российской идентичности. То есть, по словам А. И. Овчинникова и Г. В. Нефедовской, в данной концепции отражена тенденция к консолидации граждан российского государства на основе ценностей патриотизма и традиционализма¹.

В настоящее время российское государство проводит политику, нацеленную на укрепление общероссийской нации и построение единого общества, которая в рамках этнокультурного разнообразия требует актуализации всех имеющихся политико-идеологических ресурсов, направленных на интеграцию, среди которых значимое место занимает традиционная религия. Ее назначение всегда состояло в том, чтобы представлять обществу такой подход власти к регулированию государственно-конфессионального взаимодействия, в котором была бы представлена идеология, обосновывающая необходимость формирования мироощущения граждан, что связывало бы их с государством посредством завоевания их доверия к политическим институтам и общественно-политическим принципам функционирования государства².

Таким образом, формируется новый подход к легитимации власти, обращающейся к традиции и церкви (но не к Богу) как авторитету, играющему культуuroобразующую (но не сакральную) функцию. Согласно этому подходу, который отражен в тексте новой редакции Конституции

¹Овчинников А. И., Нефедовский Г. В. Взаимоотношения церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 23–37.

²Терин Д. Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. – 2018. – № 24. – С. 90–109.

(2020), традиционные религии, такие как православие, ислам, буддизм и иудаизм, формируют духовность и традиции России как государства, имеющего особый уровень духовного и культурного развития¹. В частности, Президент Российской Федерации В. В. Путин уделяет особое внимание культуuroобразующей роли православия, обращаясь к этой религии как самостоятельной ценности, безотносительно к вере в связь ее с высшими истинами. Он указывает, что «в основе наших нравственных ценностей прежде всего лежат христианские православные ценности, и в этом смысле оно (православие), конечно же, является важнейшей составной частью души России»².

Безусловно, все участники государственно-конфессионального взаимодействия на территории Российской Федерации должны признавать, что наряду с предоставлением им права свободно исповедовать свои убеждения сама современная российская власть в качестве высшей легитимации выбирает обращение к традициям существования российского государства в качестве страны, чье духовное развитие сопряжено с ценностями христианской религии. В Конституции указывается, что в течение тысячи лет духом христианства на территории страны пронизаны этика и учение о месте человека в мире, что повлияло на содержание современных представлений, господствующих в российском обществе. Еще одной данью традиции, отраженной в Конституции 2020 г., является обращение к памяти предков, сохранение которой, как и сохранение их заветов, символизируют стремление к сохранению общности российских народов, совместно проживающих на ее территориях³.

В завершение необходимо указать на функциональное назначение современных поправок к Конституции, которое состоит в необходимости

¹Новый текст Конституции РФ с поправками. – 2020. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст: электронный.

²Путин рассказал о православии как «составной части души России». – Текст: электронный // News.ru. – URL: <http://www.newsru.com/russia/20Nov2016/putinorto.html> (дата обращения: 15.12.2021).

³Путин внес поправки про бога, русский народ и союз мужчины и женщины. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2020/5e5d010e9a794718c0f57783> (дата обращения: 07.12.2021). – Текст: электронный.

преодоления влияния неконтролируемых последствий послереформенной активности многочисленных нетрадиционных религиозных объединений и духовных течений, противопоставляющих себя российской культуре. При этом необходимо провести сравнение с аналогичными процессами развития религии и государственности, происходившими в России в начале XX в., а также событиями, происходящими в современных странах Запада. Дело в том, что и в том и в другом случае имеется существенный опыт, доказывающий, что реформирование сферы государственно-конфессиональных отношений в направлении, где с одной стороны произошла полная десакрализация власти, а с другой был допущен целый ряд свобод, никак не ограничивающий мировоззренческий выбор граждан, приводит к фактическому отказу от традиционных видов идентичности и краху действующей государственной власти, не способной контролировать процессы, происходящие в конфессиональном и социальном пространстве страны¹. Современные западные общества, обеспечившие неконтролируемое распространение различных религиозных верований, многие из которых не соответствуют принятым в этих обществах традициям и нормам, встают перед этой же проблемой, которая в конечном итоге может привести их к потере собственной идентичности².

Современная Россия также переживает процессы, связанные с распространением не свойственных ее духовному и культурному наследию религий и идей, что может привести к отказу от своего прошлого и достижений национальной культуры. При этом, как пишет О. К. Шиманская, возникают серьезные противоречия между провозглашаемыми «принципами демократии, правами человека, свободой совести и религии, с одной стороны, а с другой – стремлением к сохранению национальной культуры,

¹Кулиев Ф. М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 231.

²Просяник В. В. Влияние «глобальной культуры» на современное российское общество // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 15–19.

этнической и религиозной идентичности»¹. Однако современное российское руководство, учитывая опыт проведенных в прошлом реформ, принимает вызовы современного общественного развития. Оно отвечает на них с учетом необходимости реагировать на бурно проходящие изменения и обеспечивать гражданам реализацию права свободы мировоззренческого и религиозного выбора, а также с учетом значимости принятия мер, нацеленных на консервацию и сохранение своего «культурного ядра», позволяющего российскому государству оставаться Россией с ее православным менталитетом, ценностями и традициями устройства и функционирования общества. Очевидно, что упоминаемые условия не предполагают возможности применения подхода государственно-конфессиональных отношений, основанного на принципе государственной религии, либо принципа, предполагающего радикальное отделение религии от государства². В то же время очевидно, что российское государство осознанно ставит барьер для религиозных объединений, чья социальная деятельность может нанести ущерб интересам личности, общества, государства. Таким образом, оно реализует подход, в рамках которого стремится осуществлять легитимное сотрудничество с теми религиозными объединениями, которые соблюдают правила социального поведения, установленные на территории Российской Федерации для всех субъектов конфессионального пространства. К ним относятся необходимость соблюдения мировоззренческого нейтралитета, толерантность, паритет, предполагающий равенство в деятельности различных людей и социальных групп. При этом равенство понимается как наличие равных условий перед всеми религиями как участниками социального процесса, государственно-конфессиональное взаимодействие с которыми должно строиться на основе взаимного признания ценностей совместного выживания и сотрудничества.

¹Шиманская О. К., Матина Е. Г. Социальное партнерство государства и религиозных организаций в современной России: методология, подходы, правовой аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 4.

²Подопригора Р. А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). – Алматы: Аркаим, 2002. – 323 с.

Выводы:

1. Проведение религиозных реформ с целью демократизации религиозной сферы постсоветской России ориентировалось на идеалы либерализации, однако привело к всплеску неконтролируемой и зачастую противоправной деятельности, причиной которой было, с одной стороны, несовершенство и неготовность демократических институтов общества и законодательства к функционированию в условиях религиозной вседозволенности, с другой – зачастую проявляемое нежелание религиозных объединений нести ответственность и приспосабливаться к нормам общества, в рамках которого они распространялись в Российской Федерации.

2. Государственные органы Российской Федерации начали политику, нацеленную на укрепление гражданского и этнокультурного единства, связанную с переходом от поддержания программ, нацеленных на поддержание конфессиональной идентичности, к программам, направленным на формирование единой общегражданской идентичности среди населения. Новый подход в государственно-конфессиональном взаимодействии был ориентирован на обращение к традиционным религиозным организациям как авторитету, играющему культуuroобразующую функцию. В сфере социального развития и культуры Российская Федерация проводит политику, нацеленную на поддержку традиционных религий, при этом обращается не к Богу, а к культуuroобразующим ценностям религий, которые в свою очередь поддерживают конструктивное взаимодействие с государством, не претендуя в этой сфере на выполнение сакральных функций.

3. Современное руководство Российской Федерации принимает вызовы современного развития мировой культуры, связанные с распространением не свойственных ее духовному и культурному наследию идей, с учетом необходимости сохранения либеральных принципов свободы совести и вероисповедания. Используемый государством подход в сфере государственно-конфессиональных отношений позволяет не только реагировать на бурно проходящие изменения и обеспечивать гражданам

реализацию права свободы мировоззренческого и религиозного выбора, но и обеспечивать сохранение «культурного ядра», позволяющего российскому государству оставаться Россией с ее православным менталитетом, ценностями и традициями устройства и функционирования общества. Данный подход предполагает реализацию принципа осознанного коллаборационизма, где каждое религиозное объединение само определяет свое отношение к взаимодействию с государством, в котором господствуют нормы либерализма, однако ставится барьер для религиозных объединений, чья социальная деятельность может нанести ущерб интересам личности и общества. Легитимное сотрудничество государство осуществляет с религиозными объединениями, соблюдающими правила поведения, к которым относятся мировоззренческий нейтралитет, толерантность, паритет, предполагающий равенство в деятельности различных людей и социальных групп. При этом равенство понимается как наличие равных условий перед всеми религиями как участниками социального процесса, государственно-конфессиональное взаимодействие с которыми должно строиться на основе взаимного признания ценностей совместного выживания и сотрудничества. Важно, что на уровне Конституции и законодательства Российская Федерация не связывает себя ни с одной из конфессий, сохраняет светский характер, утверждающий принцип свободы совести и веротерпимости.

Заключение к главе 2.

Взаимодействие религии и государства на территории российского государства можно разделить на три этапа, различающихся в зависимости от параметров взаимодействия власти и религиозных объединений, которые определялись принципами таких подходов, как цезарепапизм, секуляризм и либерализм. Первым этапом был период, когда религия и власть составляли единую структуру религиозно-политического руководства, действия которого определялись подходом, основанным на принципе легитимации, выстроенной первоначально вокруг почитания языческого пантеона, а затем

в рамках религиозно-политической идеологии Восточно-Римской империи. Второй этап, определяемый содержанием секулярного подхода государственно-конфессиональных отношений, начался с реформы конфессиональной сферы, проведенной Петром I, который предложил светское обоснование отношений государства с Церковью. После этого начинается процесс непрерывной трансформации конфессиональной сферы России, который включает стадию реформ и контрреформ. Реформы проводятся в связи со стремлением достичь большей степени религиозной свободы, проявляющейся в формировании неподконтрольной церкви и правительству конфессиональной среды. Контрреформы связаны со стремлением к сохранению порядка, которое реализуется в ряде протекционистских мер по отношению к православию, оказывающему поддержку государству и ограничительных мер по отношению к иным религиям. Совершившийся в нач. XX в. прорыв государственно-конфессиональных отношений в сторону либерализма впоследствии оказывал неизменное воздействие на религиозную сферу страны. В частности, несмотря на то, что в Советском Союзе государство опиралось на коммунистическую идеологию, воспринимая религию как угрозу, оно не могло обойти стороной проблемы религиозного свободомыслия и в трудные для себя периоды прилагало усилия, направленные на обретение церковной легитимации. Однако конфессиональная сфера не переставала пониматься в качестве источника угроз, что было причиной постоянного возврата к охранительному подходу, сущностью которого стала борьба с религиозным инакомыслием. Тем не менее, идеалы, заданные реформами начала XX в., оставались устойчивым ориентиром для населения и властей, вынужденных примерять свою конфессиональную политику к ожиданиям населения, что завершилось крахом коммунистической системы и реабилитацией религии.

Третий этап начался с провозглашения религиозных прав и свобод, зафиксированных в Конституции 1993 г. Подход к государственно-конфессиональным отношениям этого времени предполагал допущение

предельно возможного конфессионального многообразия, включая радикальные группы, использующие полученные свободы для достижения своих целей. Это привело к неконтролируемому всплеску активности нетрадиционной религиозности, что вызвало опасения в обществе, в котором проявились тенденции к потере идентичности и культуuroобразующих традиций. Поэтому вслед за религиозными реформами последовало принятие ряда законодательных актов, ограничивающих неподконтрольную до этого конфессиональную активность. Необходимо отметить, что с одной стороны указанные процессы продолжили традиции реформирования сферы государственно-конфессиональных отношений, включающие взаимодействие двух противопоставленных подходов, «охранительного» консерватизма и новационного либерализма, попеременное преобладание которых составляет содержание современных трансформаций, определяя подход государства к государственно-конфессиональным отношениям в России. С другой, важно отдавать отчет в том, что современная Россия глубоко впитала дух либерализма, нормы которого отражены в Конституции Российской Федерации. Используемый современным государством подход в сфере государственно-конфессиональных отношений позволяет обеспечивать гражданам реализацию права свободы мировоззренческого и религиозного выбора, а также развитие своего «культурного ядра», позволяющего России сохранять свои традиционные ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В западной философии обсуждение проблематики государственно-конфессиональных отношений представлялось сменяющимися друг друга подходами, один из которых отражал положения средневековой религиозной концепции, обосновывающей подчиненное положение государства по отношению к церкви. В период Нового времени распространились концепции, которые стремились обосновать секулярные принципы жизнедеятельности национальных государств, где религии были подчинены государству. Значительный вклад в развитие идей о взаимодействии государства, общества и религии в русле секуляризма сделан в социологических исследованиях и марксизме, обративших внимание на то, что взаимодействие государства и религии является аспектом управления обществом. С середины XX в. на осмысление проблем государственно-конфессиональных отношений стало оказывать влияние политического противостояния, что привело к обоснованию в концепции «информационной войны». С критикой этой концепции выступили не только представители ряда религий, указавших на нарушения своих прав со стороны западных государств, но и такие направления социальных исследований, как постмодерн и социология религий, которые защищали мнение о том, что используемая религиозными объединениями социальная стратегия поведения характерна для любых социальных групп. Аспектом этих исследований становится постулат о необходимости защиты гарантий свободы вероисповедания, реализация чего неодинакова в различных странах, однако принимается демократическими государствами Запада в качестве базового подхода к государственно-конфессиональной политике.

В отечественных исследованиях взаимодействия государства, общества, личности и церкви в дореволюционный период были заложены традиции охранительного подхода, предполагавшего необходимость обоснования союза православия, власти, народности. Однако с нач. XX в. этот подход был потеснен либеральным подходом, защищавшим принцип

свободы религиозного выбора. Невзирая на незавершенность либеральных преобразований в сфере государственно-конфессиональных отношений, ценности либерализма, касающиеся положения о праве человека на свободу совести и положения о независимости конфессиональной сферы от государственной, продолжали оказывать влияние на осмысление государственно-конфессионального взаимодействия. Произошло господство охранительного подхода в советской науке, в рамках которого осмысление государственно-конфессиональных отношений с опорой на атеистическую идеологию во второй половине 1980-х гг. произошло изменение направленности концептуального содержания в сторону признания принципа свободы совести и указаний на позитивную роль религий в процессах развития отечественной культуры. В начале 1990-х гг. восстановилось влияние либерального подхода, обосновывающего необходимость перехода от понимания государственно-конфессиональных отношений как процесса, который нуждается в контроле со стороны государства, к пониманию религиозной жизни как сферы, независимой от государства. Современные отечественные исследователи рассматривают проблемы государственно-конфессионального взаимодействия, где с одной стороны представлены исследования, основанием которых является «охранительный» подход, направленный на оправдание государственного протекционизма традиционных конфессий как оплота стабильности и преследования инославия как общественной угрозы; с другой – им противостоят исследователи, отражающие либеральный подход, который доказывает, что приоритет государственного над личностным в религиозной сфере ведет либо к тоталитаризму – безусловному подчинению личности требованиям государства, либо к хаосу – гражданскому конфликту, который может закончиться окончательной утратой религиозной свободы. Поэтому несмотря на то, что за период в несколько последних десятилетий сделан качественный скачок в разработке проблемы государственно-конфессиональных отношений, в российской науке ощутим недостаточный уровень

исследований, посвященных изучению государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям.

Взаимодействие религии и государства на территории российского государства можно разделить на три этапа, различающихся в зависимости от параметров взаимодействия власти и религиозных объединений, которые определялись принципами таких подходов, как цезарепапизм, секуляризм и либерализм. Первым этапом был период, когда религия и власть составляли единую структуру религиозно-политического руководства, действия чего определялись подходом, основанным на принципе легитимации, выстроенной первоначально вокруг почитания языческого пантеона, а затем в рамках религиозно-политической идеологии Восточно-Римской империи. Принятие этого подхода вело к формированию социального порядка, который понимался как отражение небесного устройства, где правитель был вершителем дел мирских и духовных. Дальнейшая политическая история страны развивалась в зависимости от направления реформаторской деятельности правителя, стремившегося подчинить религиозную сферу единому началу, олицетворением чего является формирование теологической концепции Третьего Рима. В то же время не все население централизованного государства желало религиозного единства, требуемого данной концепцией. Противодействие привело к кризису власти, разрешением чего стал процесс секуляризации российской системы управления, ознаменовавший начало нового этапа развития государственно-конфессиональных отношений.

Второй этап, определяемый содержанием секулярного подхода государственно-конфессиональных отношений, начался с реформы конфессиональной сферы, проведенной Петром I, который предложил светское обоснование отношений государства с церковью. После этого продолжился процесс непрерывной трансформации конфессиональной сферы России, включающий стадию реформ и контрреформ. Реформы проводятся в связи со стремлением достичь большей степени религиозной

свободы, проявляющейся в умножении количества религий и формировании неподконтрольной церкви и правительству конфессиональной среды. Контрреформы связаны со стремлением к сохранению порядка, что реализуется в ряде протекционистских мер по отношению к православию, оказывающему поддержку государству, и ограничительных мер по отношению к иным религиям. В частности, в нач. XX в. проведен ряд реформ, нацеленных на смягчение вероисповедной политики и установивших такой подход к государственно-конфессиональным отношениям, при котором гарантировалась свобода религиозного выбора. Позже правительство вернулось к политике ужесточения в отношении последователей неправославных вероисповеданий. При этом проведение контрреформ не имело результата, так как этот период завершился февральской демократической революцией, которая установила в сфере государственно-конфессиональных отношений принципы либерализма, естественного права и конституционного строя. Совершившийся в нач. XX в. прорыв государственно-конфессиональных отношений в сторону либерализма впоследствии оказывал неизменное воздействие на религиозную сферу страны. В частности, несмотря на то, что в Советском Союзе государство опиралось на коммунистическую идеологию, воспринимая религию как угрозу, оно не могло обойти стороной проблемы религиозного свободомыслия и в периоды кризисов прилагало усилия, направленные на обретение церковной легитимации. В советской стране политика, направленная на ужесточение контроля по отношению к религиозным объединениям, несколько раз смягчалась, но конфессиональная сфера не переставала пониматься в качестве источника угроз, что было причиной постоянного возврата к охранительному подходу, сущностью которого стала борьба с религиозным инакомыслием. Тем не менее, идеалы, заданные реформами начала XX в., оставались устойчивым ориентиром для населения и властей, вынужденных примерять конфессиональную политику

к ожиданиям граждан, что завершилось крахом коммунистической системы и реабилитацией религии как социального явления.

Третий этап начался с провозглашения религиозных прав и свобод, зафиксированных в Конституции 1993 г. Подход к государственно-конфессиональным отношениям этого времени предполагал допущение предельно возможного конфессионального многообразия, включая радикальные группы, использующие полученные свободы для достижения своих целей. Это привело к неконтролируемому всплеску активности нетрадиционной религиозности, что вызвало опасения в обществе, в котором проявились тенденции к потере идентичности и культуuroобразующих традиций. Поэтому вслед за религиозными реформами последовало принятие ряда законодательных актов, ограничивающих неподконтрольную до этого конфессиональную активность. Необходимо отметить, что с одной стороны указанные процессы продолжили традиции реформирования государственно-конфессиональных отношений, включающие взаимодействие двух противопоставленных подходов, «охранительного» консерватизма и новационного либерализма, попеременное преобладание которых составляет содержание современных трансформаций, определяя подход государства к государственно-конфессиональным отношениям в России; с другой – важно отдавать отчет в том, что современная Россия глубоко впитала дух либерализма, нормы которого отражены в Конституции Российской Федерации. Используемый современным государством подход в сфере государственно-конфессиональных отношений позволяет обеспечивать гражданам реализацию права свободы мировоззренческого и религиозного выбора, а также сохранение своего «культурного ядра», позволяющего России сохранять свои традиционные ценности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агамбен, Д. Средства без цели / Д. Агамбен. – Москва: Гилея, 2015. – 148 с.
2. Айвазов, И. Г. Христовщина / И. Г. Айвазов. – Санкт-Петербург: Тип. П. Я. Синченко, 1915. – Т. 1. – 648 с.
3. Андреев, В. М. Либерально-обновленческое движение в Русском православии начала XX века и его идеология: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.00 / В. М. Андреев. – Ленинград, 1972. – 209 с.
4. Андреева, Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века / Н. С. Андреева. – Санкт-Петербург: Мирь, 2008. – 310 с.
5. Андреева, О. А. Влияние христианства на становление древнерусского государства и права / О. А. Андреева // Известия Южного Федерального университета. – 2004. – С. 257–264.
6. Анисимов, Е. В. Петр Великий: личность и реформы / Е. В. Анисимов. – Санкт-Петербург, 2009. – 448 с.
7. Арапов, Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.) / Д. Ю. Арапов. – Москва: МПГУ, 2004. – 287 с.
8. Арсеньев, Н. К. Православная Церковь и Западное христианство / Н. К. Арсеньев. – Варшава: Синодальная типография, 1929. – 108 с.
9. Асонов, Н. В. Теория официальной народности в политическом дискурсе второй половины XIX в. – начале XX в. / Н. В. Асонов // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 2. – С. 270–279.
10. Ачкурин, Т. Ф. Российское государство и принцип светскости / Т. Ф. Ачкурин // Пространство и время. – 2011. – № 3. – С. 55–65.
11. Бабкин, М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М. А. Бабкин. – М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России, 2007. – 532 с.

12. Баев, В. Г. Государственно-конфессиональные отношения в зеркале современной отечественной юридической литературы / В. Г. Баев, И. А. Кирсанов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 4. – С. 6–11.
13. Балагушкин, Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада) / Е. Г. Балагушкин. – Москва: Изд-во МГУ, 1986. – 286 с.
14. Балич, Н. Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества / Н. Л. Балич // Социологический альманах. – 2015. – № 3. – С. 234–243.
15. Барт, Р. Риторика образа / Р. Барт. – Москва: Прогресс, 1989. – 615 с.
16. Бауман, З. Возвышение и упадок труда / З. Бауман // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 77–86.
17. Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 388 с.
18. Безносова, О. В. Конфессиональная политика Российской империи в 1903-1917 гг. / О. В. Безносова // Вестник Тверского государственного университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 35–50.
19. Бек, У. Общество риска на пути к другому модерну / У. Бек. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
20. Белла, Р. Н. Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Р. Н. Белла. – Москва: Прогресс, 1972. – С. 265–281.
21. Беляков, А. П. Духовность, нравственность и духовно-нравственное воспитание в свете свято-отеческой традиции / А. П. Беляков // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. – 2016. – № 1. – С. 150–159.

22. Бендин, А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.
23. Бенкендорф, А. Х. Воспоминания / А. Х. Бенкендорф. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – Т. 1. 1802–1825. – 501 с.
24. Бердников, И. С. Церковь и Империя. История Православной симфонии отношений / И. С. Бердников. – Москва: ФИВ, 2012. – 511 с.
25. Бердяев, Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / Н. А. Бердяев. – Москва: Канон+, 1999. – 462 с.
26. Бирюков, В. Ю. Системный анализ государственной политики России в отношении нетрадиционных религиозных организаций: история вопроса, современное состояние и тенденции развития / В. Ю. Бирюков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 4. – С. 42–51.
27. Боа, К. Лабиринты веры. Путь к истине. Евангельский взгляд на новые религиозные образования, колдовство, магию и оккультизм / К. Боа, Л. Пол. – Москва: Крон-Пресс: Библейская миссия СЕО, 1992. – 310 с.
28. Богданов, А. Н. «Американская империя» и мировой порядок в XXI веке / А. Н. Богданов // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4. – С. 79–86.
29. Бодрийяр, Ж. Призрак толпы / Ж. Бодрийяр, К. Ясперс. – Москва: Алгоритм, 2007. – 269 с.
30. Бонч-Бруевич, В. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / В. Бонч-Бруевич. – Санкт-Петербург: Тип. Вольфа, 1908. – 314 с.
31. Боровой, Б. Социальная проблематика в русском богословии / Б. Боровой // Журнал московской патриархии. – 1987. – № 9. – С. 17–23.
32. Булгаков, С. Н., прот. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Москва: Республика, 1994. – 415 с.

33. Бурдые, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдые // Поэтика и политика. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. – С. 125–166.
34. Бучакова, М. А. Право на свободу совести и свободу вероисповедания в Российской Федерации / М. А. Бучакова // Вестник Омского университета. – 2017. – № 3. – С. 42–46.
35. Бычков, А. В. Коммунистический идеал: утопия и будущее человечества / А. В. Бычков, В. С. Арсентьева // Вестник науки и образования. – 2018. – № 10. – С. 28–32.
36. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – Москва: РОССПЭН, 1990. – 648 с.
37. Вениамин (Новик), игумен. Православие. Христианство. Демократия / Вениамин (Новик). – Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. – 360 с.
38. Шахов, М. О. Проблемы правовой защиты традиционных ценностей / М. О. Шахов // Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений: материалы II Межрегиональной научной конференции. – Владимир, 2019. – С. 35–45.
39. Верт, П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
40. Веселовский, Н. И. Труды по истории Золотой Орды / Н. И. Веселовский. – Казань: Фэн: АН РТ, 2010. – 192 с.
41. Визер, Б. О сути и истории советских и российских конституций / Б. Визер // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 9–18.
42. Власова, Ю. Б. Взаимодействие права и идеологии в современных условиях (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю. Б. Власова. – Москва, 2005. – 22 с.

43. Возжеников, А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия / А. Возжеников. – Москва: Модуль, 2000. – 234 с.
44. Володина, Н. В. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений / Н. В. Володина. – Москва: Новый индекс, 2009. – 476 с.
45. Волхонский, М. А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы Первой русской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. А. Волхонский. – Москва, 2003. – 22 с.
46. Воробьева, Е. И. Власть и мусульманское духовенство в российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / Е. И. Воробьева // Исторический ежегодник. – Омск, 1998. – С. 40–55.
47. Гаряева, Д. А. Формирование советским государством правовой базы антирелигиозной политики (1917–1929 гг.) / Д. А. Гаряева // *Oriental Studies*. – 2016. – Vol. 24, is. 2. – Pp. 19–22.
48. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии / Г. В. Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 5–31.
49. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – Москва: Эксмо, 2008. – 781 с.
50. Гоббс, Т. Сочинения / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 1991. – Т. 2. – 735 с.
51. Голованов, С. Католичество в России (исторический очерк) / С. Голованов. – Санкт-Петербург: Высшая Духовная семинария «Мария царица апостолов», 1998. – 85 с.
52. Голубинский, Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. Общие вопросы / Е. Е. Голубинский // *Богословский вестник*. – 1892. – № 1. – С. 45–75.
53. Голубинский, Е. Е. История Русской церкви / Е. Е. Голубинский. – Москва: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – Т. 1. – С. 839–840.
54. Гордиенко, Н. С. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. / Н. С. Гордиенко, П. К. Курочкин // *Вопросы научного атеизма*. – 1969. – Вып. 7. – С. 313–340.

55. Гордиенко, Н. С. Российские свидетели Иеговы: история и современность / Н. С. Гордиенко. – Санкт-Петербург, 2000. – 233 с.
56. Горохова, В. В. Проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания при реализации законодательства Российской Федерации / В. В. Горохова, И. В. Горохова // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 5. – С. 30–34.
57. Гостюхин, А. В. Политическая система российского общества: взаимоотношение Русской Православной Церкви и государства на современном этапе / А. В. Гостюхин, М. Н. Фомина. – Чита: ЧитГУ, 2007. – 152 с.
58. Градовский, А. Д. История местного управления в России / А. Д. Градовский. – Санкт-Петербург: печ. В. Головина, 1868. – Т. 1. – 527 с.
59. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – Москва: Политиздат, 1953. – 567 с.
60. Грекулов, Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста / Е. Ф. Грекулов. – Москва: Атеист, 1930. – 153 с.
61. Григулевич, И. Р. Пророки новой истины / И. Р. Григулевич. – Москва: Политиздат, 1983. – 293 с.
62. Далгатов, А. Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): автореф. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. Г. Далгатов. – Санкт-Петербург, 2004. – 32 с.
63. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва: Институт русской цивилизации: Благословение, 2011. – 816 с.
64. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. – 813 с.
65. Дворниченко, А. Ю. Центр и региона России при «старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений / А. Ю. Дворниченко // Труды

- исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – № 1. – 2010. – С. 8–51.
66. Делез, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
67. Демидов, И. Русская православная церковь в беженском рассеянии / И. Демидов // Свободная Россия. – 1924. – № 5. – С. 308–331.
68. Деррида, Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм / Ж. Деррида; пер. с фр. Д. Ольшанского // Космополис. – 2004. – № 2. – С. 125–140.
69. Джигоев, А. Экстремизм и безопасность Северо-Кавказского региона / А. Джигоев // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 1. – С. 55–60.
70. Дорская, А. А. Эволюция понятия «государственно-конфессиональные отношения» в контексте правового развития России / А. А. Дорская // История государства и права. – 2012. – № 3. – С. 34–37.
71. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 656 с.
72. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. – Москва: Дело: РАНХиГС, 2018. – 732 с.
73. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.): монография. – Санкт-Петербург: ЛИСС, 1998. – 1000 с.
74. Живов, В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В. М. Живов. – Москва: Языки славянских культур, 2002. – 758 с.
75. Жижек, С. О насилии / С. Жижек. – Москва: Европа, 2010. – 184 с.
76. Забарчук, Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности / Е. Л. Забарчук // Журнал российского права. – 2008. – № 6. – С. 3–10.
77. Захарова, Л. Б. Отношения власти и церкви в начале 1920-х гг.: кампания по изъятию церковных ценностей / Л. Б. Захарова // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 64–70.

78. Зимин, В. А. Политические ценности современной России / В. А. Зимин // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 206–210.
79. Знаменский, П. М. Учебное руководство по истории русской церкви / П. М. Знаменский. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1904. – 482 с.
80. Зырянов, П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П. Н. Зырянов. – Москва: Наука, 1984. – 226 с.
81. Зуев, Ю. П. Социальные концепции религиозных объединений России: первый опыт определения / Ю. П. Зуев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 35–45.
82. Иваненко, С. И. Обыкновенный антикультизм / С. И. Иваненко. – Санкт-Петербург: Древо жизни, 2012. – 104 с.
83. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность / ред. Р. М. Мухаметшин. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – 452 с.
84. Казаков, М. А. Традиционные конфессии в общественной дипломатии современной России / М. А. Казаков // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 5. – С. 157–171.
85. Кантеров, И. Я. Новые религиозные движения в России / И. Я. Кантеров. – Москва: ББИ, 2007. – С. 16–93.
86. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. – Москва: РОССПЭН, 1991. – 125 с.
87. Карсавин, Л. П. Католичество / Л. П. Карсавин. – Петроград: ОГНИ, 1918. – 134 с.
88. Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. – Москва: Терра, 1992. – 569 с.
89. Клибанов, А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. – Москва: Наука, 1973. – 256 с.

90. Климов, Е. В. К вопросу о верховном боге в пантеоне древних славян / Е. В. Климов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 18. – С. 13–21.
91. Ключков, В. В. Закон и религия (от государственной религии в России к свободе совести в СССР) / В. В. Ключков. – Москва: Политиздат, 1982. – 160 с.
92. Ключевский, В. О. Боярская дума Древней Руси / В. О. Ключевский. – Москва: Ладомир, 1994. – 570 с.
93. Ключевский, В. О. Сочинения / В. О. Ключевский. – Москва: Мысль, 1989. – Т. 5. – 476 с.
94. Кобринская, И. Общая безопасность и безопасные сообщества / И. Кобринская // Вестник Евразии. – 1998. – № 1. – С. 4–5.
95. Кокорин, М. В. Контроль органов исполнительной власти за деятельностью религиозных объединений / М. В. Кокорин // Власть и исполнение на Востоке России. – 2008. – № 1. – С. 139–144.
96. Королев, А. А. Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991–2000 гг.) / А. А. Королев, О. В. Мельниченко // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 725–731.
97. Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 443 с.
98. Котляревский, Н. А. Холмы Родины / Н. А. Котляревский. – Берлин: Обелиск, 1923. – 253 с.
99. Красиков, А. А. Религии в России – фактор укрепления или распада государства / А. А. Красиков // Современная Европа. – 2003. – № 4. – С. 22–34.
100. Красиков, А. А. Религиозный фактор в европейской и российской политике: исторический аспект / А. А. Красиков. – Москва: XXI век, 2000. – 136 с.

101. Красиков А. А. Религия и гражданское общество в России преодоление стереотипов и социальное служение / А. А. Красиков, Р. Н. Лункин. – Москва: Юриспруденция, 2012. – 302 с.
102. Красников, Н. П. Социально-этические воззрения русского православия в XX веке / Н. П. Красников. – Киев: Выща шк., 1988. – 177 с.
103. Красников, Н. П. Русское православие, государство и культура (исторический аспект) / Н. П. Красников. – Москва: Знание, 1989. – 62 с.
104. Красников, А. Н. Методология западного религиоведения второй половины XIX – XX века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / А. Н. Красников. – Москва, 2007. – 50 с.
105. Кривельская, Н. В. Секта: угроза и поиск защиты / Н. В. Кривельская. – Москва: Благовест, 1999. – 267 с.
106. Крупская, Н. К. Воспоминания о Ленине / Н. К. Крупская. – Москва: Партиздат, 1932. – 288 с.
107. Крыленко, Н. В. Судебные речи 1922–1930 / Н. В. Крыленко. – Москва: Юридическая литература, 1964. – 326 с.
108. Крылов, А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве / А. Н. Крылов. – Москва: Икар, 2014. – 356 с.
109. Куковский, А. Н. Аксиологический подход к национальной безопасности в Российской Федерации / А. Н. Куковский // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХИГС. – 2015. – № 2. – С. 35–38.
110. Кулиев, Ф. М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / Ф. М. Кулиев // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 231–234.
111. Куницын, И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы / И. А. Куницын. – Москва: Православное дело: Отчий дом, 2000. – 460 с.

112. Курило, О. В. Лютеране в России. XVI–XX вв. / О. В. Курило. – Москва: Лютеранское культурное наследие, 2002. – 400 с.
113. Курочкин, П. К. Социальная позиция русского православия / П. К. Курочкин. – Москва: Знание. 1969. – 48 с.
114. Ленин, В. И. Об отношении рабочей партии к религии / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Москва: Политиздат, 1967. – Т. 17. – С. 415–426.
115. Леонтьев, К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – Москва: Институт русской цивилизации, 2010. – 1226 с.
116. Лисенкова, А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности / А. А. Лисенкова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2. – С. 69–82.
117. Лифтон, Р. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма / Р. Лифтон. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2005. – 576 с.
118. Личман, Б. История борьбы государственных идеологий (официальных мировоззрений) в России: православие и марксизм / Б. Личман, Л. Мартюшов // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 20–26.
119. Лобанова, И. В. Иерархия Русской Православной Церкви и синодальная система (конец XIX – начало XX в.) / И. В. Лобанова // Церковь в истории России. – Москва: Ин-т рос. истории РАН, 2005. – С. 197–207.
120. Логинов, А. В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности / А. В. Логинов. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2005. – 496 с.
121. Локк, Д. Два трактата о правлении // Сочинения / Д. Локк. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 3. – 480 с.
122. Лопаткин, Р. А. Вероисповедная политика Российского государства / Р. А. Лопаткин, Ф. Г. Овсиенко. – Москва: Изд-во РАГС, 2003. – 257 с.

123. Лотарев, К. А. Консерватизм и некоторые факты консолидации российского общества / К. А. Лотарев // Известия Иркутского государственного университета. – 2017. – Т. 20. – С. 9–16.
124. Луначарский, А. В. Беседы по марксистскому миросозерцанию / А. В. Луначарский. – Ленинград: Academia, 1924. – 85 с.
125. Макдауэлл, Дж. Обманщики: во что верят приверженцы культов. Как они заманивают последователей / Дж. Макдауэлл, Д. Стюарт. – Москва: Протестант, 1993. – 224 с.
126. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва: Планета, 1990. – 79 с.
127. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Политиздат, 1970. – Т. 1. – С. 1–3.
128. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 42. – С. 141–174.
129. Мартин, У. Царство культов / У. Мартин. – Санкт-Петербург: Логос, 1992. – 352 с.
130. Мартинович, В. А. Введение в сектоведение / В. А. Мартинович. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – 119 с.
131. Медушевский, Н. А. Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции российского общества / Н. А. Медушевский // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2017. – С. 124–131.
132. Мельгунов, С. П. Наши монастыри. Серия Церковь и государство. К вопросу о секуляризации монастырских земель / С. П. Мельгунов. – Москва; Петроград: Т-во Задруга, 1917. – 16 с.
133. Мельников, С. А. Социальная программа российских мусульман: к партнерству и взаимопониманию / С. А. Мельников // Религия и право. – 2001. – № 3. – С. 10–13.

134. Мирошникова, Е. М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы / Е. М. Мирошникова. – Москва: Ин-т Европы РАН, 2007. – 180 с.
135. Митрохин, Л. Н. Этот «странный мир Харе Кришна» / Л. Н. Митрохин // Наука и религия. – 1983. – № 1. – С. 52–57.
136. Митрохин, Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы / Н. А. Митрохин. – Москва: Издательство НЛЮ, 2004. – 650 с.
137. Морина, Л. П. Христианская модель власти в политической истории России / Л. П. Морина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 6, вып. 2. – С. 134–142.
138. Мотрошилова, Н. В. Концепция «вечного мира» и союза государств И. Канта: актуальное значение / Н. В. Мотрошилова // Иммануил Кант: наследие и проект. – Москва, 2007. – С. 406–427.
139. Мотрошилова, Н. В. Мыслители России и философия Запада / Н. В. Мотрошилова. – Москва: Республика: Культурная революция, 2007. – 476 с.
140. Муминов, А. И. Религиозный экстремизм как социальная угроза / А. И. Муминов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2007. – № 2. – С. 57–62.
141. Набиев, Р. А. Власть и религиозное возрождение / Р. А. Набиев. – Казань. Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 304 с.
142. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – Москва: Политиздат, 1985. – 448 с.
143. Овчинников, А. И. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении / А. И. Овчинников, М. Д. Фоминская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 7–14.
144. Овчинников, А. И. Взаимоотношения церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» /

- А. И. Овчинников, Г. В. Нефедовский // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 23–37.
145. Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. – Москва: Знание, 1994. – 171 с.
146. Оленич, Т. С. Философско-религиозные основы вероучения апокалипсических культов / Т. С. Оленич // Вісник Маріупольського державного університету. Сер. «Філософія, культурологія, соціологія». – 2011. – Вып. 1. – С. 7–11.
147. Осокин, И. Е. Дореволюционная и советская наука о церковном реформировании / И. Е. Осокин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. – С. 219–225.
148. Павлова, Н. С. Философско-социологические и исторические основания постановки проблемы безопасности в истории науки / Н. С. Павлова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 4. – С. 87–92.
149. Папков, А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя: с проектом приходского управления / А. А. Папков. – Санкт-Петербург: Типо-лит. В. В. Комарова, 1903. – 72 с.
150. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – Москва: Академический проект, 2018. – 530 с.
151. Петюкова, О. Н. Понятие и содержание государственно-конфессиональных правоотношений / О. Н. Петюкова // История государства и права. – 2011. – № 7. – С. 31–35.
152. Пинюгина, Е. В. Столетие поместного Собора и отголоски «церковной революции» 1917 г.: векторы политики памяти руководства РПЦ и церковной интеллигенции / Е. В. Пинюгина // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 70–90.
153. Плаксин, Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. / Р. Ю. Плаксин. – Москва: Наука, 1968. – 192 с.

154. Платонов, Г. М. Православная церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России. 1900–1914 гг.: на материалах Саратовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. М. Платонов. – Саратов, 2003. – 19 с.
155. Платонов, Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.) / Н. Ф. Платонов // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – Москва; Ленинград, 1960. – Т. 4. – С. 103–209.
156. Плужников, Е. Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России / Е. Н. Плужников // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – № 1. – С. 71–78.
157. Победоносцев, К. П. Церковь и государство / К. П. Победоносцев. – Москва: Институт русской цивилизации, 2011. – Т. 2. – 624 с.
158. Подопригора, Р. А. Государство и религиозные организации: административно-правовые вопросы / Р. А. Подопригора. – Алматы: Аркаим, 2002. – 323 с.
159. Поздняков, А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности / А. И. Поздняков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 2. – С. 46–53.
160. Порватова, Л. В. Особенности взаимоотношений государства и Церкви в период становления Советской власти / Л. В. Порватова // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 132–134.
161. Поспеловский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – Москва: Республика 1995. – 511 с.
162. Прокошев, П. А. Религиозный кризис на Западе Европы / П. А. Прокошев. – Томск, 1911. – 26 с.
163. Просяник, В. В. Влияние «глобальной культуры» на современное российское общество / В. В. Просяник // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 15–19.

164. Прохожев, А. А. Новые подходы к безопасности в связи с современными концепциями развития / А. А. Прохожев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – № 1. – С. 8–12.
165. Реале, Д. Западная философия от истоков до наших дней / Д. Реале, Д. Антисери. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1994. – Т. 2. – 320 с.
166. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Е. Л. Рудницкая [и др.]. – Москва: РАН, 1997. – 577 с.
167. Рейснер, М. А. Государство и верующая личность / М. А. Рейснер. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. – 432 с.
168. Религия и государство в современной России / под ред. М. Б. Олкотт, А. Малашенко. – Москва: Carnegie endowment for interpeace, 1997. – 119 с.
169. Римский, С. В церковь в эпоху великих реформ: церковные реформы в России 1860-1870-х гг. / С. Римский. – Москва: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. – 567 с.
170. Рожицын, В. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция / Р. Рожицын. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. – 29 с.
171. Розенбаум, Ю. А. Советское государство и церковь / Ю. А. Розенбаум. – Москва: Наука, 1985. – 176 с.
172. Русское православие: вехи истории / Я. Н. Щапов, А. М. Сахаров, А. А. Зимин [и др.]. – Москва: Политиздат, 1989. – 719 с.
173. Рогожкин, Н. М. Петр Первый и Россия (размышления о первом российском императоре) / Н. М. Рогожкин, А. Г. Гуськов // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 2. – С. 247–263.
174. Рыбаков, Б. А. Первые века русской истории / Б. А. Рыбаков. – Москва: Наука, 1964. – 240 с.
175. Рыбалкин, Н. Н. Природа безопасности: автореф. дис. д-ра филос. наук: 09.00.11 / Н. Н. Рыбалкин. – Москва, 2003. – 48 с.
176. Руденко, А. М. Религиозный экстремизм как фактор угрозы национальной и духовной безопасности российского общества /

- А. М. Руденко, А. М. Довлатян // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 1262–1265.
177. Савельев, С. Н. Идейное банкротство богоискательства в России в начале XX века / С. Н. Савельев. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. 1987. – 183 с.
178. Савин, С. Д. Общенациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности / С. Д. Савин, М. С. Касабуцкая // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2019. – Т. 12, вып. 1. – С. 82–95.
179. Сазонов, Д. И. Интеллигенция и церковь с 70-х по 80-е гг. XX в. Фактор религиозности / Д. И. Сазонов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 5. – С. 177–186.
180. Сафонов, А. А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А. А. Сафонов. – Москва, 2008. – 416 с.
181. Сафонова, А. С. Влияние деструктивных религиозных организаций на политическое сознание молодежи / А. С. Сафонова // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5, № 5А. – С. 208–218.
182. Свистунов, М. Н. О влиянии Русской Православной Церкви на формирование основ русской цивилизации / М. Н. Свистунов // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 1. – 315 с.
183. Секирин, А. А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви и церковная политика в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX века / А. А. Секирин // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. – Казань: Бук, 2016. – С. 67–71.
184. Семашко, А. Г. Русская Православная Церковь в государственном механизме Российской империи XIX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. Г. Семашко. – Москва, 2007. – 27 с.

185. Серенсен, Э. Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии / Э. Серенсен. – Москва: Прогресс-Традиция, 2014. – 229 с.
186. Скворцов-Степанов, И. И. О живой церкви / И. И. Скворцов-Степанов. – Москва: Моск. рабочий, 1922. – 32 с.
187. Силантьев, Р. А. Современная география исламского сообщества России / Р. А. Силантьев. – Москва: РИСИ: ФИВ, 2016. – 247 с.
188. Сластилина, Ю. В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ю. В. Сластилина. – Архангельск, 2006. – 22 с.
189. Сперанский, М. М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.) / М. М. Сперанский. – Москва: Русская мысль, 1905. – 359 с.
190. Стенник, Ю. В. «Наказ» Екатерины в оценке иерархов русской церкви / Ю. В. Стенник // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2001. – № 1. – С. 34–38.
191. Струве, П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – Санкт-Петербург: Изд-во Д. Жуковского, 1911. – 620 с.
192. Тальберг, Н. Д. Церковный раскол / Н. Д. Тальберг. – Париж: Изд-во Светлейшего Князя М. К. Горчакова, 1927. – 50 с.
193. Тарасевич, И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / И. А. Тарасевич. – Тюмень, 2015. – 49 с.
194. Терешина, Е. А. Понятие политизации религии / Е. А. Терешина // Ученые записки Казанского университета. – 2012. – Т. 54, кн. 1. – С. 254–260.
195. Тимашев, Н. С. Церковь и советское государство / Н. С. Тимашев // Путь. – 1928. – № 10. – С. 53–85.
196. Титлинов, Б. В. Церковь во время революции / Б. В. Титлинов. – Петроград: Былое, 1924. – 192 с.

197. Титов, В. Е. Православие / В. Е. Титов. – Москва: Политиздат, 1967. – 336 с.
198. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – Москва: Облиздат: Алир, 1998. – 672 с.
199. Тихонов, А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. / А. К. Тихонов. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 353 с.
200. Третьяков, А. В. Политико-правовые отношения Российского государства и Русской Православной Церкви: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. В. Третьяков. – Москва, 2004. – 25 с.
201. Трельч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – Москва: Юрист, 1994. – 720 с.
202. Трифионов, И. Я. Раскол в Русской Православной Церкви (1922–1925 гг.) / И. Я. Трифионов // Вопросы истории. – 1972. – № 5. – С. 64–77.
203. Троицкий, С. В., проф. Единство Церкви / С. В. Троицкий. – Москва: ФИВ, 2016. – 728 с.
204. Уваров, С. С. Православие. Самодержавие. Народность / С. С. Уваров. – Москва: Э, 2016. – 489 с.
205. Угринович, Д. М. О специфике и структуре религиозного сознания / Д. М. Угринович // Вопросы научного атеизма. – Москва: Мысль, 1966. – Вып. 1. – С. 36–68.
206. Уланов, В. Я. Всем, кто против войны / В. Я. Уланов. – Москва, 1917. – 24 с.
207. Ульянова, О. С. Правовые аспекты Российского законодательства о выезде евреев в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. / О. С. Ульянова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361. – С. 93–97.

208. Федоров, В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917) / В. А. Федоров. – Москва: Рус. панорама, 2003. – 479 с.
209. Флоринский, М. Ф. Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период третьей ионьской монархии / М. Ф. Флоринский // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия «История и языкознание». – 1980. – № 20. – С. 21–26.
210. Фоминых, Е. В. Проекты церковных преобразований в России в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Фоминых. – Ленинград, 1987. – 161 с.
211. Франк, С. Л. Личная жизнь и социальное строительство. Христианство на безбожном фронте / С. Л. Франк. – Париж: YMCA, 1920–1930-е гг. – 28 с.
212. Фуко, М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – Санкт-Петербург: Наука, 2011. – 544 с.
213. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – Москва: Весь мир, 2003. – 416 с.
214. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва: АСТ, 2003. – 603 с.
215. Харзинова, В. М. Религиозный экстремизм как фактор угрозы безопасности современной России / В. М. Харзинова, Е. А. Жигалова // Вестник Краснодарского университета МВД. – 2013. – № 1. – С. 80–83.
216. Хвыля-Олинтер, А. Опасные формы нетрадиционных религиозных движений / А. Хвыля-Олинтер // Северо-Кавказский регион. – 1998. – № 3. – С. 66–72.
217. Холопов, И. Идеология церковной реформы / И. Холопов. – Киев: Христианская мысль, 1916. – 13 с.
218. Хомяков, А. С. Сочинения богословские / А. С. Хомяков. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 479 с.

219. Хоффер, Э. Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения / Э. Хоффер. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 199 с.
220. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.: критические очерки / отв. ред. Н. А. Смирнов. – Москва: Наука, 1967. – 336 с.
221. Чичерин, Б. Н. Общее государственное право / Б. Н. Чичерин. – Москва: Зерцало, 2006. – 505 с.
222. Чумаченко, Т. А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-хх гг.: структура, форма и методы работы / Т. А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 30. – С. 74–85.
223. Цырендоржиева, Д. Ш. Религия и экономика: проблема методологических подходов / Д. Ш. Цырендоржиева, К. А. Багаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – № 3-1. – С. 79–86.
224. Шаргунов, А., протоиерей. Православная монархия и мировой порядок / А. Шаргунов. – Москва: Новая книга, 1999. – 224 с.
225. Швец, Ю. П. О причине провала реформ Александра I / А. П. Швец // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 229–231.
226. Шкаровский, М. В. Русская православная церковь и религиозная политика государства в годы войны / М. В. Шкаровский // Христианское чтение. – 1996. – № 12. – С. 26–53.
227. Шиманская, О. К. Социальное партнерство государства и религиозных организаций в современной России: методология, подходы, правовой аспект / О. К. Шиманская, Е. Г. Матина // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 3–7.
228. Шингарова, Н. В. Проблема свободы совести и веротерпимости в России в начале XX в. / Н. В. Шингарова // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 41–44.

229. Шишкин, А. А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви / А. А. Шишкин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 368 с.
230. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва: Аспект-Пресс, 1996. – 414 с.
231. Щипков, А. В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России / А. Щипков. – Санкт-Петербург: РХГИ, 1998. – 297 с.
232. Эпштейн, М. Религия после атеизма / М. Эпштейн. – Москва: АСТ, 2013. – 415 с.
233. Ярославский, Е. Борьба за преодоление религии / Е. Ярославский // Против религии и церкви. Центральный Совет Союза воинствующих безбожников: монография. – Москва: Гос. антирелигиозное изд-во, 1935. – Т. 4. – 420 с.
234. Ячменев, Ю. В. Этико-политические ценности русского средневековья / Ю. В. Ячменев // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 207–219.
235. Adorno, T. W. The Culture Industry / T. W. Adorno. – London; New York: Taylor and Francis. 2005. – 210 p.
236. Agamben, G. Absolute Immanence / G. Agamben // Jean Khalifa (ed.) Introduction to the Philosophy of Gilles Deleuze. – London; New York: Continuum, 2004. – Pp. 151–169.
237. Alexander, J. Future War. Non Lethal weapons in 21st century warfare / J. Alexander. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 114 p.
238. Barker, E. The Making of a Moonie / E. Barker. – New York: Blackwell Publishers, 1984. – 305 p.
239. Becker, H. Sociologicals Wissenschaftvom Socialen Handeln / H. Becker. – Würzburg: Holzner Verlag, 1959. – 402 s.
240. Bottomore, Th. B. Classes in modern society / Th. B. Bottomore. – New York: Pantheon books, 1966. – 120 p.

241. Buzan, B. *Regions and Powers* / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p.
242. Casanova, J. *Public Religions in the Modern World* / J. Casanova. – Chicago: University of Chicago Press. 1994. – 320 p.
243. Conway, F. *Holy terror* / F. Conway, S. Siegelman. – New York: Doubleday, 1982. – 402 p.
244. Garrett, G. *Global markets and national politics* / G. Garrett // *Intern. organization*. – Cambridge (Mass.), 1998. – Vol. 22, no. 2. – Pp. 205–226.
245. Giddens, A. *The New Egalitarianism* / A. Giddens, P. Diamond. – Cambridge: Polity Press. 2005. – 224 p.
246. Habermas, J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung* / J. Habermas. – Frankfurt: Suhrkamp, 1995. – 533 s.
247. Hertzke, A. D. *Religious Freedom in America: Constitutional Roots and Contemporary Challenges* / A. D. Hertzke. – Oklahoma: University of Oklahoma Press. – 2015. – 288 p.
248. Hoffman, V. J. *Religion and Politics in the Arab Spring and Its Aftermath* / V. J. Hoffman // *Making the New Middle East: Politics, Culture, and Human Rights*. – Syracuse: Syracuse University Press, 2019. – Pp. 47–70.
249. Horkheimer, M. *Traditionelle und kritische Theorie* / M. Horkheimer // *Zeitschrift für Sozialforschung*. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1980. – S. 274–275.
250. Hovland, C. I. *Experiments on Mass Communication* / C. I. Hovland, A. A. Lumsdaine, F. D. Sheffield. – Princeton: PU Press, 2017. – 356 p.
251. Iannaccone, L. R. *A Formal Model of Church and Sect* / L. R. Iannaccone // *American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – Supplement. – Pp. 241–268.
252. Kuru, A. T. *Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey* / A. T. Kuru. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 313 p.

253. Lazarsfeld, P. F. *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications* / P. F. Lazarsfeld, E. Katz. – Abingdon: Routledge, 2017. – 401 p.
254. Lenski, G. *Human societies: an introduction to macrosociology* / G. Lenski, J. Lenski. – New York: McGraw Hill College, 1974. – 529 p.
255. Luhmann, N. *Organisation und Entscheidung* / N. Luhmann. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000. – 232 s.
256. Mc Luhan, E. *The Genesis of Laws of Media* / E. Mc Luhan // *The Antigone Review*. – 1988. – Vol. 5, no. 74. – Pp. 201-202.
257. Melton, J. G. 'The counter-cult monitoring movement in historical perspective' in *Challenging Religion* / J. G. Melton // *Essays in Honour of Eileen Barker, James A. Beckford and James T. Richardson*, eds. – London: Routledge, 2003. – Pp. 102–113.
258. Niebuhr, R. H. *The Social Sources of Denominationalism* / R. H. Niebuhr. – New York; London: A Meridian book, 1975. – 304 p.
259. Nye, J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J. Nye. – New York: Public Affairs Group, 2004. – 792 p.
260. Post, J. *Notes on Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior* / J. Post // *Terrorism: An International Journal*. – 1984. – No. 7. – Pp. 241–256.
261. Richardson, J. *Cult Brainwashing Cases and Freedom of Religion* / J. Richardson // *Journal of Church and Stat.* – 1991. – Vol. 33. – Pp. 12–52.
262. Robert, d'A. *Initiation biblique: introduction à l'étude des Saintes Écritures* / d'A. Robert. – Paris: Société de Saint Jean L'Évangéliste, Desclée & cie. 1939. – 992 p.
263. Rona, T. P. *Weapon Systems and Information War* / T. P. Rona. – Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. – 50 p.
264. Rousseau, J.-J. *Lettre sur la vertu, l'individu et la société* / J.-J. Rousseau // *Annales de la société Jean-Jacques Rousseau*. – Genève: Droz, publié par Jean Starobinski & Charles Wirz, 1997. – Pp. 313–328.

265. Sejdini, Z. Wirsindkeine Götter / Z. Sejdini // Tiroler Zeitung. – 2015. – No. 66. – März. – S. 7–12.
266. Stark, R. Bainbridge W. S. A Theory of Religion / R. Stark, W. S. Bainbridge. – New York: Peter Lang, 1987. – 386 p.
267. Tillich, P. J. Christianity and the Encounter of the World Religions / P. J. Tillich. – New York: Columbia University Press, 1963. – 97 p.
268. Wilkinson, P. Terrorism and the liberal state / P. Wilkinson. – London; Basingstoke: Macmillan press, 1977. – 257 p.
269. Wilson, B. The social dimensions of sectarianism: sects and new religious movements in contemporary society / B. Wilson. – Oxford, 1990. – 299 p.

Список документов

1. Декларация русской идентичности. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html> (дата обращения: 09.12.2021). – Текст: электронный.
2. Конституция (основной закон) СССР. – Текст: электронный // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. – 1936. – № 283. – 6 дек. – URL: https://pikabu.ru/story/konstitutsiya_sssr_1936_goda_stalinskaya_mashinopisnyiy_tekst_original_6162742 (дата обращения: 03.02.2022).
3. Новый текст Конституции РФ: с поправками 2020 г. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст: электронный.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – URL: <http://www.mospat.ru/archive/sd00r.htm> (дата обращения: 29.01.2022). – Текст: электронный.
5. Основы социальной концепции российского иудаизма. – URL: <http://рос-мир.рф/node/2498> (дата обращения: 12.12.2021). – Текст: электронный.
6. Основные положения социальной программы российских мусульман // Совет муфтиев России. – Москва: Духовное управление мусульман Европейской части России, 2001. – 43 с.

7. Послание Президента Федеральному Собранию. – 1994. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Послание_Президента_Федеральному_собранию_\(1994\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Послание_Президента_Федеральному_собранию_(1994)) (дата обращения: 23.03.2022). – Текст: электронный.
8. О свободе совест: постановление Временного Правительства от 14 июля 1917 г. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/> (дата обращения: 23.12.2021). – Текст: электронный.
9. Постановления Освященного Архиерейского собора РПЦ (29 ноября – 2 декабря 2017 г.). – Текст: электронный // Православие. Ru. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text-/5076149.html> (дата обращения: 15.11.2021).
10. Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства: доклад председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 1960 г. / публ. М. И. Одинцова // Исторический архив. – 1999. – № 2. – С. 71–75.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 84. – URL: https://archive.org/details/Sobranie_uzakoneniy_i_rasporyazheniy_pravitelstva_za_1992 (дата обращения 13.12.2021). – Текст: электронный.
12. Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 19. – Ст. 217. – URL: <http://rgaspi.info/fonds/> (дата обращения: 08.12.2021). – Текст: электронный.
13. Социальная позиция протестантских церквей России. – Гл. 4. – URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1379387> (дата обращения: 13.12.2021). – Текст: электронный.
14. Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: утв. III Всероссийским Съездом Советов. – 1918. – Ст. 4. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussrrsfsr/1918/chapter/510567bc799b499f450a4638e59966ab> (дата обращения: 08.12.2021). – Текст: электронный.
15. Социальная доктрина российских мусульман. – Текст: электронный // Центральное духовное управление мусульман России. – URL: <https://dsmr.ru/images/Книги/Socdoctrina.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

16. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 20.12.2021).

Список электронных источников

1. Беглов, А. Л. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и власти: история и современность / А. Л. Беглов. – Текст: электронный // Сибирская православная газета (история). – 2004. – № 6. – URL: <http://www.ihtus.ru/62004/hi1.shtml> (дата обращения: 08.12.2021).
2. Бердяев, Н. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. – URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/index.html>. (дата обращения: 20.04.2021). – Текст: электронный.
3. Госдума завершила прием предложений к законопроекту об изменении Конституции. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/03/03/5e5d010e9a794718c0f57783> (дата обращения: 07.12.2021). – Текст: электронный.
4. Игнатенко, А. Выбор мусульман России / А. Игнатенко. – URL: <http://viperson.ru> (дата обращения: 15.12.2021). – Текст: электронный.
5. Константинов, Д. Преследования религиозных меньшинств в России – Свидетели Иеговы, мусульмане, православные и другие: доклад Форума свободной России – 2018 / Д. Константинов, И. Тютрин. – URL: <https://credo.press/221426/> (дата обращения: 06.12.2021). – Текст: электронный.
6. Костылев, П. Н. Новый экспертный Совет только усугубит нынешнюю неразбериху, сложившуюся в области государственно-конфессиональных отношений / П. Н. Костылев. – URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/groups/academy/Novyj-ekspertnyj-Sovet-tolko-usugubit-nyneshnyuyu-nerazberihu-slozhivshuyusya-v-oblasti-gosudarstvenno-konfessional-nyh-otnoshenij> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.

7. Кураев, А. (диакон). Лекции по церковному праву / А. Кураев. – URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/> (дата обращения: 17.04.2022). – Текст: электронный.
8. Маркус, Дж. С. Межрелигиозный диалог в России: современное состояние и перспективы / Дж. С. Маркус. – URL: <http://dumrf.ru/islam/dialog/1806> (дата обращения: 08.03.2022). – Текст: электронный.
9. Мищенко И. Светское государство, после поправок конституции станет полурелигиозным? / И. Мищенко. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e60f0cdcf715c1ee9b70266/svetskoe-gosudarstvo-posle-popravok-konstitucii-stanet-polureligioznym-5ee6000102f56d5bd137d513> (дата обращения: 07.12.2021). – Текст: электронный.
10. Никакие религии не в обиде, а Бог в Конституции теперь будет. – URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27100.4/4173124/> (дата обращения: 07.12.2021).
11. Ничик, В. Потенциальная практика применения законопроекта о миссионерской деятельности и штрафах за миссионерство / В. Ничик. – URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=454&ELEMENT_ID=7064 (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.
12. Шили, О. Победить терроризм можно, выиграв борьбу за умы и души людей / О. Шили. – URL: <https://www.dw.com/ru/отто-шили-победить-терроризм-можно-только-выиграв-борьбу-за-умы-и-души-людей/a-1038909>. (дата обращения: 04.02.2022). – Текст: электронный.
13. Пинкевич, В. К. П. А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века / В. К. Пинкевич. – Текст: электронный // Национальные интересы. 2004. № 4. – URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/698cdbec/d055ee76/f0a6600a/> (дата обращения: 12.02.2022).
14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12 дек. 2012 г. – URL: <http://www.>

kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 09.12.2021). – Текст: электронный.

15. Путин внес поправки про бога, русский народ и союз мужчины и женщины. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2020/5e5d010e9a794718c0f57783> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст: электронный.

16. Путин рассказал о православии как «составной части души России». – Текст: электронный // News.ru. – URL: <http://www.newsru.com/russia/20Nov2016/putinorto.html> (дата обращения: 14.12.2022).

17. Сопова, А. Патриарх Кирилл: против Церкви ведется информационная война / А. Сопова. – URL: <http://www.izvestia.ru/news/520710> (дата обращения: 03.03.2022). – Текст: электронный.

18. Сулейменов, Р. Р. Духовная безопасность России и нетрадиционные религиозные движения / Р. Р. Сулейменов. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2421099/> (дата обращения: 04.03.2022). – Текст: электронный.

19. Шутова, О. С. Некоторые аспекты государственно-церковных отношений в России в XX веке / О. С. Шутова. – Текст: электронный // Бог. Человек. Мир: материалы ежегодной научной конференции, 2001. – URL: <http://rchgi.spb.ru/Pr/bchm00/shutova.html> (дата обращения: 03.04.2021).

20. Элбакян, Е. Государственно-церковные отношения в России начала XX века в оценках либеральной и церковной интеллигенции / Е. Элбакян. – URL: http://www.religare.ru/2_5140.html (дата обращения: 20.02.2022). – Текст: электронный.

21. Albro, R. Risk Assesment in Encounters between Culture and Security / R. Albro. – URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-andsecurity>, свободный (дата обращения: 23.12.2021). – Текст: электронный.

22. Berg, T. Faith, and the First Amendment: The Guarantee of Religious Liberty. The Heritage Foundation: First Principles. 15 / T. Berg. – URL: <https://www.heritage.org/the-constitution/report/faith-freedom-and-the-first-amendment-the-guarantee-religious-liberty> (дата обращения: 12.11.2021). – Текст: электронный.
23. Cotter, J. M. Cultural Security Dilemmas and Ethnic Conflict in Georgia / J. M. Cotter. – Текст: электронный // Conflict study Journal at the University of new Brunswick. – 1999. – Vol. XIX, no. 1. – Spring. – URL: https://www.erudit.org/en/journals/jcs/1999-v19-n1-jcs_19_1/jcs19_01art05.pdf (дата обращения: 20.12.2021).
24. Durham, W. C. Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections / W. C. Durham. – URL: <http://www.iclrs.org/content/blurb/files/Religious%20Freedom%20in%20a%20Worldwide%20Setting.pdf> (дата обращения: 04.12.2021). – Текст: электронный.
25. Forrest, S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security / S. Forrest. – Текст: электронный // Proceedings of the Third Northern Research Forum Plenary on Security, Yellowknife, NWT September 18, 2004. – URL: https://www.rha.is/static/files/NRF/OpenAssemblies/Yellowknife2004/3rd-nrf_plenary-4_forrest_yr_paper.pdf (дата обращения: 23.01.2022).
26. Freedom of Thought: A Global Report on the Rights, Legal Status, and Discrimination Against Humanists, Atheists, and the Non-religious was created by the IHEU. – Текст: электронный // European Humanist Federation. – 2014. – URL: https://www.uvh.nl/uvh.nl/up/ZcdbjmuJcD_FOT17_Key_Countries_edition.pdf (дата обращения: 22.12.2021).
27. Hamed, A.-S. Moderate Muslimbrüder? WieNaiv! / A.-S. Hamed. – Текст: электронный // DiePresse. – URL: <https://www.diepresse.com/1425790/abdel-samadmoderate-muslimbruder-wie-naiv> (дата обращения: 03.02.2022).

28. Lippmann, W. The Basic Problem of Democracy / W. Lippmann. – URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1919/11/the-basic-problem-of-democracy/569095> (дата обращения: 22.12.2021). – Текст: электронный.